
В ПОНЕДЕЛЬНИК ДЕЛА НЕ ДЕЛАЮТСЯ

Михаил Макаров

РОМАН О НЕБЛАГОДАРНОЙ ПРОФЕССИИ

Михаил Макаров

В понедельник дела не делаются

«Э.РА»

2003–2005

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Макаров М.

В понедельник дела не делаются / М. Макаров — «Э.РА», 2003–2005

ISBN 978-5-907291-29-4

Время действия – конец девяностых. Место – среднерусская провинция. Вопреки коррумпированному начальству, межведомственным склокам, бытовым неурядицам и собственным вредным привычкам, рядовым сотрудникам милиции и прокуратуры удаётся изо дня в день раскрывать преступления, в числе которых самые запутанные и жуткие.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-907291-29-4

© Макаров М., 2003–2005
© Э.РА, 2003–2005

Содержание

Увертюра	6
Часть первая	8
1	8
2	12
3	26
4	30
5	37
6	40
7	46
8	50
9	58
10	66
11	71
12	74
13	80
14	86
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Михаил Макаров

В понедельник дела не делаются

© Михаил Макаров, 2021

Все персонажи вымышлены.

Наличие прототипов автором категорически отрицается.

Все совпадения случайны.

Большинство ситуаций возможно.

Формы и методы работы, а также проблемы правоохранительных органов – реальные.

Увертюра

Миха Маштаков смотрел телевизор в кругу семьи. Если быть точным, то в полукруге. Жена на кухне варила яблочное варенье. Старшая дочка Даша уединилась в маленькой комнате, так называемой детской. Зато на диване, к отцовской груди доверчиво прижавшись, сидела меньшая – Маришка. Канал ТНТ давал сериал про детектива Нэша Бриджеса. Крепкий полицейский фильм, и с юмором. Только лишку в него пальбы понапихано. За две недели примерного поведения Маштаков приохотился к сериалу про крутых лос-анджелесских коллег. Позвонил телефон, номер не определился. Трубку схватила шустрая Даша. – Па-апа, тебя-а! – закричала она врасстяжку. – Кто ещё там? – буркнул Маштаков. По роду своей деятельности он настороженно относился к неожиданным звонкам. – А я знаю?! – в голосе дочери звучал вызов. – Тётка какая-то. Миха заторопился к аппарату, шлёпая задниками стоптанных тапок. Периферическим зрением ухватил, как у бурлящих кастрюль жена напряглась фигурой и лицом. – Слушаю вас, – официально сообщил в трубку Маштаков.

На проводе действительно висел человек противоположного пола. Которому Миха строго-накрепко запретил звонить к себе домой.

Понимая, что им грубо нарушаются установленные правила, человек противоположного пола торопился успеть сказать главное, отчего картавил больше обычного. Смысл скороговорки сводился к тому, будто бы в деревне Соломино, что на московской трассе, во дворе у одного мужика закопана убитая женщина.

– Плечевая!!

Маштаков сперва подумал, что Ирка просто обставляется. Такое уже случалось. Нагордит с три короба, а потом невинно чирикнет: «Может, увидимся прямо сейчас, я тут в баре сижу, знаешь сам в каком». Посему по ходу разговора Миха задал пару контрольных вопросов. Да нет, вроде трезвая...

А слышимость – отвратительнейшая! Как будто абонент на обратной стороне Луны находится.

– Ладно, – подвёл черту Маштаков, – завтра, это самое, подходите с утра на работу ко мне. Часиков в девять. Сможете?

– Я когда-нибудь подводила? – последнюю фразу Ирка, привычно кокетничая, оставила за собой.

Когда Маштаков повесил трубку, жена, дунув на чёлку, взглянула исподлобья. За двенадцать лет совместного существования она, по многим признакам, овладела основами телепатии. Но две трезвые Михины недели кое-чего да значили. Очков он набрал за это время изрядно. На одних косвенных уликах третировать его было нельзя.

Как обычно, Маштаков долго не мог уснуть. Нервы у него давно стали мочальными. До половины первого он курил на кухне, рассеянно листал от конца к началу «Очерки русской смуты» Деникина и размышлял тягостно.

Последние пять лет он рос наоборот. То есть в землю. Когда карьера Михина сломалась, когда был он с треском изгнан из органов прокуратуры, где в двадцать семь лет достиг вершины своей служебной лестницы – полуноменклатурной должности заместителя межрайпрокурора – он веровал, что ещё восстанет из горстки пепла. На nive милицейского следствия, куда его легко взяли из-за полного почти отсутствия в СО² кадров с высшим юридическим образованием.

---

¹ Плечевая – проститутка, работающая на автотрассе (жарг.).

² СО – следственный отдел.

Выше планки старшего следователя Маштаков, однако, не прыгнул. Хотя барахтался, как та упрямая лягушка в крынке с молоком. Лучшие в области показатели, систематические переработки без отгулов и выходных в ущерб семье и здоровью, готовность безропотно катить в любую командировку, иммунитет против групповщины и интриганства сводились на «нет» сумасбродными загулами. Продолжительность которых из раза в раз увеличивалась, а трезвые интервалы между ними наоборот – сокращались.

Два с половиной года отбарабанил он, тем не менее, в следственном отделе УВД. За это время умудрился потерять служебное удостоверение. Разодрался с «пэпээсниками»³ на день милиции. Точнее, принялся не по делу в кабаке чужие права восстанавливать, а «пэпсы», – парни молодые, тренированные, – играючи его отбуцкали. Слишком часто стал ночевать в кабинете на составленных в ряд стульях. Понятно, что руководству это надоело.

Но верные друзья-товарищи милицейские, ходившие в ту пору уже в начальниках, не оставили оступившегося без куска хлеба. Перевели на должность оперуполномоченного в уголовный розыск, где опять началась сага про белого бычка. Маштаков, безусловно, был единственным в мире опером с прокурорским прошлым. Своего рода ископаемым, тираннозавром рексом. По работе к нему снова претензий не имелось. Талант, как известно, сразу не пропьешь, для этого нужно время. Опять же, он неплохо разбирался в человеческой психологии и не был трусом. Некоторые, по крайней мере, так считали.

Два года и три месяца он отпахал уже в розыске. Как быстро летит время, если назад оглядываться! Как невыносимо муторно оно тащится на параллельных курсах в измерении настоящем.

Маштаков затыкнулся последний раз и раздавил окурок в закопчённой жестянке из-под консервированной ветчины, с перестроечных времён служившей ему пепельницей. Когда не пьёшь, возникает переизбыток свободного времени для самокопания.

Неотвязной сделалась мысль о дальнейших перспективах. До минимальной пенсии, с учетом армии, половины института и десяти лет чистой выслуги оставалось ещё как до Пекина раком. Пятёрка с половиной! С учётом многожды прожжённого кафтана занимаемая должность старшего оперуполномоченного представлялась потолком. Ну дадут майора, когда дисциплинарка погасится, что дальше? При благоприятном раскладе в сороковник свалить на пенсию в тысячу семьсот рублей? Устроиться охранником (тем же сторожем) на «Водоканал»? Ещё тысячи на три... Ныкать от жены с получки по паре сотен на пиво? И это всё?!

За это разве, старик Яков, ты взвивал свою чапаевскую саблю, гремел кандалами, а когда нужно, то гордо подняв голову шёл на эшафот?!⁴

Маштаков тяжело приподнялся с табурета и попытался закрутить маховичок крана. Муторная капля от этого не прекратилась и даже реже не сделалась.

«В выходные замену прокладки», – решил Миха, на девяносто процентов уверенный в реальности задуманного.

---

³ «Пэпээсники», «пэпсы» – сотрудники патрульно-постовой службы (проф. сленг).

⁴ Достаточно близкая к тексту цитата из повести А. Гайдара «Судьба барабанщика».

Часть первая

1

Ирка прибежала на пять минут раньше. Дорогу в отдел она проторила сто лет назад. Закатив глазки, подставила под поцелуй нарумяненную щеку. Миха, соблюдая ритуал, потянулся к гостю через стол, ткнулся губами, чмок пришёлся в область носа. Духи применялись прежние. Приторные, густые, произведённые в неформальной «столице» Франции – городе Варшаве.

– И не позвонишь даже, – присаживаясь напротив, с обидой сказала Ира.

Маштаков понимал, что в короткую тесную юбку в свои тридцать три она влезла исключительно для него. И для него не спеша закладывала ногу на ногу, поддразнивая сверкнувшими белыми трусиками.

– Ты вчера чегой-то про труп говорила, – напомнил Миха.

– А та-ак п'осто за жизнь поболтать уж и нельзя, – Ирка набивала себе цену. – Между п'очим, хо'ошо выглядишь, Маштаков, п'ичёсочка, г'убашечка... все дела...

– А вы, Ирэн, просто сногсшибательны.

– Ой, ой, ой... Ну почему самой всегда на комплименты п'иходится нап'ашиваться?

Миха прислушивался к шагам в коридоре. Ни к чему, чтобы начальство в начале рабочего дня наткнулось у него в кабинете на Ирку Кравцову, у которой давно сложилась соответствующая репутация. Что, впрочем, имело в острые минуты жизни немалые плюсы.

Оперативник подпёр щеку кулаком, взглянул умоляюще:

– Ир, времени вообще нет.

– Ну хо'ошо, Маштаков. – Покладистость была всегда присуща Ирке. – Записывай.

Миха послушно придвинул листок бумаги, почеркал на нём ручкой, проверяя, пишет ли.

– В общем, г'етий дом от магазина, живёт там Виталья Фадеев. Мать у него в го'оде г'аботает. Диспетче'ом в автоколонне.

Её тоже, кстати, И'иной зовут. С Виталькой жила плечевая Ольга. Блондинка, высокая, молодая, лет двадцать пять-т'идцать.

Душил её Виталья, а за ноги держал Вова Пет'ов, с ними жил кото'ый... Видела всё это Вика, тоже плечевая. Т'уп закапывали вт'оём на задах. Недели т'и назад это случилось. Или месяц?

Ещё это... они никогда ничего не сажали в ого'оде, а тут у них на задах появилась куча дё'на, соломы, всякой д'яни, в общем... г'азме'ом как г'аз как могила человеческая... Виталик, Вова и Вика после этого исчезли. Знают п'о это п'одавщица, почтальонка и соседка... Полде'вни об этом знает... В общем, ве'ти ды'ку под медаль, Мишенька!

За время разговора раза три принимался верещать городской телефон, но Маштаков принципиально не снимал трубку.

Дослушав, он закурил, пробежался глазами по записям.

Расклад, что называется, был полный. Источник информации просчитывался легко – в деревне Соломино у Ирины проживали родители, она ездила туда в последние выходные проведать сына. Осязаемость источника увеличивала шансы на успех. С другой стороны, деталями пресыщено чересчур. Не бывает так просто. Но в любом случае надо проверять, раз речь идет за убийство.

Теперь стояла задача быстро, но не вызывая обид, выпроводить Ирку восвояси. С учётом её неслучайной оговорки, что нынче ей во вторую смену, действовать следовало решительно.

По-джокондовски улыбаясь, подруга показала глазами на неплотно прикрытую входную дверь. Американцы называют это дело «quick». На языке Маштакова и Иркином быстрое, рис-

ковое соитие, чаще оральное, именовалось «проверкой показаний на месте». Первый раз это приключилось ещё в прокуратуре на улице Советской.

– Титов может припереться, – предупредил Миха.

– Брось т'епаться, он в отпуске т'етью неделю, – Ирка владела ситуацией.

Маштаков, за долгие годы следственно-оперативной работы и семейной жизни поднаторевший в вынужденном вранье, не допустил и секундной паузы. Демонстрируя естественное сожаление, сообщил, что сосед по кабинету, старший группы по тяжким Лёха Титов по кличке «Рыжий Ус», обещал именно сегодня наведаться, чтобы разобраться с долгами по «девятке»⁵.

Плавно и обдуманно Миха свернул на тему негласного сотрудничества, чрезвычайно для Ирки неприятную.

– Оформим чин-чином. Будешь у меня в корках⁶. Все данные для этого у тебя, Ирэн, имеются. Какая-никакая копейка, а обломится раз в квартал.

Ирка зафыркала как кошка:

– Копе-ейка! Да ты знаешь, Маштаков, сколько тепе'ь колготки путные стоят?! Чтоб за твою копейку гнутую мне потом блатные язык че'ез одно место выд'али?

Миха деланно поморщился:

– К чему натурализм?

Условиями немедленного ухода, выдвинутыми Иркой, были:

выйти на связь в течение недели, лучше в следующие понедельник-вторник, когда у неё будут выходные подряд, взять отгул («Кто мне даст отгул этот?» – с тоской подумал Маштаков) и провести время с пользой как в старые добрые времена, перемежая койку с марочным молдавским винишком.

Миха, две недели назад поклявшийся практически на Коране сто дней (магическое число!) не брать в рот спиртного, пообещал выполнить все прихоти боевой подруги.

– В п'отивном случае я знаю, куда об'ащаться... в кад'ы и в эту, как её, че'т... в ОСБ⁷.

Покидая кабинет, Ирка вильнула обтянутым джинсовой юбкой, удобно откляченным задом. У Маштакова шевельнулась блудная мысль относительно «проверки показаний на месте», которую он стоически придушил, понимая хлипкость своего положения.

Свернув листок с записями в фунтик, Маштаков запер кабинет и двинул на второй этаж – к заместителю начальника криминальной милиции Птицыну Вадиму Львовичу. Исполнявшему в пору отпусков обязанности начальника.

– Разрешите, товарищ подполковник?

– Заходи, Михаил Николаевич, – Птицын, привстав, протянул руку.

Они были знакомы сто пятьдесят лет. Раньше, в бытность Маштакова прокурорским следователем, потом заместителем прокурора, а Птицына – начальником подразделения ОРБ⁸, они много и плодотворно сотрудничали. Местные бандиты тогда все практически сидели. Несмотря на разницу в возрасте (в семь, что ли, лет?), в ту пору они общались в быту. Редким качеством Птицына в милицейской среде было аккуратное отношение к употреблению алкоголя. Поместив руку в область сердца, Миха мог без всякой лести заявить, что замнач криминальной был не уровень Птицына. По мозгам и по опыту тот заслуживал гораздо большего. На нынешнюю должность он пришёл недавно, сделав сложный зигзаг из областного УВД.

Маштаков доложил, делая упор на деталях, придающих любой фактуре выгодный цвет. Птицын записывал за ним в рабочий блокнот.

---

⁵ «Девятка» – секретная статья оперативных расходов по оплате агентурной информации (проф. сленг).

⁶ В корках – официально оформленный агент оперативной службы (проф. сленг).

⁷ ОСБ – отдел собственной безопасности.

⁸ ОРБ – до 1993 года название подразделений по борьбе с организованной преступностью.

– Интересная информация, – сказал он. – Документируй, поручу МРО⁹, пусть проверяют в полном объёме.

Миха налёг грудью на стол:

– Вадим Львович, можно я сам отработаю?

– Нечем по своей линии заниматься? Все грабежи раскрыл?

Следствие жалуется, что отдельные поручения не выполняете.

– Та-ащ подполковник, только реализовать, один день. Как увижу, что вязну, сразу отвалю в сторону. Ничего такого у меня на сегодня не запланировано. Вопросы со следствием уже решил, Рязанцев с утра побежал по адресам, свидетелей, это самое, отлавливать.

Миха торопился, чувствуя, что его доводы достигают цели.

– Ну что ж, давай! Если получится, тебе зачтётся. Учти, будешь действовать в рамках операции «Вихрь-Антитеррор».

Птицын помнил, что с перерывом в месяц Маштакову впаяли строгача, а затем неполное служебное соответствие. Следующим, легко прогнозируемым шагом при первом проколе, будет увольнение по отрицательным мотивам.

Поэтому и хотелось Михе хоть от одного взыскания досрочно избавиться. Про себя он ёжился: «А вдруг ерунда? Взбаламутил всех, а оно не подтвердится?» Стали решать технические проблемы, как всегда самые заковыристые. Вадим Львович, по прямому назначению используя авторитет руководителя, прозвонился в Терентьевский ПОМ¹⁰ – начальнику: – К вам приедут сотрудники прокуратуры и МРО. Поедут на криминальный труп в Соломино. Понадобится машина. Ищите бензин. Как негде искать?! Вы руководитель, решайте вопросы! Не получив внятного ответа, Птицын бросил трубку и начал прорабатывать другие варианты. Оказалось, что в розыске все машины стоят с сухими баками. В конце концов, решили ехать на «дежурке». Выезд запланировали на 11:30 при условии, что найдут бензин. Прокуратуру решили пока не беспокоить, не отрывать занятых людей. – Осмотр я напишу, – заверил Маштаков. – Какие проблемы. От руководства Михе потопал в сорок девятый кабинет, в МРО, межрайонное отделение по раскрытию умышленных убийств. В детективных книжках и в кино такие называют «убойными» отделами. В городе Остроге подобное наименование не прижилось. В МРО был один Петрушин, старший опер, собиравшийся на двенадцати-часовой электричке ехать в губернию, сдавать секретный отчёт. Сегодня был последний день месяца. Маштакову показалось, что Петрушин с сильного похмелья. Перед ним на столе стоял гранёный стакан, на четверть заполненный подозрительно мутной и жирной жидкостью. Михе повторил историю про закопанную в деревне Соломино проститутку. Петрушин записывал за ним на бумажке. Глаза у него были красные, в прожилках, но реагировал он адекватно. – Может, сначала разведмероприятия провести, – засомневался. – Было у нас такое. Всё, человек закопанный... копаем, а там собака. Маштаков не согласился:

– Во-первых, Валер, деревня. Только приедете, сразу все узнают. А во-вторых, бензину понадобится в два раза больше – вам съездить, а потом опергруппе. А тут, да – да, нет – нет.

– Ковальчук от нас поедет, – Петрушин смирился с неизбежностью перекройки планов на день. – Мы Симонова сегодня собирались поднять...

Валера поделился насущными проблемами. Раскрытое вроде дело, «сто одиннадцатая, часть четвертая», причинение тяжкого вреда, повлекшего смерть потерпевшего. С самого начала шло оно туго. Фигурант имелся, но непростой – сын замначальника налоговой инспекции Симоновой. Накануне он был задержан по «сотке»¹¹. Моментально в ИВС¹² примчался

---

⁹ МРО – межрайонное отделение по раскрытию убийств.

¹⁰ ПОМ – поселковое отделение милиции.

¹¹ По «сотке» – задержание подозреваемого в порядке статьи 122 УПК РСФСР на 72 часа.

¹² ИВС – изолятор временного содержания органа внутренних дел.

адвокат, из самых популярных сейчас в городе. Военный прокурор в прошлом, он не понаслышке знал систему и методы работы, в том числе внутрикамерные. Задержанный сынок заранее был подготовлен и качественно заинструктирован. Шёл в полный отказ, логично объяснял происхождение микроволокон с рубашки потерпевшего у себя под ногтями.

Прокуратура пошла на задержание только после получения положительных заключений судебных экспертиз. Здесь надо было работать с фантазией, нестандартно.

– Вряд ли он с вами разговаривать будет, – выслушав, сказал Маштаков. – Заявит – только со следователем, в присутствии своего адвоката...

Петрушин согласно кивнул. Вислыми чёрными усами, горбатым носом, сумрачной флегмой он походил на Рошфора в исполнении Бориса Клюева из кинофильма «Три мушкетера».

Миха вернулся в свой кабинет, размышляя о том, что умный человек в перспективе выезда в район непременно бы пообедал впрок. Но денег у него оставалось на дне, не больше двадцатки.

А надо было еще курева приобрести. Не было другого выхода, как объявить сегодняшний день разгрузочным.

Коротая время, Маштаков посчитал цифирь – показатели работы группы «по тяжким» за август. Конец месяца, он и в Африке конец месяца. Картина получалась безрадостная. Из шести возбужденных разбоев раскрытыми значились два, из пятнадцати грабежей зависли одиннадцать. Самые паскудные преступления – уличные. Сплошной экспромт и на сбыте никто не попадает. Оперативным путём раскрыть такое практически невозможно. Только по горячим следам, наружными службами.

Пролистывая тощие папки оперативно-поисковых дел в поисках сколь-либо перспективных, Миха видел, что приближающиеся девять месяцев они завалят капитально. При этом он ещё не взял в расчёт изнасилования и другие преступления против половой неприкосновенности, за раскрываемость которых тоже отвечала их группа.

2

В район выехали в четверть второго. В дежурном «УАЗике», кроме водителя, сидели эксперт ЭКО¹³ Николаев и Юра Ковальчук – опер МРО, весь в джинсе. Ковальчук кушал кекс с изюмом и запивал сметаной из пластмассового стаканчика. У него была язва, доктор велел ему питаться регулярно.

На проспекте тормознули возле дома, где жил судмедэксперт Никульский. За ним отправился Ковальчук. Маштаков как старший опергруппы сидел на законном командирском месте, смотрел в окно. Погода менялась, заходили сизые тучи, на глазах недобро темнело. По радиации дежурная часть сквозь скрежет вызывала на связь «двести пятьдесят четвертый». Миха обернулся в салон и увидел интересное – эксперт ЭКО, присев на корточках рядом с сиденьем, через край украдкой тянул сметану из оставленного Ковальчуком стакана. Кадык на его худой запрокинутой шее толкался, как поршень.

Быстро подошли Ковальчук и Никульский. Поехали дальше и без приключений добрались до Терентьевского поселкового отделения милиции. Зашли в здание. За стеклянной перегородкой в маленьком закутке дежурный старлей, участковый и третий, тоже в форме, обедали – из одной кастрюльки по очереди выуживали пельмени.

– Ну что, – делово сказал Маштаков, – поехали! Нам нужен участковый и опер.

– Насчёт опера мне ничего не говорили, – с набитым ртом, шамкаяще ответил дежурный Кирсанов.

– Организа-а-ация! – похвалил Миха дежурного и пошёл на улицу прочь от дурманящего запаха «Богатырских» пельменей.

Поселкового оперативника, который должен был объявиться через час, дожидаться не стали. И так полная кибитка. Дальше поехали с участковым и прихваченной короткой, почти детской лопаткой. Другой в ПОМе не нашлось.

В начале третьего были в Соломино. Сориентировались быстро: вон мужик в пиджаке, а вон оно – дерево¹⁴. Ворота третьего от сельмага дома были угрожающе наклонены на улицу, но при этом закрыты. У следующего пятистенка на лавочке сидели бабка с дедом. Маштаков с Ковальчуком подошли к ним и поздоровались. Дед оказался глухой, показал себе на уши, помотал головой.

– Бабушка, а Виталька Фадеев в каком доме живет? – спросил Ковальчук.

Виталькин дом оказался тот самый, с падающими воротами, приметный. Все его обитатели – сам хозяин, Вовка, Вика и Олька, с бабкиных слов, пропали в одночасье недели три назад в неизвестном направлении.

– А вот говорят, будто Ольку убили? – напрямую зарядил Миха, прилаживаясь перед завалинкой на корточках.

– Дык говоря-ат, – не стала отрицать бабка и добавила: – Только я ничё не знаю...

– А я вот не верю, – встрял глухой дед. – В Вязники она уехала, домой к себе.

С бабкой оперативники прошли к другим соседям, у которых застали в гостях продавщицу. Переговорили с ней на кухне. Информация полностью подтверждалась и Маштаков успокоился.

«Ай да Ирэн! Так и придётся с ней на следующей неделе обязательную программу исполнять!»

Пока Миха с Ковальчуком беседовали с Виталькиными соседями, Николаев на пару с участковым справились с воротами.

---

¹³ ЭКО – экспертно-криминалистический отдел органа внутренних дел.

¹⁴ Цитата из кинофильма «Джентльмены удачи».

Все вместе прошли во двор. Входная дверь в дом была закрыта на навесной замок. Двор тоже заперт, но изнутри.

– Может, они в доме затаились? – предположил Маштаков.

Соседка – не первая бабка, а женщина помоложе, в пределах шестидесяти, косоватая – сказала:

– Он матери сулил повеситься. Виталья-то... Может, он там повешенный висит?

Огород был запущенный, как заповедник, но картошка на его территории произрастала. Неполотая, с чёрной дикой ботвой. В два ряда стояли лохматые капустные кочаны. На задах темнела баня, около которой высилась куча прелой соломы.

– Здесь что ли? – подумал вслух Миха.

– Говорят, на четвертой гряде они её закопали, – громко прошептала продавщица.

Маштаков подумал: «Не найдем ничего, так не бывает».

Сосед принес вилы. Ковальчук начал откидывать ими солому в сторону. Под соломой обнаружился невысокий земляной холмик, от вершины которого лучами расходились трещины. Ковальчук попрыгал на возвышении, земля у него под кроссовками зыбуче заиграла.

– Да, тут есть чего-то! – сказали вслух разом сосед, бабка, участковый Корбут и Миха.

Ковальчук ткнул вилами в землю и сразу, диффундируя, сильно пошел запах разлагающейся органики.

Вилы заменили лопатой, чтобы не наделать дырок. Копали по очереди Ковальчук и участковый. Работали недолго, минуты.

Быстро угадались очертания человеческого тела, завёрнутого в тряпичное. Труп был засыпан землей сантиметров всего на пять.

Стащили тряпку, которая, расплзаясь, мягко трещала. Открылся труп – с сильно вздутым, распёртым газами животом, вывернутой неестественно головой. Стало ясно, что земляной бугор вспучился раздувшимся животом. Когда из-под тела выдергивали остатки материи, дёрнулись ноги, мелькнула алая промежность.

– Точно женщина, – сказал судмедэксперт Никульский.

Со ступни рваным чулком сползала белая кожа – явление мацерации. Груды были большие, оплывшие. Лицо – страшное, пучеглазое, сиренево-фиолетовое, со скошенной нижней частью. Пегие волосы отстали, как у старой куклы.

Маштаков привычно отстранился от происходящего. Залез в воображаемый шар. За десять лет работы в органах он выезжал на сотни трупов. Не меньше четверти из них были криминальными. В настоящее время его задевала только гибель детей. Не успевших провиниться ни в чём. Гораздо болезненнее самого созерцания чужой смерти была первая реакция родных на смерть дорогого им человека. Истеричный, порою почти звериный рёв, рвущие душу причитания. Самый жуткий из существующих в природе вопль принадлежит матери, потерявшей ребёнка. Всё равно, в каком тот был возрасте. При условии, конечно, что смерть не принесла избавления от родного изверга.

А вот жёны, сделавшиеся вдовами, редко так кричат. Пожалуй, только от мысли, на кого остаются маленькие дети. Опять дети!

...Оставшееся на совести межрайонной прокуратуры и милиции нераскрытое непонятное по мотивам и дикое по жестокости убийство малолетних братьев Черкашиных... Девяносто четвёртый год, июль месяц...

Ещё Миха ненавидел выезжать на гнилые трупы, особенно полежавшие в жару в помещении суток несколько. Ах эти бодро жужжащие мириады жирных мух, фантастически раздувшиеся мертвые тела, превратившиеся в процессе гниения в негроидов, проворно копошащиеся в них белесые опарыши! А за-а-апах!..

Сейчас запах тоже наличествовал, но вполне терпимый – открытая местность, ветерок... Миха обдуманно встал с подветренной стороны. Кстати, к своему стыду, дожив до тридцати

четырёх лет и имея какое-никакое, но высшее образование, он не знал, как правильно обозвать сторону, когда ветер дует в спину – подветренная или наветренная. В общем, встал так, чтобы не вдыхать миазмы. Отыскал в папке бланк протокола осмотра места происшествия. Эх, знать бы прикуп, знать бы, что поездка холостой не получится, взяли бы с собой следователя прокуратуры! Осмотры писать его прямая обязанность. Но «плёнка назад» не сделаешь, придётся самому тряхнуть стариной.

К тому же – конец месяца, все следаки работают на окончание дел. Оконченное и направленное в суд уголовное дело – главнейший показатель следственной работы. Качество работы оценивается по количеству окончанных дел, по количеству срубленных «палок»¹⁵. Руководство не интересуется их толщина – будь это дохлое дельце на тридцать пять листов по 318-ой статье – применение насилия в отношении представителя власти или умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах областной подсудности, поднятое к тому же из «глухаря»¹⁶ месяц этак на третий после возбуждения дела. Или тяготное многоэпизодное хозяйственное дело. «Палка» есть «палка». И главное, годы проходят, а никаких перспектив к пересмотру критериев шкалы. Ну ладно, это тема вечная, избитая и неблагодарная.

«Не моя это теперь головная боль!» – напомнил себе Маштаков.

В конце месяца со следователей даже пыль надо сдувать осторожно. Только после подписания прокурором статкарточки формы «один-один» преступление считается раскрытым.

Уголовный розыск мёртвым морским узлом пристёгнут к следствию.

Короче говоря, протокол осмотра места происшествия Михе пришлось писать самому. Не занимался он этим делом почти два года, как покинул следственный отдел.

Начал с привязки трупа к месту. Довольно косноязычно описал расположение дома, нумерации не имеющего, и участка. На серый лист протокола с небес упало несколько капель, проявляя скверное качество бумаги. Вероломно собирался дождь, небо было обложено капитально.

Сосед – мужчина в возрасте, дачник, привлечённый в качестве понятого, оказывал активное содействие следствию.

– Это Олька... О-олька, – авторитетно заявил он, когда с трупа стянули тряпье. – Я тут как-то не узнал их с Ирккой. Гляжу-у... идут две такие красавицы. Нарядные что-о ты... раскрашенные.

Ридикюлями машут. Кто такие? Не пойму никак... Хвать, это Оля с Викой на смену маршируют.

Вторая понятая – косоватая жена активиста – почти сразу слиняла, заохав при виде извлеченного мёртвого тела. Тоже грубейшее нарушение уголовно-процессуального законодательства со стороны дознавателя, обязанности которого выполнял сейчас Михя. Понятые должны присутствовать всё время проведения осмотра места происшествия. Даже самого многочасового. Ночь напролёт, вдыхая аромат гнилой плоти. И самое главное – бескорыстно. Презумпция виновности следователя, за каждым действием которого должно надзирать незаинтересованное око общественности. Изобретение социалистического правосудия. Чушь собачья! При желании даже под постоянным присмотром самых бдительных понятых профессионал раскидает карты по-своему.

Кроить Маштакову никакого смысла не было. С женой активиста договорился, что она придет к концу осмотра, он прочитает ей протокол и она распишется за достоверность составленного документа.

Труп как всегда описывал судмедэксперт. Правильно на этой стадии он именовался специалистом в области судебной медицины. Много лет назад Михе объяснил это покойный

---

¹⁵ Палка – показатель работы (проф. сленг).

¹⁶ Глухарь – нераскрытое преступление (проф. сленг).

эксперт Ежов Виктор Алексеевич. Описывали в салоне «УАЗика», дождь сделал фиксацию осмотра под открытым небом невозможной.

В пальцах у Никульского слоисто дымилась сигарета. Он говорил без пауз, почти пописаному:

– ...трупное окоченение отсутствует во всех группах мышц... имеются наружные повреждения органокомплекса шеи...

Записывая за ним, Маштаков в очередной раз подумал, что все-таки в медицинских ВУЗах образование качественное.

«Не зря шесть лет учатся, да еще с интернатурой! И никакого там заочного или вечернего обучения».

Писал и чувствовал дискомфорт. Не сразу понял – раздражение появилось оттого, что криминалист Николаев шланговал.

Щёлкнув несколько раз фотоаппаратом, он без разрешения ушёл от трупа и теперь сидел рядом с водителем в кабине, слушал магнитофон, из которого певица Натали сладкоголосого пела про облака, которые плывут как лебеди.

– А вы чего так быстро свернулись? – строго спросил у него Миха.

Со всеми присутствовавшими Маштаков был подчеркнута на «вы». Выставляя, таким образом, щит против возможного необоснованного панибратства. От которого он здорово комплексовал. В былое время, после своего исхода из прокуратуры, Миха на каждом шагу сталкивался с этим. Когда двадцатилетний сержант ППС, месяц назад трепетавший при мысли о вызове к зампрокурора, теперь на просьбу нового следователя подкинуть до дома после дежурства отвечал, пыхая сигареткой: «Ну во-от ещё, на Эстакаду переться! Такси вызывай!»

Николаев не сразу уразумел, что обращаются к нему. Наверное, переживал, что мало успел отхлебнуть сметаны из стаканчика Ковальчука. Или наоборот – вспоминал, какая она была вкусная.

– Идите и сфотографируйте труп. Узловой снимок. Композиционный. Привяжите труп к местности. Ещё, это самое, панораму сделайте. Дело здесь серьезное, – внушал Маштаков.

Николаев слушал его, широко открыв светлые глаза. Изумлялся, как будто его заставляли прямо сейчас под дождем сплясать экзотический танец. Тарантеллу, например.

Кстати, ему предстояло ещё дактилоскопировать труп. Предварительно вымочив отсеченные кисти рук в солёной воде. Из-за гнилостных изменений откатать пальцы в обычном порядке, скорее всего, не удастся.

Ковальчук и участковый Корбут разошлись по деревне допросить пару человек. Опер – бабку, которая якобы вчера видела Вику, Олькину подружку. Участковый – продавщицу. Допросы носили дежурный характер. Следователь потом передопрощит обеих свидетельниц как следует. В кабинете, на пишущей машинке, обстоятельно, практически без орфографических ошибок.

С этим сельским участковым Корбутом на прошлой неделе вышла поучительная история. В местной газетке «Уездное обозрение» про него напечатали статью на целый лист. С фотографией, на которой он сидел красиво, вполоборота, положив на спинку стула локоть. В заметке было подробно расписано какой он хороший участковый. Практически современный Анискин. В числе разного рассказал корреспонденту Корбут, что случилась на участке у него кража сельхозпродуктов, а он её раскрыл. Похитителями местные мужики оказались. И мужики-то кругом положительные – не судимые, работающие. Захмелиться им просто надо было обязательно. Короче, заставил их Корбут возместить ущерб, попрофилактировал, а дела, как говорят в народе и на центральном телевидении, «заводить» не стал. Чтобы анкету людям судимостью не марать.

Прочитал эту статейку и заместитель прокурора Коваленко. Вызвал он участкового на цугундер, – каким образом это вы, товарищ капитан, укрыли тяжкое преступление, не относя-

щееся к делам частного обвинения? Да еще в средствах массовой информации тиражом десять тысяч экземпляров о вопиющем нарушении законодательства похвалитесь! Написал Корбут по этому факту объяснение. Продолжение в виде дисциплинарного взыскания ожидалось вскорости.

И поделом, разве можно менту напрямую с прессой общаться? К тому же с «жёлтой»? Для этих дел пресс-служба в УВД имеется, люди специально обученные, некоторые – с академическим образованием, некоторые – с ногами длинными, говорливые, на телеведущих похожие.

Оба эксперта с похожими фамилиями куда-то запропастились. Ковальчук и участковый допрашивали свидетелей. Совершенно выпал вопрос с доставкой трупа в город, в морг.

Маштаков с водителем попробовали связаться с дежурной частью. Радиосигнал не возвращался, автомобиль находился в яме. Не хватало мощности передатчика. Пришлось вернуться по шоссе километра на полтора, подняться на горку. Отозвался помощник дежурного Лапин. Миха ввёл его в курс дела, сказал, что нужен транспорт и рабочая сила для погрузки трупа в Соломино.

– Будем стараться, – без малейшего энтузиазма ответил помдеж.

Его можно было понять – нарисовалась очередная проблема из разряда трудноразрешимых. Спецтранспорта для этих целей не водилось никогда. Лет пять назад трупы перевозили в металлической тележке, похожей на армейскую походную кухню. Пока ее эксплуатацию из-за отсутствия тормозов и рессор не запретил начальник ГАИ Божков. Доставку трупов организовывали несколькими доморощенными способами. Если были родственники, органы сразу пытались возложить эту обязанность на них. Коли умерший работал, родственникам подсказывали, что, мол, на предприятии есть дежурная машина. Заводское начальство почти всегда шло навстречу. Гораздо хуже было, когда покойный был неработающим или не имел родни. Или имел, но безденежную. Или труп обнаруживался в безлюдном месте – в лесу, в поле, в водоеме... глубокой ночью, в выходные или в праздники...

По государственным соображениям Маштакова такие вопросы должна решать коммунальная служба городской администрации. Имеющая обычный «Рафик», прочные носилки из брезента, пластиковые черные мешки для упаковки трупов, какие показывают уже не только в американских фильмах, но и в столичных криминальных телерепортажах. И чтобы люди, занимающейся этой работой, получали за это более-менее нормальные деньги. Наши неизбалованные соотечественники в провинции многого не попросят. За две-две с половиной тысячи будут вваливать, только пыль столбом. Но всё это, впрочем, из области фантастики. Джеймс Камерон. Неснятый «Терминатор-3».

Сейчас после Михино сообщения помдеж озадачит все посты ГАИ, ныне ГИБДД, вводной: найти машину. Вопрос может решиться в течение получаса. Может затянуться на сутки. Все стали умными, в том числе водилы. Заставить бесплатно, в ущерб личному времени перевозить труп, возможно уже загнивший – задача не из простых. В марте этого года был случай, когда в микрорайоне «Рассвет» труп пролежал посреди жилого массива трое суток. На войне с поле боя убирают быстрее. Возмущённые жители звонили по всем инстанциям. Умершего забрали только после нагоняя из администрации.

Вернулись на исходную, то есть к дому Фадеевых. Поразмышляя, где могут находиться эксперты, Маштаков направился в сельмаг, в дверях столкнулся с Никульским. Судмедэксперт нёс стопу бутербродов с салом и открытую бутылку пива.

– Хотите бутерброд, Михаил Николаевич? – спросил Никульский. Он выглядел приятно пораженным. – Шесть бутербродов всего на пять рублей! Со свойским салом!

Маштаков быстрее, чем следовало, взял бутерброд, сразу впился зубами. Сало было упругое и сильно перчёное. Умный человек обязательно пообедал бы перед дальней дорогой.

Криминалист Николаев мешкал у прилавка.

– Да давай, чего ты! – ободрял его Никульский.

Маштаков вышел на улицу, догадался, что криминалист тоже хочет взять пива, но опасается Миху из-за сегодняшнего наезда и тёмного прокурорского прошлого.

«Как будто я для него зам по личному составу. Как будто я не понимаю, что бутылка пива не может вывести из строя взрослого мужика», – вроде бы оправдывался перед собой Маштаков.

Сам он две полных недели пребывал в завязке.

Перекусив, приступили ко второй стадии осмотра. Предстояло проникнуть в дом. Сосед принёс кривой ломик-гвоздодер. Участковый на пару с Ковальчуком долго пытались взломать дверь, ведущую во двор, но так и не сумели. Решили поступить радикальнее – выставить окно и залезть через него. Благо стекла крепились только гвоздиками, вбитыми снаружи. Через пять минут были в жилище.

Когда по одному входили во двор, Ковальчук сказал громко, откровенно прикалываясь: – Эй, с пистолетом, иди вперёд!

Это было камушком в Михин огород. Ещё до отъезда, усаживаясь во дворе УВД в «УАЗик», тот поинтересовался, вооружился ли Ковальчук.

– Да мы и без оружия, товарищ капитан, справимся, – хохотнул опер. – Так накатим.

Маштаков скривился, не одобряя легкомысленных настроений молодёжи. Начальник РУБОПа области, бывший начальник городской криминальной милиции полковник Запевалов всегда, когда собирались на происшествие в сельскую местность, настаивал, чтобы сотрудники опергруппы вооружались. И чтобы непременно один был в форме. А уж Запевалова, кавалера ордена Мужества, никто в малодушии упрекнуть не сможет.

Сам Миха из-за нахождения в группе риска, из-за неполного своего служебного соответствия мог получить оружие только с личного, причем письменного разрешения начальника УВД.

Дом был пуст. Виталькиного трупа внутри не обнаружили.

Угрызения совести по загубленной чужой жизни не сподвигли его на самоубийство. По крайней мере в данном конкретном месте.

Может, это от природной невоспитанности происходило, но Маштакову всегда интересно было заходить в чужое жильё. По обстановке, утвари, личным вещам он старался восстанавливать картины чужих жизней. Моделировать куски посторонних судеб.

Обстановка была скромной, но для дачи вполне сносной. И совсем не притон. Вся пустая посуда – водочная и пивная – батареей выставлена в сени. Кругом вполне допустимый беспорядок.

«Почти как у меня дома», – подумалось Михе.

Помещения поделены дощатыми перегородками.

Печь – небольших габаритов, не «русская» и не «голландка». Других модификаций Маштаков не знал. С закопчённым хайлом, в которое чугульки суют на ухвате. В котором братец Иванушка с сестрицей Аленушкой от гусей-лебедей прятались.

Миха выбрал стул покрепче. Не пожалел двух чистых стандартных листов, постелил на сиденье. Писанина предстояла долгая. Несмотря на то, что протокол осмотра места происшествия в суде или не читается вовсе или читается по диагонали, Маштаков был приучен всегда писать обстоятельно. Из уважения к себе и к потенциальным читателям со слушателями.

Давненько уже, лет шесть назад он поддерживал обвинение в суде, тоже по бытовому убийству. Председательствовала в процессе Малинина Евдокия Степановна – авторитетная жёсткая судья с тридцатилетним стажем. А дело расследовал тогдашний следователь Ромуальд Юрченко. Которого после увольнения из прокуратуры посадили за мошенничество. Сейчас он уже давно на свободе. Юридической фирмой заворачивает, преуспевает, по крутой тачке судья...

Так вот, читает Евдокия Степановна протокол осмотра и сбивается через слово. То падеж совершенно неподходящий, то подлежащее со сказуемым не вяжется, то вообще абракадабра.

После очередного ляпа судья не выдержала.

– Что он, пьяный, что ли, писал? – спросила она сурово и очень громко. Обращаясь персонально к заместителю прокурора Маштакову как к представителю гособвинения.

Тот только развел руками, не найдя что ответить. Адвокатесса ехидно ухмыльнулась. Подсудимый, хоть наверняка ничего и не понял, тоже осклабился. Догадался – это на прокуратуру, которая его посадила, наезд.

Этот случай утвердил для Маштакова тезис, что все документы надо писать толково. Что надо сначала думать. Что вся эта писанина читается на людях вслух.

В общем, Миха писал, а милиционеры, в том числе и водитель, которому, чувствуется, скучно стало сидеть одному в кабине, осматривали дом. Активно помогал сосед-понятой. Быстро нашли альбом с фотографиями. Альбом был дембельский, но фотки в нем оказались староватые. Бойцы в мундирах с воротниками-стойками, как в кино про солдата Ивана Бровкина. Отстегивающиеся погоны, старшинский галун буквой «Т». Середина пятидесятых, начало шестидесятых...

– Вот он, Виталя! – сосед нашел фотографию хозяина дома, подозреваемого сейчас в смертоубийстве.

Все сгрудились вокруг альбома, Маштаков тоже втиснулся.

Любительская фотка. Судя по одежде и прическам – не из свежих, десятилетней давности. Чьи-то похороны. Вокруг установленного на табуретках открытого гроба стояли родственники.

Последний снимок. Скорбные лица, склонённые головы.

– Вот он, – понятой потыкал пальцем в щекастого парня лет двадцати с пышной шевелюрой.

– Ну щас у Витальки прическа не такая. Короткая, – комментировал сосед. – А так похож.

– О, а тут они клиентов учитывали, – участковый Корбут развернул перед Михой мятый листок в клетку.

Корявым почерком на листке было написано: «КАМАЗ П54377 ЖЕНЯ ВОВА ОБЪЁБ».

– Обманули их, значит, эти. Не заплатили, – перевёл участковый.

– Я понимаю такой язык, – сдержанно отозвался Маштаков.

Всех быстрее осмотр надоел криминалисту Николаеву, который снова куда-то слинял. Добросовестный водитель, меж тем, в маленькой – «угловой», как Миха её обозвал в протоколе – комнате под матрасом кровати обнаружил ствол и ложе от охотничьего ружья. находка внесла оживление. Несмотря на то, что недоставало цевья, вылезал состав ещё одного преступления – двести двадцать вторая, часть первая: незаконное хранение основных частей к огнестрельному оружию. Сто пудов – на законных основаниях ранее судимые Виталя с Вовкой хранить ружье не могли.

– Вы ружье тоже в протокол писать будете? – осторожно спросил у Маштакова участковый.

Выявление преступления пошло бы ему конкретным плюсом. Особенно под соусом операции «Вихрь-Антитеррор».

– А как вы полагаете, его можно изъять по закону? – ответил Миха вопросом на вопрос.

– Тут вот ещё документы, – сменил тему участковый и протянул старую дерматиновую косметичку, набитую бумагами.

Маштаков быстро её перетряс. Точных данных никого из фигурантов у них покамест не было. Особенно потерпевшей.

...Паспорт на какого-то Аксентьева Сергея Викторовича, 1967 года рождения, прописанного в Остроге, улица, дом, квартира... кто такой? Паспорт на Петрова Владимира Алек-

сеевича, 1974 года рождения, жителя села Крутово. Так, это Вовка. Две трудовые книжки – коренная и дубликат на Егорову-Тупицыну-Расстригину-Ёлкину-Добровольскую Викторину Алексеевну. Пять фамилий! Это, похоже на то, Вика – Вовкина пассия. Тетрадь предпринимателя, подписанная округлым женским почерком на обложке: «Селивановская Ольга Александровна». А это, наверное, убиенная Ольга.

Тут Миха придумал работу криминалисту. Послал за ним водителя.

– Вы бы хоть пальцы на прикладе посмотрели, – сказал Маштаков с упреком.

Николаев вздохнул и стал разглядывать полированный приклад на свету, в косопадающих лучах.

Мелким почерком Маштаков только в доме исписал почти три страницы. Набросал черновик схемы. Без картинка – наглядности никакой. Из нагромождения описанных вещей реальная обстановка не воссоздается.

И спрашивает потом товарищ судья у свидетеля:

– Свидетель, нарисуйте на листочке вот тут, где стоял стул, где – стол, где – вы, а где подсудимый...

И начинается кружок рисования. Без толковой пропорциональной схемы никакие фотографии, сделанные даже с разных точек, целостной картины не восстановят. Кстати, о фотографиях.

– Сделайте снимки частей ружья. Кровати, в которой их нашли. Обстановку этих двух комнат, – сказал Миха криминалисту.

Тот трагически покачал головой:

– У меня вспышки с собой нет.

Ну что тут говорить. Похвалил Маштаков его. А ведь лет семь отработал, один из старейших экспертов в отделе. Капитан целый!

Подошёл Ковальчук. Он, оказывается, тоже, улучив момент, смылся из дома. Рассказал, что прошёлся по опушке леса и нашёл гриб.

– Вот такой здоровый, – отмерил ладонью от земли сантиметров тридцать. – Шляпка коричневая. Не знаю, как называется. У нас на Донбассе грибы не растут.

Участковый на это ответил, что в субботу он ездил за грибами на «Красный Октябрь» и за целый день набрал два ведра белых. А в прошлые выходные ездил туда же и за четыре часа набрал три ведра.

– Слой проходит уже, – авторитетно вставил судмедэксперт Никульский.

Водитель позвал всех посмотреть на выставку коробочек из-под презервативов, устроенную по периметру рамы большого настенного зеркала. В рядок было выстроено штук тридцать цветных интересных картинок. Молодые куклы. Минимум белья. Силиконовые груди. Роскошных форм бедра. Художественно подстриженные лобки. На одной коробочке был почему-то Шуфутинский в кожаной кепке с пуговкой. Как водится, бородатый.

– Даже *Шебутинского* на гондонах рисуют, – удивился водитель.

Действительно непонятно. Хотя, может, для баб картинка. Мужик Михаил Захарович видный.

Маштаков стал сворачивать осмотр, испытывая привычное для себя чувство неудовлетворения от сделанного. Но уже надоело. При необходимости, после задержания всей гоп-компании и выяснении обстоятельств убийства, следователь проведёт повторный осмотр с участием обвиняемого.

Ещё он изыал обнаруженные под кроватью две грязные, будто жеванные полоски от вафельного полотенца. Одна была спрятана далеко под матрацем. На женские гигиенические приспособления тряпки похожи не были. Возможно, ими как раз и душили.

Дотошный водитель там же, под койкой нашёл стальной тросик, один конец которого был продет в другой, образуя классическую петлю. Миха вопросительно посмотрел на Никульского. Тот категорически замотал головой.

– Слишком узкий. Если бы этим тросиком, странгуляционная борозда была бы четко выражена. Хотя, если что-то подложить... тряпку?

Миха изъяслялся на всякий случай и тросик, в третий раз сделав в протоколе приписку, что «...кроме вышеуказанных предметов в том же порядке изымается также...». Звучало это не очень красиво. Свидетельствовало об отсутствии у автора эмпирического мышления, коим, по публичному утверждению начальника областного УВД генерала Мешкова, должен быть наделен каждый следователь. С другой стороны, дознавателей он таким качеством обладать не обязывал.

Если тросик окажется не при делах, практическое применение такой полезной вещи, оставшейся бесхозной, будет найдено непременно.

Стремясь быть максимально приближенным к букве уголовно-процессуального закона, Маштаков пригласил в дом понятых. Присутствовавший все время активист с четверть часа тоже как скрылся. Жена позвала его закручивать банки. Понятное дело, сад-огород...

Миха уважительно объяснил, что все виденное ими – вырытый Олькин труп, обстановку в доме, обнаруженное ружье – он скрупулёзно описал в протоколе.

– Читать мне вслух или нет? Шесть листов исписал, – спрашивал он тоном уставшего от непосильной работы человека, беззастенчиво удвоив объем написанного. Хотя окажись на его месте кто-нибудь другой, вышло бы ещё больше. У него просто почерк убористый.

– Не надо, не надо ничего читать. Мы всё видели, – замахали руками понятые. – Всё так.

Размашисто подписываясь под каждым листом, любезный Михиному сердцу активист сообщил:

– Вовка с Викой к евоным родителям поехали. В Крутово. Картошку, говорят, поехали копать.

Потом он посмотрел на Маштакова поверх сдвинутых на кончик носа очков, доверительно понизил голос:

– А ставка у них, у Ольки с Викторой то есть, пятьдесят рублей была с мужика.

Маштаков был наслышан про тарифы проституток. По весне молодой опер из их группы Андрейка Рязанцев привёл из дежурки девку семьдесят восьмого года рождения. Она заявляла изнасилование.

Перед тем как завести её в кабинет, Рязанцев, усмехаясь, пояснил:

– Только это, Михаил Николаевич... она это... плечевой работает в Соломинских... на трассе.

Изнасилование проститутки. Случай, изначально лишенный судебной перспективы. В постоянном временном цейтноте проблема подлежала скорейшему разрешению. Причем безболезненному, терапевтическим путем. Маштаков пригласил заявительницу в кабинет. Выглядела она гораздо старше своих паспортных, под тридцатник. Невыразительные черты лица. Крашенные волосы с посечёнными концами. Нелепый наряд – кофточка, сарафанчик с проймами. На грязном худом пальце болтался перстень с красным глазком. Миха слушал её с преувеличенным вниманием. С нескрываемым сочувствием к чужой беде. – Двое человек... камазисты с Набережных Челнов. По-всякому... и в рот тоже... Один – Ренат – ударил в лицо... грозили убить, если заявлю! – Телесные у тебя есть? – Не знаю. Должно быть... вот сюда он ударил, – палец с копеечным перстнем показал в область скулы. Там было незначительное покраснение. Для кровоподтека в этом месте прошло ещё недостаточно времени. Но даже красивейший семицветный бланш никак не менял ситуации. – Вот видишь, телесных нет. Нижнее белье стирала? Половые органы подмывала? Чем доказывать? – Маштаков наглядно растолковывал девчонке полную несостоятельность ее заявления. То и дело звонил телефон. Миха отвечал

кратко, переназначал время разговоров. Продуманные штрихи к образу жутко занятого милиционера. Впрочем, заявительница была не из настойчивых. Развязка приближалась. – Ну и что вы от меня хотите? – устало спросил Маштаков. – Пусть возместят за моральный вред... С первой минуты их разговора Миха не сомневался в поставленных молодой женщиной целях. – Ну и сколько вы хотите? Обычное пожимание плеч. Пустые глаза, заведённые к потолку. – Не знаю... сколько в таких случаях платят? Маштаков разозлился.

– Вы всё перепутали... – Он заглянул в бумажку, на которой записал данные: – Оксана Анатольевна! Здесь такие вопросы не решаются! Здесь только в тюрьму сажают!

Из природной любознательности он выведал у Оксаны цену её иска. Та хотела, чтобы насильники приобрели ей квартиру. Соглашалась на однокомнатную. Госномер «Камаза» она записала на пачке сигарет.

Миха выразительно посмотрел на внимавшего разговору Рязанцева. Тот вздохнул и развёл руками. Демонстрируя понимание, что напрасно отнял у старшего товарища драгоценное время. Показывая, что ничего не мог поделать с заявительницей, навязанной ему дежурным.

Пришло такое время, когда почти никто в ментуре не хотел искать на свою филейную часть приключений, даже если «заява» поступала явно левая.

– Ничего они тебе не купят. Гроша ломаного не дадут, – Маштаков перешёл к финальным аккордам, стараясь не быть особенно жестоким. – Вспомни свой род деятельности!

Сколько ты этим промышляешь?

– Ме-е-есяц.

Она рассказала, что работает только с дальнобойщиками. С клиента берет по полтиннику. За месяц у нее было около семидесяти клиентов.

– Ничё себе заработки, – в этом месте не выдержал Рязанцев.

Очевидно, умножил в уме пятьдесят рублей на семьдесят человек. Сравнил со своей зарплатой.

– Какое там, – отмахнулась Оксана. – А сколько раз кидали... Только на еду зарабатываю. У меня же двое детей. Дочке – пять лет. Мальчику – год и шесть месяцев. Мы беженцы из Киргизии. Специальности нет никакой. Замуж кто возьмет с двумя детьми? Живём в фабричном общежитии... пока не гонят.

А дальше чего?

Миха всё понимал. Ничем не мог помочь. Такое наступило время. Человек перестал быть нужным государству как органическая составляющая. Даже как рабсила. Новые жирные были уверены, что подобное их не коснётся. По статданным каждый год население России уменьшалось почти на миллион человек. Страна неуклонно вырождалась. Хотя с безработицей тоже вопрос неоднозначный. На днях буквально в местной газете он прочёл, что у электромеханического завода дела пошли в гору. Там получили хороший оборонный заказ. Стали резко наращивать сокращённые штаты. Потребовалась целая тысяча рабочих! А очереди в отдел кадров никакой не было. И это в городе с диким уровнем безработицы! И это при реально обещанной средней зарплатой в тысячу триста рублей! Народ быстро отвык работать на государственных предприятиях, где жёсткие рамки оплаты, где дисциплина. «Как говорит наш новый премьер: “Конфигурация изменилась!”» Всё-таки пример с заводом к Оксане Анатольевне не подходит. На КЭМЗ требовались квалифицированные рабочие: токари, фрезеровщики, операторы ЧПУ. Длинный список в газетке приводился, в котором профессии плечевой не значилось. За этим пространством отступлением Маштаков не заметил, как они подрулили к предполагаемому месту нахождения убийц – Витальки и Вовки – к деревне Крутово. Точнее, к селу, – на горе стояла церковь, перепрофилированная под склад. Новые веяния восстановления храмов сюда не дошли. Состав опергруппы уменьшился ещё на одного человека. Участковый Корбут был оставлен в Соломино для сопровождения трупа в морг. Теперь в форме были только двое – товарищ водитель да эксперт. Оружие, понятное дело, с неба тоже не свалилось. Называ-

ется, приехали задерживать убийц. Возможно, вооруженных. А что? Если они приискали одно ружье, почему бы у них не иметься и другому?! «Детектив Нэш Бриджес, судя по сериалу, даже в койке не расстаётся с “кольцом”». Дом Вовкиных родителей нашли сразу, сделав один оборот вокруг автобусной остановки, на которой кучковались люди. Тут же стоял коммерческий киоск. Продавщица направила милиционеров в конец села, к речке. Машину оставили, не доезжая три дома. Ковальчук сказал судмедэксперту Никульскому: – Дим, пошли с нами. Ты парень здоровый.

Никульский скромно улыбнулся в вислые усы. Водитель заглушил мотор и вышел из кабины: – Тоже схожу с вами. В салоне оставался эксперт Николаев. Он увлечённо читал старый номер «Науки и жизни», прихваченный из дома Фадеева. Происходящее криминалиста совершенно не интересовало. Задержание преступников не входило в его функциональные обязанности. Хотя на плечах бушлата и топорщились капитанские погоны. Дом Петровых находился в живописном месте. Быстрый, крутой взлёт пригорка от реки. Через узкую – от силы метра четыре – речку, как на картинке, налажен деревянный пешеходный мостик с перильцами. Берёза наклонилась на берегу. Солнечные блики дрожали на тёмной рябой поверхности воды. Ветер беззлобный такой. Как будто и дождя никакого не было. Чёрт возьми, последний день лета уходит! Все входы в дом были закрыты. И ни одной приотворенной форточки. «А вдруг они внутри затаились?» Эта мысль уже посещала сегодня Маштакова в Соломино. В соседнем доме на огороде очкастый мужик чего-то дёргал на грядке. Милиционеры долго не могли до него докричаться, но как только он встрепенулся на крики, обрадовался незнакомым людям. Больной, что ли? В результате проведенной разведбеседы выяснили, что хозяева ушли в лес за грибами. Что Вовка со своей подругой Викой (радушный сосед и её знал) были здесь два дня назад. На выходные снова собирались приехать, копать картошку. Сосед был говорлив, несомненная находка для шпиона. Рассказал как отыскать Вовкиного брата – Серегу, который жил тут же в Крутово, но на другом конце села, в двухэтажном коттедже. В конце разговора сосед не утерпел, поинтересовался: – А это, как его, вы чего Вовку-то ищите? – Да денег назанимал у нас и не отдаёт, – не задумываясь, сказал Маштаков и кивнул на водителя в форме. – Вот, пришлось даже в милицию обратиться. Надо было как-то, раз засветились, объяснять присутствие милиционера. Мужик вроде поверил. Закивал, соглашаясь:

– Это водится за ним, это как его. Мне тоже третий месяц, считай, червонец не вертает.

Поехали искать коттедж, в котором обретался Вовкин братуха – Петров Сергей. В этом доме, как подсказали добрые люди, на первом этаже была столовая. В ней Михе доводилось обедать. Лет десять назад в советские времена по зиме приезжали они сюда с Сашей Веткиным, два молодых специалиста прокуратуры, проверять падёж скота. Колхоз тут был или совхоз... названия Маштаков не помнил. Помнил, холодно было очень. Обратно до самой трассы пешком они тогда возвращались.

Нашли дом, нашли подъезд. Толстая неопрятная девка показала им, где Серегина квартира. Когда заходили в подъезд тем же составом (эксперт Николаев не смог оторваться от научно-популярного журнала), из дверей вывалился пьянувший косматый мужик. Прямо милиционерам под ноги. В боковом кармане клетчатого модного года в шестидесятых пиджака у него торчало бутылочное горло. Распростёртый в грязи, он первым делом цапнул себя за карман.

– Цела-а-а, родимая...

Падший сделал неудачную попытку подняться.

– Ты не вставай, отец, ты так и ползи. На карачках, – посоветовал ему Ковальчук. – А то нам сюда ещё раз сегодня придется выезжать.

Действительно, случай типичный: пьяный падает, ударяется башкой о твёрдую поверхность и – закрытая черепно-мозговая.

Пару дней на развитие субдуральной гематомы, сдавление ею вещества головного мозга и, как говаривал любимый Михин артист Борис Кузьмич Новиков: «Привет родителям!»¹⁷. Поди потом докажи родственникам и прокурору, что алкаш сам упал, а не дали ему по башке неизвестные злоумышленники.

Мужик послушался Ковальчука и прополз мимо, к углу здания.

Поднялись на второй этаж. Дверь в нужную четвертую квартиру была приоткрыта. Внутри неё кто-то передвигался, гремел кастрюлей. Из крана в металлическую раковину звонко била струя воды.

Ковальчук постучал в дверь. Почти сразу вышел парень лет под тридцать. С голым торсом, мускулистый. На животе у него белел старый хирургический шрам.

– Вам кого? – парень был встревожен.

Ковальчук показал удостоверение:

– Мы из милиции. Ты не знаешь, где Вова? Ты ведь брат его?

Сергей не знал, где Вова. Не видел его больше месяца. Ему было некогда следить за беспутным братом. Он постоянно работал, занимался коммерцией, купи-продай. Потом ещё семья, ребенок маленький.

Вдоль коридора, в который оперативники с разрешения хозяина прошли, под потолком на верёвке сушились пеленки, подгузники. Ковальчук на листочке записал номер своего служебного телефона и номер кабинета.

– Как только появится, пусть идет в милицию. Всё равно найдем.

– Лучше по-хорошему, – добавил Маштаков.

Сергей выглядел обеспокоенным. Было видно, что парень он положительный, непьющий. Он спросил напоследок:

– Если не секрет, чё натворил Вовка-то?

Миха ответил на его вопрос своим:

– Помнишь, за что он сидел? По тому же профилю к нему вопросы.

– А-а-а, – понимающе мотнул головой Сергей.

Вова Петров, по милицейской базе данных, был судим за незаконное хранение огнестрельного оружия. Наказание отбывал реально.

Они пошли обратно. На первом этаже Маштаков заметил:

– Здоровый парень.

– Качок, – уважительно согласился Ковальчук.

В машине оперативники посоветались. Вроде, всё возможное сделали, пора возвращаться на базу. По дороге заехали в Терентьевский ПОМ. Дежурный Кирсанов, который в обед кушал пельмени и не дал им опера, теперь выглядел озабоченным.

Немедленно выставил на улицу двух смазливых девчонок и доложил:

– Личный состав ориентирован. Вечером проедемся по всем адресам. Подключу и кто на «Вихре» задействован. Участкового в засаду посажу! Вот данные на Фадеева с Петровым.

Поехали дальше, в город. По дороге Миха слушал как по приёмнику Пугачева поёт хорошую песню покойной певицы Татьяны Снежиной «Позови меня с собой» и очень хотел есть. В животе у него то и дело громко урчало. Было почти шесть вечера. Маштаков снова подумал, как бы получилось, наткнись они в Крутово на Вовку с Виталькой.

В девяносто втором году, будучи следователем прокуратуры, по дежурству выезжал он на изнасилование. В район железнодорожного вокзала, в бараки. Два брательника Кариандровы притащили с привокзальной площади двух малолеток. Напили, изнасиловали, а потом глумились. У одной были месячные, пьяные братья её раздели, измазали всё тело менструальной кровью. Щекотали в промежности лезвием ножа.

---

¹⁷ Цитата из кинофильма «Испытательный срок».

Девчонки сбежали, как только один брат отправился куролесить дальше, а второй уснул. И сразу на мосту удачно тормознули ПМГ¹⁸. Короче, того, который вырубился, взяли тепленьким.

Маштаков приехал, помнится, очень быстро, через полчаса после происшедшего. Кариандров валялся на полу – в ноль.

Ответственным квартиросъемщиком здесь была бабка братьев, но сейчас она находилась в деревне. Под утро, закончив осмотр места происшествия, Миха велел миролюбиво наблюдавшему за его действиями заметно протрезвевшему Кариандрову собираться.

Того как подменили. Он заорал:

– Не поеду! Останусь здесь! Без бабушки никуда не поеду! Я не виноват!

Кроме Маштакова на месте находился старший опер Расстегаев. Мужик толковый, но довольно subtilный. Жаль, потом сошел с круга, спился. Ещё был водитель «дежурки», Ваня-украинец. Тоже по габаритам не Еруслан-богатырь. Нормальные, в общем, мужики, средние. А насильник Кариандров, напротив – крепкий парень. Десантник, полгода как дембельнулся из Псковской дивизии.

Уговоры результатов не дали. Кариандров продолжал быковать, распаяя себя. Вспомнил, что следователь испортил ему матрац, вырезав из него кусок, замаранный кровью. Как будто раньше не видел.

– Все, – сказал Миха милиционерам, – берите его.

Не получилось. Расстегаев и водитель повисли на руках у Кариандрова, как ляхи на плечах могучего Тараса Бульбы. Ни загнуть руки за спину, ни утащить буйного десантника с собой к машине им не удавалось. Он орал, на багровой шее у него надулись жилы. По углам комнаты полетели табуретки. Все трое повалились на кровать, на которой пару часов назад насиловали несовершеннолетних.

Наручников у Расстегаева при себе не было. Понаблюдав за этим безобразием минут пять, Маштаков решил, что без его помощи здесь не обойдётся. После нескольких подходов он втиснулся между милиционерами и локтем в замок схватил беснующегося Кариандрова за шею. Сдавил со всей силой. Парень был весь как каменный. Пьяный, он абсолютно не реагировал на болевые приемы.

– Ну всё. Ты меня достал! – ощерился потный Расстегаев.

Маштаков понял, что сейчас он перейдет к банальному мордобою. Подумал, что Кариандров может кинуться в ответную, и неизвестно кому достанется больше.

– Не надо. Не положено, – сказал Миха.

Конечно, в итоге они его, козла, связали веревками и засунули вверх ногами в задний отсек «УАЗика», в пенал. Жутко он там матерился. Расстегаев долго не мог прикурить, руки у него прыгали. У Маштакова, кстати, тоже был мандраж. Но ему простительно, он тогда был работником кабинетным.

Эта поучительная история про профессионализм российский.

Кстати, летом уже этого года Миха ещё раз выезжал в тот же адрес. Другой брат Кариандров, которого в девяносто втором взяли месяца через два после изнасилования, отсидев свои четыре года, затыкал насмерть маленьким перочинным ножичком материнного собутыльника, некоего Козлова. Пятьдесят шесть ран в области шеи! За «козла»! И сбросил труп в подпол. Сейчас он проходил стационарную психиатрическую экспертизу в Костроме.

«УАЗик» въехал в город. Кругом шла нормальная жизнь.

Маштаков обратил внимание, что на улицах повсюду торгуют цветами. На каждом почти углу. Преобладали гладиолусы с мощными стеблями. Такой букетик, наверное, стоил неслабо.

---

¹⁸ ПМГ – подвижная милицейская группа.

Астры выглядели скромнее, но цвета их были разнообразнее. Встречались ещё всякие цветы неизвестных Михе «пород».

Маштаков понял вдруг, почему их так много, цветов этих.

Завтра же – первое сентября, детям в школу. И его Дарье тоже.

Все приготовления, как обычно, прошли мимо него. Единственное неубедительное оправдание, что ведь не в первый же класс, в шестой...

Миха проехал мимо дома в отдел, зашёл в дежурку, самолично написал ориентировку. Оперативным дежурным был Андреич – ветеран УВД, подполковник, имевший только чистого ментовского стажа двадцать семь лет.

– Всё понял, Миш. Всё понял, дорогой, – он говорил очень быстро и малопонятно, проглатывая окончания. – Всё, всё сделаем. Труп уже доставили. В морге, в морге труп. Ты мне вот что скажи, откуда ты узнал про этот труп?

– В газете прочитал...

– Прокурору, Миш, позвони... Коваленке домой. Он велел как ты вернёшься, чтоб доложил сразу.

Маштаков усмехнулся. Как всё знакомо. Прокуратура обязана владеть информацией по преступлениям своей подследственности. Впрочем, надо заготовить доводы насчёт того, почему выезжали без их следователя.

– Э-эх, Андрей Андреич, как меня достали все эти долбаные прокуроры! – не удержался Миха. – Не в службу, а в дружбу, Андреич, набери Коваленко... Надо позвонить, раз велел.

Домой Маштаков вернулся в двадцать пятнадцать. С кухни чутко выглянула жена и, молча кивнув, скрылась. Видимо, удовлетворившись внешним видом законного супруга. Миха переоделся, умылся. Ужинать уверенно расположился в комнате.

Начиналась очередная серия про детектива Нэша Бриджеса. Во втором кресле уселась дочка.

Пошли первые кадры, объявляли исполнителей главных ролей:

– Дон Джонсон. Чич Марин...

– Чуч Марин! – повторила Маришка и искренне, как это только у детишек получается, засмеялась.

3

На следующее утро Маштаков проснулся как новый. Подскочил без будильника до шести и даже зарядку сделал интенсивную. После которой пел под душом: «Вези меня, извозчик, по гулкой мостовой!» С особенной тщательностью побрился, намазался праздничным одеколоном «Консул».

Вчерашние события напитали его кинетической энергией. Вспомнил Миха, что ещё на что-то годится. Что рано его на живодёрку сволакивать.

Выгладил брюки и кофту вместо вчерашней рубашки, в которой надрожался. Жена из принципиальных убеждений скоро год как ничего ему не гладила, спасибо, хоть стирала. Подъел оставшиеся от ужина макароны и проглотил два бутерброда с маслом. Appetit только разыгрался. Исследование внутреннего содержимого холодильника желаемых результатов не принесло. Кроме кастрюли с борщом, ничего вкусенького.

Перед уходом Маштаков придиричиво рассмотрел себя в зеркале. Чисто выбритые щёки и подбородок, пышные после фирменного жениного шампуня, аккуратно уложенные в причёску волосы, живые серые глаза компенсировали не сошедшую за две недели (наверное, уже перманентную) одутловатость, морщины на лбу и резкие носогубные складки. Под глазами залегла давняя чернота. Ладно, пока не мешки. Порадовала ставшая менее заметной ажурная сеточка капилляров на носу.

«Он бабам нравился за то. За что – не должен знать никто!»¹⁹

– Тань, давай, если вечером у меня ничего не стрясётся, я Маришку заберу из садика, – предложил Миха.

– Давай, – жена стояла сонная, прислонившись к косяку. Наблюдала за его активностью.

Ворот её халата открылся, на две трети видны были тяжело отвисшие груди. Перехватив демонстративно заинтересованный Михин взгляд, Татьяна запахнула халат и зевнула.

– На обед придёшь?

– Постараюсь.

От вытянутых трубкою мужних губ, в щёку ей нацеленных, она уклонилась.

Во двор УВД Маштаков входил в самом начале восьмого.

После итогового построения расходилась ночная смена – гаишники, охрана. Гоготали в предвкушении отдыха, молодые, здоровые.

Миха по заведённой им традиции заглянул в дежурку.

– Как ночь прошла, товарищ полковник?

Андреич – красноглазый, с проступившей за сутки на подбородке седой щетиной – разбирал кипу материалов. Готовился к сдаче смены, к докладу ответственному от руководства.

– Нормально, Миш, нормально... Тебе – грабёж на Восточке, пьяного ограбили на Восточке...

– Дело возбудили или материалом оставили?

– Миш, следовательно возбудил.

– А по убийству ничего нового?

– Ничего, Миш, всю ночь связывались с ПОМом, ничего у них нет.

– Можно дело по грабежу посмотреть?

– Смотри. Только здесь смотри, с собой не утащи.

В кабинете Маштаков нарисовал две упомрачительные схемы к протоколу осмотра места происшествия. На одной – в масштабе изображался двор дома Фадеевых. Особенно автору

---

¹⁹ Цитата из песни Вилли Токарева «В шумном балагане».

удался труп – пучеглазый, титястый, с лобком, оволосённым по женскому типу. На второй схеме в деталях были прорисованы внутренности дома, место обнаружения оружия.

Единственная «пятёрка» в михином аттестате о среднем образовании стояла за «черчение».

До утренней планёрки Маштаков успел просмотреть свои записи из дела по ночному грабежу, к сходным прежним попри-мерять.

Шёл мужик, пятьдесят третьего гэрэ, поддатый домой после получки. Получил, с его слов, три штуки. Кем работает? Кровельщиком в ЧП. У «Восточной» столовой подошли трое малолеток, спросили закурить, мужик угостил. Забрали всю пачку, он возмущаться начал, по пьяному делу не поняв, что козлам нужен повод. Ему, ясный перец, дали по башке, он упал, потерял сознание. Очнулся – в карманах голяк, часов и ботинок тоже нет. Телесные какие? Госпитализирован в нейтротравму с предварительным диагнозом «СГМ²⁰, множественные ушибы лица». Никого из нападавших не знает, примет не запомнил, опознать не сможет.

«Поздравляю, братуха. Классический “глухарь”! Который по телесным повреждениям, глядишь, ещё и в разбойчик перейдёт».

А ведь третий за месяц в этом районе. Надо что-то делать. Подставу на выходные спланировать? Кого на роль живца уговорить, какого общественника? Дядю Вадю? Наш дядя Вадя здоров больно, не отважатся супостаты пристать к нему.

Какая периодичность между нападениями? Между первым и вторым – две недели почти, между вторым и третьим – всего шесть дней. По дням недели тоже никакой системы. Понедельник, пятница и последний раз, сейчас – со среды на четверг. По времени примерно одинаково – от двадцати трёх до часа ночи, когда жизнь ещё не замерла окончательно. В первом деле, правда, фоторобот имеется. Похожий на артиста, исполнявшего роль хулигана Квакина в телефильме про Тимурову команду. Хм, фотороберт...

По внутреннему прозвонился Птицын. На Михины подходы насчёт настроения и.о. начальника КМ²¹ отреагировал сурово.

– Материал по убийству у тебя? Какой ещё почтой ты его направил?! Бегом в канцелярию, а оттуда в прокуратуру. Коваленко ногами топчет! Всё, конец связи!

Маштаков под роспись получил в канцелярии материал, сколотый скрепкой, и пошёл в прокуратуру, располагавшуюся в двух кварталах от управления на улице Советской, семь минут ходьбы.

Стоявший на воротах автоматчик по случаю незатихающей операции «Вихрь-Антитеррор» парился в бронжилете. Издалека он протянул Михе ручищу. Рукопожатье старшины в очередной раз ассоциировалось у Маштакова с мясной vareжкой – всеохватывающее, сырое.

– Поздравляю, та-ащ капитан!

Знает народ своих героев. На разводе сводку зачитывали. Ориентировали наружные службы на задержание злодеев Фадеева и Петрова.

– Не с чем, не с чем ещё, Слава.

– Ну ка-ак это не с чем!

Под дверью у зампрокурора Миха простоял недолго. Меньше получаса. В предбаннике кроме него ожидали аудиенции три девчонки-следачки. Ни одна из них не застала Маштакова хозяином этого кабинета.

– Неужели вернёт официально на доп? – отчаянно вздыхала симпатичная, в очень тугих брючках Маша Шишкина. – Людмила Гавриловна убьёт!

Возвращение уголовного дела для дополнительного расследования в следственном отделе каралось почти как измена Родине при товарище Сталине.

---

²⁰ СГМ – сотрясение головного мозга.

²¹ КМ – криминальная милиция.

Худенькая Полякова закатывала глаза.

– До четырёх утра обвинилровку²² писала... Людмила Гавриловна с утра разоралась, иди чего хочешь делай, чтобы карточки Коваленко до обеда подписал...

Миха не влезал в их профессиональные разговоры. Привычно философствовал.

Вот пришли девчата в милицию, а зачем, спрашивается?

Чтобы судьбу себе искалечить? До четырёх утра обвинительные заключения писать чтобы, а потом Салтычиха-начальница погонит к прокурору унижаться. «Дя-аденька, подпиши форму “один-один”! Три эпизода». Раскрываемость по восьми месяцам на 0,3 процента поднимется по линии КМ. Большинство из девчонок этих – бабочки-однодневки. Приходят, уходят. Чего ради-то? За зарплатой в полторы тыщи?! Чтобы замуж за мента выйти?

Маша Шишкина выскочила из кабинета зампрокурора, получив от двери с сильной пружиной ускорение по аппетитной попке. Вся в слезах и в губной помаде.

– Верну-ул!

Ещё через пять минут Полякова вышла, как зомби в компьютерной игре «Резидент-Ивел».

– Подписал! Все три карточки!

«Ну-у тут другие люди подсуетились, – констатировал Маштаков. – Или госпожа начальница СО, или Птицын. Или оба вместе, группой лиц по предварительному сговору».

Теперь подошла его законная очередь.

– Разрешите, Виктор Петрович? Здравствуйтесь.

Заместитель межрайонного прокурора Коваленко откинулся в вертящемся кресле. Руки в своей манере не подал и присесть не предложил. Правда, членораздельно поздоровался. Принял материал, углубился в чтение.

Переминаясь с ноги на ногу, Миха огляделся. После перехода из следствия в розыск, ему не случалась сюда наведываться.

Специфика работы другая.

«И хвала Аллаху, что не тягают покамест в прокуратуру. О чём пожалел, о слабоумный отрок!»

Изменений в интерьере кабинета почти не произошло. Телефон «Панасоник», телевизор «Рекорд». Его ещё, Михины, трофеи-приобретения. Только вот цветы на окне появились. Много горшков, весь подоконник заплонили. Есть даже целая кадка, в которой произрастает, судя по единственному сморщенному плоду, лимонное дерево. Стол завален бумагами. Дела уголовные, проверочные материалы, надзорки, жалобы... Должность, по правде сказать, муторная и нервная. Зато и власть над многими людьми немалая.

Коваленко заёрзал в кресле, оно запищало под тяжёлым туловом. Над правым виском рыжие редкие волосы зампрокурора рассекал, как по линейке лекальной, пробор. Очки у него были в золотой оправе, узенькие, прямоугольные: а-ля Лаврентий Палыч. Интересно, специально он такие приобретал, заказывал или волей случая? Маштаков увлёкся разглядыванием внешности зампрокурора. Его крайне заинтересовал нос Коваленко, острый такой, птичий, нацеленный. Чудно, сам он кабан здоровый, за центнер, а носик вострый, аккуратенький. Ещё Миха костюму зампрокурорскому позавидовал презентабельному и галстуку итальянскому, на чёрном фоне которого причудливо сплелись серебряные узоры.

– М-да! – Коваленко отвалился от стола, губы его змеились. – Ну и кто вас, Маштаков, учил проводить процессуальные действия до возбуждения уголовного дела?

Миха наклонил голову. Полуоткрыл рот, работая под неумного.

– Так ведь это... можно ж, Виктор Петрович, в объяснения переделать.

---

²² Обвинилровка – обвинительное заключение по уголовному делу, итоговый процессуальный документ на стадии предварительного расследования (проф. сленг).

– У вас всё мо-ожно! Вы уверены, что смерть насильственная? Когда вскрытие?

– Сейчас Никульский вскрывает, – Маштаков быстро взглянул на настенные часы. – Сразу отзвонится. А смерть насильственная, Виктор Петрович, отвечаю. Голова на триста шестьдесят градусов повернута, в смысле – на сто восемьдесят. Молодая баба просто так не умрёт. И потом закопана же...

– Опилась, а они со страху закопали? Судимые. Как вам такой вариант, Маштаков?

«Неглупый он дядька, – думал Миха. – Совсем неглупый. Правильно соображает. Только больно дерётся стеклом. Только Сами не считает человеком²³».

– Меня в ориентировку включили? – Коваленко поинтересовался делово, не пряча заинтересованности.

– Ви-и-иктор Петрович! – Маштаков развёл руками. – Под номером «один»!

– Информация ваша?

– Угу.

– Я сказал Птицыну, чтобы вы и дальше работали по этому убийству. Пока МРО раскачается!

– У меня, это самое, своя линия. Вон, на Восточной ночью опять уличный грабёж...

Зампрокурора поднялся, давая понять, что разговор закончен, опёрся на шаткую столешницу, а Миха вдруг ощутил, как у него наливаются уши жаром-полымем.

Столешницу эту они с Ирккой раскачали долгими зимними вечерами, когда здание пустело. Как яростно подмахивала она!

– Дело будет в производстве у следователя Максимова. Прямо сейчас введите его в курс дела. Он у нас сотрудник молодой...

Уходя, Маштаков как ни крепился, а не удержался – оглянулся на широкий, заваленный бумагами стол.

---

²³ Цитата из стихотворения Н. Тихонова «Про великого Ленни».

4

Вернувшись в милицию, Миха навестил дружественный сорок девятый кабинет, МРО. Петрушин с Ковальчуком матюкались в тёмном предбаннике, мучились с замком.

– Ты вчера последний закрывал! – глухо басил Петрушин.

– Я нормально закрыл. На два оборота, – огрызнулся Ковальчук. – Давно надо скинуться на новый замок.

С Маштакowym они поздоровались со сдерживаемым раздражением. С одной стороны тот не был повинен в их хозяйственно-бытовых проблемах. Со стороны другой, это он им вчера труп на трассе выкопал.

Можно подумать, своей работы у них мало!

– Пойдём в адреса, – не глядя на Миху, сказал Ковальчук. – Матери Фадеева адрес установили. Ну чё там, Валер? Давай я попробую...

Маштакoв поднялся к себе, на третий этаж. В кабинетике размерами два с половиной на два, отведённом трем оперативникам, можно было передвигаться только боком. Три четверти служебного помещения занимали два составленных вместе стола, сейф, штук шесть разнокалиберных стульев, на большинство которых садиться было рискованно. Простенок украшал коллаж, любовно собранный старшим группы – Лёшкой Титовым.

Исполненный на хорошем лазерном принтере плакат гласил:

«Кто к нам на работу придёт, тот от неё и сдохнет!» Другой художественный слоган, прикреплённый пониже, утверждал:

«Дай дураку хрен стеклянный – он и его разобьёт, и руки порежет!» Там же перемежались фотки живых и мёртвых бандитов и их подруг, частично полураздетых. Ещё красовалась водочная этикетка с Лёшкиной физиономией. Титов ходил здесь на Тараканище из сказки Чуковского. Такой же воинственный, пучеглазый, с расщеперенными рыжими усищами. Но самое главное, он был в милицейской форме с погонами. Поэтому водка и называлась соответственно: «МАЙОРСКАЯ». Таких этикеток в торговом центре Лёшка заказывал двадцать штук, как раз на ящик, когда обмывали его майорские звёзды. Не поленился ведь: с каждой бутылки заводскую наклейку счистил ножичком, с тёплой водичкой, а потом новую – со своей наглай рыжей мордой – аккуратно наклеил. Погуляли тогда душевно, на природу ездили. Уха, шашлыки... По пустым бутылкам стреляли.

Но главной достопримечательностью их кабинета был персональный компьютер. Кроме как у них, в розыске только в аналитической группе у девчонок таковой имелся. Комп в группу по «тяжким» прибился с год назад. Взяли тогда квартирных воров, за которыми оказалось больше двадцати выставленных хат. Все жулики были ранее неоднократно судимы, плотно сидели на героине. Изъять у них успели много всего интересного. Группа специализировалась на оргтехнике. Миха впервые в жизни с этой фигнёй столкнулся. Всякие там системные блоки, мониторы, принтеры, сканеры... Ещё эти... как их, чёрт... модемы! Всё изъятое вернули потерпевшим, а на один допотопный систем-ник, старенький монитор и дышащий на ладан матричный принтер претендентов не нашлось. Даже объявление в местную газетку давали, хотели гадам ещё эпизод намотать. Не типичное вообще-то явление. Квартирные кражи или из офисов почти никогда не остаются латентными. Скорее всего, техника эта была с кражи, совершенной в другом регионе.

В общем, Титов вовремя успел на компьютер лапу наложить, его уж порывались в штаб забрать. Нашли знакомого компьютерщика, тот привёл технику в порядок, сбросились на периферию. Ну на клавиатуру, на провода соединительные...

Маштакoв как бывший следователь, привыкший к большим объёмам письменной работы, влёт просёк преимущества научного прогресса конца двадцатого века. С помощью

компьютера реально было сократить объём механической, обезьяньей работы в сто раз. Да больше! Чем переписывать от руки шаблонные планы ОРМ²⁴ в делах, изменяя только данные потерпевших и даты совершения преступлений. А «отказные»²⁵ клепать!

А заключения служебных проверок на самих себя! Любо-дорого. После компьютера даже на машинке печатать – как кирпичи силикатные на второй этаж руками кидать.

Сейчас перед монитором сидел Андрейка Рязанцев. Ему, кстати, легко давалось, мозги-то молодые. Миха тоже на удивление быстро освоил. Сделав вывод, кто на машинке пишущей умеет печатать, тот в комп быстро въедет. А вот Титов компьютера патологически опасался. Но достоинства ценил высоко, потому в обслуживании и в ремонте принимал деятельное участие.

Рязанцев в соответствии с планами оперативно-розыскных мероприятий по последним нераскрытым грабёжам выполнял сейчас пункт из раздела «Общие мероприятия».

«Отработка лиц, ранее судимых за корыстно-насильственные преступления».

В каждом ОПД²⁶ у Андрейки имелись перфорированные листы, на которые компьютер группы учёта выдал списки рецидивистов. Сам ли, через участковых ли, Андрейка выдёргивал их к себе. В лучшем случае, из пяти являлся один, самый простой и безобидный. Самый законопослушный.

Вот такого сейчас Андрейка и проверял на причастность к августовским «глухарям». Испитой мужик лет тридцати пяти сидел на краю стула. Небритую морду его искажали муки похмелья. Он был априори согласен на многое.

– Слушай, Кузьма, прочту чего получилось, – повернулся к мужику Рязанцев.

– Да чего там читать. Давай подпишу, – протянул заскорузлую руку ранее судимый.

– Не-е, ты послушай. Чтоб вопросов потом не было. Та-ак... по указанному адресу я проживаю с матерью Кузьменковой Анной Никитичной, тысяча девятьсот тридцатого года рождения. После освобождения в апреле прошлого года из мест лишения свободы я нигде не работаю, нахожусь на иждивении у матери. Мы живём на её пенсию и мои случайные заработки. Спиртные напитки я употребляю, когда есть деньги, пью самогон. У кого покупаю самогон, сообщать отказываюсь, пользуясь правом, предоставленным мне статьей 51 Конституции РФ. По вечерам и ночам я всё время нахожусь дома, сплю пьяный. По улицам не гуляю. С лицами, ранее судимыми, связи не поддерживаю.

О существовании молодёжных группировок мне ничего неизвестно. Кто в нашем районе грабит пьяных, я не знаю. В пятницу двадцать шестого августа сего года я тоже был дома. Об обстоятельствах ограбления гражданина Филимонова мне ничего неизвестно. Я предупреждён о том, что мне необходимо устроиться на работу и перестать вести антиобщественный образ жизни.

Всё так, Кузьма?

– Всё правильно, начальник. Лучше не скажешь.

Андрейка Рязанцев нравился Маштакову. Способный парень! Если не обломают его, путёвый опер из него получится.

Всего год работает, а освоил многое, другому за пятилетку не научиться. Отрадно, что к старшим товарищам всегда прислушивается. Перенимает опыт. Это Михины, конечно, были ноу-хау за пятьдесят первую статью Конституции и за предупреждение о необходимости прекратить вести образ жизни непотребный.

Для своего начальства и для прокурора надзирающего изобретённые. А то возьмутся проверять дела – приостановленное уголовное – у следователя, для которого протокол допроса

---

²⁴ ОРМ – оперативно-розыскные мероприятия.

²⁵ Отказной – проверочный материал, по которому принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела (проф. сленг).

²⁶ ОПД – оперативно-поисковое дело, заводится сотрудниками уголовного розыска по нераскрытым тяжким и особо тяжким преступлениям.

и пишется, в криминальной милиции ОПД затребуют, в которое копия протокола этого подошьётся, и спросят грозно: «Почему при расследовании уголовных дел не устанавливаются места изготовления и сбыта суррогатов алкоголя?». А тут, пожалуйста, выяснились эти вопросы, но гражданин Российской Федерации воспользовался своим конституционным правом не свидетельствовать против себя и близких родственников. И профилактическая работа присутствует, гражданин официально предупреждён офицером милиции.

Конечно, из Кузьмы этого можно было в два счёта вытрясти данные самогонщиц. И безо всякого мордобоя. Достаточно пригрозить ему, мол, посадим на «сутки»²⁷ такого-то тяжёлого, всё расскажешь. Но чего дальше делать с этими самогонщицами?

Самих же и заставят отрабатывать. А когда?

Кузьма закончил подписание протокола. Извилистые каракули его, похожие на кардиограмму, заняли половину листа.

– Ну я пошёл, начальник?

– Ку-уда?! – поднял на него палец работающий Андрейка. – У нас с тобой ещё три эпизода. По каждому отдельно допросимся!

Вот он – прогресс научно-технический. Сколько бы раньше Рязанцеву времени понадобилось, чтобы четыре протокола допроса от руки написать? Пускай, по двадцать минут на каждый, с одним перекурком. Часа два верных? А на компьютере – чик-чик, переделает он сейчас в установочных данных время допроса, номер дела уголовного, а в самом тексте – предложения о дате нападения и фамилию терпилы²⁸. Застучит, завоет, защёлкает принтер, вылезет из него серый листок с почти ровными строчками. Так всё написано, Кузьма? Лучше не скажешь, начальник...

И самое главное, никакой прокурор, даже Коваленко Виктор Петрович не придерётся. Ни одного нарушения УПК РСФСР²⁹! И в делах бумаг прибудет и у следака, и у опера.

Порадовался Маштаков за смышленного Рязанцева, домой прозвонился. Проверил, проснулась ли Дашка, которая в этом году во вторую смену пошла. Сейчас вечерами светло ещё. Но скоро рано темнеть будет. Хоть и рядом школа Дашкина от дома, за углом, можно сказать, а встречать придётся. Много всякой шпаны у них на районе развелось. Рабочий район, Эстакада называется. Превратившийся за годы демократии в форменное гетто. Выбираться надо оттуда, в центр переезжать, да где денег взять?

Миху вдруг озарило. При сопоставлении данных о делах, приостановленных производством и направленных в суд в этом месяце, практически яблоко ньютоново ему на голову упало.

Почему это, интересно, Афанасьеву грабёж вменили? Потерпевший же до сих пор лечится амбулаторно, второй месяц.

Позавчера его Маштаков к следователю вытаскивал, с делом знакомиться, мужик брюзжал: «Мне на приём к шестнадцати тридцати в поликлинику железнодорожную!» Там даже не лёгкий вред, там средней тяжести вылезет, к бабке не ходи. Значитца, разбой злодею Афанасьеву надо вменять, вторую часть. Преступнику – статью от семи до двенадцати, а розыску – преступление особо тяжкое раскрытое. И тогда получается, три разбоя раскрыты в августе месяце, а не два. Три всегда лучше, чем два!

На этой оптимистической ноте Миха побежал в следственный отдел. К следователю Шишкиной, заканчивающей дело по Серёге Афанасьеву.

Шишкина пребывала в трансе. Поделилась с Маштаковым своей бедой.

– Представляешь, из-за одной буквы вернул! Смотри, квалифицирующий признак расписан... По предварительному стовору группой лиц! Я ему говорю, давайте подставлю,

---

²⁷ «Сутки» – административный арест (проф. сленг).

²⁸ Терпила – потерпевший (жарг., проф. сленг).

²⁹ УПК РСФСР – уголовно-процессуальный кодекс, действовал до 01.07.2002 г.

никто не заметит... Или перепредъявлю задним числом... С адвокатами договорюсь... Козёл рыжий!

Миха посочувствовал Маше, которая даже зарёванная и злая оставалась симпатичной. Не переходя на личности, поругал прокуратуру. Помнил, что с Машей этой ему детей не крестить. Сейчас, поддакивая, скажешь про зампрокурора злое слово, пусть даже и заслуженное, а завтра сама же Машенька и сольёт ему под сурдинку. «Виктор Петрович, а Маштаков называл вас земляным червяком!»³⁰

Предложив Шишкиной сигарету, Миха изложил суть своего пустякового вопроса. Маша помотала короткой стрижкой на пачку «Балканской звезды». Выдвинула ящик стола, вытащила тонкую коричневую сигаретку.

«А всё говорят, следователи у нас мало зарабатывают».

Маштаков через стол протянул Маше зажжённую зажигалку. Прикурив, она посмотрела на оперативника насмешливо.

– Ты чё, охренел? Да там два дня срока осталось. Завтра – этап, Афанасьев на тюрьму уедет. Когда обвинение пере-предъявлять прикажешь? Я уже с ним двести первую³¹ выполнила. У меня видишь, свой какой геморрой?

Шишкина приподняла и впечатала в стол двухтомное уголовное дело, прилетевшее из прокуратуры на допросследование.

Миха и не надеялся, что следователя обрадует его предложение возвратиться к отработанному. В её понимании это – артель «напрасный труд». Маштаков знал, что Шишкина та ещё стервочка, догадывался, кто её танцует.

– Маша, дочка, – сказал он примирительно, – давай договоримся полюбовно. Я беру на себя получить новое заключение СМЭ³² сегодня же. Афанасьева оставим на вторую неделю, в прокуратуру я тоже сам сбегая, подпишу. Даже обвинение новое заготовлю. Завтра предъявишь с утра и сразу, это самое, пере-ознакомишь. Делов-то.

Шишкина с силой ввинтила окурки в пепельницу, раскрошив.

– Иди отсюда, Маштаков, без тебя тошно.

Миха усмехнулся, чувствуя, как губы у него задрожали. Дожил, называется, до ручки, малявка двадцатитрёхлетняя себе такое хамство позволяет.

– Не боишься ещё один доп заработать, красавица? А ну как вся эта история вылезет? Прокурор сейчас пропустит, он с терпилой контактировать не будет. По бумажкам у тебя всё пока складно получается. А в суде?

– Вали-и, закладывай! Больше ничего не можешь! Да пусть мне хоть ещё десять дел вернут! По фигу мне!

Поняв, что доводы разума здесь не подействуют, что девчонку заклинило, Миха откланялся. Но от поставленной задачи не отступился. Разумеется, он не пошёл информировать руководство СО, одни вопли лишние будут, там тоже ездят только с ближним светом. «Когда ещё дело в суде начнут рассматривать?!»

За начальника следственного отделения по тяжким преступлениям против личности с прошлой недели работала Хованская Альбина. Она сразу въехала в бубновый Михин интерес.

– Грамотно, Николаич. И Афанасьев этот сволочь, я его по прошлой ходке³³ помню. Только не вовремя. Раньше ты где был?

– Альби-ина Владимировна!

---

³⁰ Цитата из мультфильма «Маугли».

³¹ Двести первая – статья 201 УПК РСФСР – ознакомление обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела (проф. сленг).

³² СМЭ – судебно-медицинская экспертиза.

³³ Ходка – судимость (жарг.).

Хованская имела полную выслугу. В апреле ко дню следствия получила подполковника. И никак не отваживалась уйти на пенсию.

– Что я ещё умею?

Она помнила Маштакова по прокуратуре. Молодой зам был незаносчив, разговаривал по-людски, входил в положение. Иногда даже излишне. Потом, когда Миха в их следствие перешёл, они больше двух лет проработали в соседних кабинетах, в этом же отделении по тяжким. Кому самые сложные дела давали?

Маштакову. Весь отдел бегал к нему советоваться. Головастый!

И простой, сколько раз подменял с дежурствами в праздники, в выходные. А когда поехал парень по наклонной, все почти отвернулись. Нашлись и такие, что в открытую злорадствовали – «Пьянь прокурорская...».

Хованская пристукнула по столу ладонью.

– Всё, Николаич. Давай езжай к судмедэксперту и дальше по плану своему. Машку я обработаю. Только это, шуму не поднимай, у неё сейчас полоса чёрная.

– У кого она белая, Альбина Владимировна?

И целый день потом без обеда Маштаков прозанимался этой насущной ерундой. Поставив предварительно в курс о своих намерениях начальника розыска Борзова.

Борзов, человек с говорящей фамилией, фанат провинциального сыска, сразу загорелся.

– Михал Николаич, а ты пересмотри у них все дела. Может, чего-нибудь прекратить можно? Со снятием с учёта. Возбуждают всякую дрянь!

– Посмотрю до конца недели.

Не забывая про обещание, данное жене, забрать Маришку из садика, Миха в половине шестого (случай невиданный) покидал управление.

Однако сделал крюк к «мрошникам». В кабинете был один Ковальчук, дело в корки подшивал.

Он без энтузиазма рассказал, что в адресе матери Фадеева дверь никто не открывает, два раза мотались на «шестёрку», на самый край города. Съездили к ней на работу, в автоколонну – тоже мимо денег. Не выходит мамка Виталькина на работу третий день. Звонила, сказала, что забюллетенила. Соседи поведали операм, что Виталька часто обижал мать, а не так давно вообще пытался задушить. Мать еле вырвалась, выскочила в подъезд в одной ночнушке.

– Как бы в этом адресе ещё на один труп не наткнуться! – угрюмо хмыкнул Ковальчук на прощанье.

В троллейбусе почти не было пассажиров. Миха дисциплинированно предъявил удостоверение и прошёл на заднюю площадку. Ехать ему предстояло почти до конечной.

На остановке «Первомайский рынок» в троллейбус заскочила гоп-компания, несколько парней и две тёлки. Все – бухие, возбуждённые. На улице один из них, длинный, со стриженным затылком, уронил на асфальт здоровый, кило на шесть, арбуз.

Не удержал! Арбуз, тяжело хлопнувшись, с треском раскололся, разверз переспелое, алое, в чёрных косточках нутро. Мат, гогот, девчонки пищат.

– Ой, Сивый, не могу!

Дылда подобрал арбузные обломки. Зашёл в салон, тупо гыкая.

– Чё ржёте, му*аки?!

А чего им не поржать, пассионариям, в демократической стране?

Длинный постоял-постоял, понял, что не круто он выглядит в обнимку с разбитым арбузом. Выmaterился и кинул всё на пол троллейбуса. Прочавкал по сочной мякоти вперёд, упал на сиденье.

Кондукторша, пожилая женщина в очках, попыталась порядок навести.

– А ну подбери сейчас же!

Длинный послал её.

Кондукторша стала беспомощно возмущаться, озираться в поисках добропорядочных граждан. На миг они с Маштаковым встретились взглядами. Две остановки назад, оправдывая свой бесплатный проезд, он предъявлял тётке служебное удостоверение. Миха мучительно переморщился. Только в кино в таких ситуациях крутой коп метелит хамов так, что только шуба заворачивается.

Но отсидеться в тине он не смог. Прошёл вперёд по салону.

Остановился около длинного, нагнулся и сказал твёрдо, но не обидно. Оставляя возможность отыграть назад достойно.

– Слушай, друг, подними! Нехорошо мусорить!

И вернулся на заднюю площадку. Парни моментально подхватились и двинули туда же. Чавкая жвачками, плечами молодецки поводя.

«Самое главное, – лихорадочно думал Маштаков, – не дать зайти за спину».

Он уже трижды проклял свою несовременную совестливость.

– Ты чё, мужик?! Оборзел совсем, что ли?

Трое нависли над Михой. Все под метр девяносто, на динозавров похожие. Морды угреватые, дебилные. Башмаки у дебилов модные, с прямоугольными носами, «гробы» называются. Сорок пятого размера.

Маштаков ёжился. Профессионально представляя страшные последствия удара таким говнодавом по голове... по жизненно важной части тела.

А снаружи – понимающе осклабился. Опять не обидно.

– Вы чего, ребята? Я сотрудник милиции.

И расстегнул молнию на нагрудном кармашке кофты, подрагивающей рукой вынул ксиву. Взмахнул ей.

На его счастье, гоблины ещё мало успели сегодня выпить.

Какие-то рефлексy у них ещё оставались. На красную книжку в частности. Порывав бесвязно, они рассосались по салону. О, чудо! Долговязый прошкандыбал к месту, где валялись осколки разбитого арбуза. Именно в этот момент, как по команде, открылись двери (остановка «улица Суворова»). Ногой длинный вы-пинал куски арбузные из троллейбуса.

Всё равно парни посматривали на Маштакова осуждающе.

Не могли просто так вынести подобного унижения. Ждали, когда он выйдет. Но Миха от греха проехал до конца маршрута. Парни вышли на предпоследней остановке, махнув рукой на оборзевшего мента.

Лет пять назад Маштаков безнаказанно подобной выходки ни за что не оставил бы. Из первого автомата вызвонил бы подмогу. Притащили бы шпанцов в отдел, оформили по «мелкому»³⁴, договорились с судьей суток на семь административного ареста и как следует попрофилактировали. Чтобы запомнили, гниды, как себя подобает вести в общественных местах. И как надо реагировать на замечания старших, тем более сотрудников правоохранительных органов.

За годы работы и жизни вообще Миха поумнел. Теперь он знал – никого ничему не научишь! Всех не благодетельствуешь и не пересажаешь! С каждым годом, как в сказке, становилось всё страшнее и страшнее...

Маришка осталась последней из всех групп. Всех детей давно поразбирали. Она сидела со сторожихой на веранде и горько ревела.

– Почему-у ты так по-оздно?!

– Работа, – оправдывался Маштаков.

Он приобнял дочку за плечи, прижал её худенькое, вздрагивающее тельце к себе. Потом присел с ней рядом. Тыльной стороны ладони осторожно вытер слёзы. А глаза-то – папкины,

---

³⁴ Оформить по «мелкому» – составить протокол об административном правонарушении (проф. сленг).

большущие, карие! – Пошли, купим чего-нибудь вкусенькое? Только такими антипедагогическими методами мог он реабилитироваться. – «Киндер-суприз» купишь? – у Маришки заблестели глазёнки. – Не-е. Дочка, давай «Чупа-чупс» купим, он вкуснее. На «Киндер-сюрприз», шоколадное яйцо со сборной игрушкой внутри, каждый раз разной и интересной (проклятые капиталисты, знают, чем ребёнка зацепить), у Михи не было денег. – Не хочу «Чупа-чупс», «Киндер-суприз» хочу-у!

5

«Куплю волосы. Дорого».

Объявления эти идиотские весь город заполнили. У Юры Ковальчука, когда он на них наткнулся, всегда ассоциация возникала с фашистскими концлагерями. По телевизору раньше часто хронику показывали – вываленные из мешков груды волос. Состриженные с живых людей перед отправкой несчастных в печи крематория, в газовые камеры. Бр-р...

На чём только сейчас бизнес не делают! И чего, выгодное дело волосы скупать? С другой стороны, не будь выгоды, не облепили бы все углы объявлениями. Заказывали ведь в типографии, в расходы входили.

Второго сентября, с утра, не заходя на работу, Ковальчук двинул прямо в адрес фадеевской матери, на улицу Сосновую.

Шёл без особой надежды, для очистки совести. Чтобы потом весь день полезными делами заниматься. Чтобы не дёргало начальство.

Ковальчука не столько тяготило новое убийство плечевой... работа есть работа, линия – их. Убийств в Остроге всегда было выше крыши, без дела в МРО сроду не сидели. Раздражение поднималось от мысли, что лишнюю работу подкинул Маштаков, которого Юра органически не переваривал.

Ковальчук не забыл, как пять лет назад (Юра тогда молодой был, офицерское звание только получил) заместитель прокурора Маштаков тряс их отделение. Посадил отличного опера Ваню Пшеничного, за взятки будто и за мошенничество. Обыск в кабинетах у них проводил, по столам лазил, по сейфам. Допрашивал всех лично, как жуликов. Мало ему, гаду, было одного Пшеничного, под остальных клинья подбивал. Доказать всё силился, что они крышуют ларёчников на привокзальной площади, денежку от них получают.

Теперь-то понял, праведник хренов, как жить на ментовскую зарплату?

Судья реально Ване впаяла. Пятерик усиленного режима!

Усиленный режим тогда ещё был для тех, кто несудимый, а садится за тяжкое преступление. Почти все эпизоды, наковыренные Маштаковым, остались. Правда, вышел Пшеничный быстро, через два года. Помиловал его президент как афганца-орденоносца. Какому парню судьбу поломал, выползень прокурорский! Сколько убийств Пшеничный раскрыл! И ещё бы мог! Сейчас Ваня в порядке, в фирме работает. Двери железные делают и сами устанавливают, на жизнь хватает. «Но один хрен, – поделился Пшеничный, раз выпивали как-то, уже хорошо проняло, – не хватает всего этого... выездов, гона, куража...»

В Москве вон в открытую менты подрабатывают. Охраняют в основном. У нас, понятное дело, городишко маленький, все на виду.

Валить надо из милиции, это Ковальчук давно понял. Язву желудка уже заработал здесь. Выслуги с армией всего восемь лет, учиться идти в двадцать девять поздно, так и пробегаешь до пенсии в операх. Да и не доработаешь ещё до неё, до пенсии этой копейной. Или от язвы загноёшься, или сопьёшься!

Алка пилит постоянно. «Денег никогда в доме нету! У людей – машины! Люди на юг каждый год ездят! Надеть мне нечего!»

Валить надо... и чем быстрее, тем лучше.

С такими решительными мыслями, распалив себя, Юра забежал на седьмой этаж к фадеевской квартире. Лифт не работал.

Нажал и долго не отпускал кнопку звонка. Слышал, как в квартире он гудит заполошной сиреной.

Прошлёпали шаги и без расспросов – кто да зачем – распахнулась дверь. Ковальчук не успел переключиться. В дверях стоял Виталя Фадеев собственной персоной. Краснорожий,

мордастый, чуть пониже среднего роста, вровень с Юрой. Крепенький от природы. Сходство с фотографией на паспортной форме сохранилось большое. – Чего надо? – недружелюбно спросил Виталья. Сдавать назад было поздно. Опер раскрыл на короткий миг перед толстым Виталькиным носом удостоверение. – Из милиции. Ты Фадеев? – Ну и чё? – Ты покупал ружьё в Крутове у Козлова? Двенадцатый калибр? За вчерашний день Ковальчук пробил по номерам бывшего владельца двустволки. Ничего умнее спросить сейчас Юра не придумал. – Делов не знаю, – промычал Виталька. Он стоял, набычившись. – Ну ладно, вижу, сейчас с тобой говорить бесполезно, – выворачивался Ковальчук. – Придешь в опорный пункт вечером, когда протрезвешь. Знаешь, где опорный пункт? Фадеев захлопнул дверь. Опер прислушался к себе, как колотится сердечко. «Чего, Юрий Палыч, очко-то не железное?» Ковальчук побежал вниз. Он знал, что в продуктовом магазине в соседнем доме есть телефон. Юра был опытным оперативником. Шесть лет отмантулил в розыске, и почти все шесть – в подразделении по раскрытию умышленных убийств. Он и не подумал геройствовать, ломать в одиночку Витале руки. Тем более был он без оружия, без наручников. Без современных средств радиосвязи даже. Белобрысая продавщица на удостоверение отреагировала кисло. – У нас только для своих телефон. Ковальчук заулыбался золотозубо. – Я тоже не чужой, Майя. Имя он считал с бейджика на синем халате.

– Ла-адно, проходите вон через подсобку. Направо там кабинет заведующей.

Юра успел только сигарету выкурить, подъехал «УАЗик» с ГБР³⁵. Быстро выскакивали молодые тренированные бойцы в бронезилетах, с автоматами.

Но оплошавший один раз Фадеев теперь не открывал, затаившись в квартире. Милиционеры остались у двери и под балконом, а Ковальчук снова убежал в магазин, консультироваться.

Продавщица Майя, слышавшая его первый разговор, слова – «по убийству», «возможно, вооружён», пустила к телефону безо всяких.

Как назло, старшего их группы Петрушина на месте не оказалось. Кому звонить? Птицыну – не его, Ковальчука, уровень.

Начальнику розыска? Так этот камикадзе ничего путного всё равно не посоветует. Набрал два двадцать два шестьдесят восемь, Маштакова. Тот сразу схватил трубку, как ждал.

– Есть три варианта действий, – начал Маштаков рассуждать вслух, выслушав. – Ломать дверь безо всяких санкций. С последующим уведомлением прокурора. Второй вариант – я побегу сейчас к следователю, попробую получить постановление на обыск и санкционировать его у Коваленко. До-олжен дать, такое дело, убийство... На его основании мы опять же вышибаем дверь, но уже прикрываясь процессуальным документом. Гм. И последний, это самое, вариант – искать мать Фадеева, везти её с ключами и открывать цивилизованно. Если она не лежит неживая внутри.

Потележив ещё минут несколько, оперативники остановились на самом безопасном для них, законном и в тоже время на реальном варианте. На санкционированном вторжении.

В зале Ковальчук подмигнул Майе.

– Вода минеральная есть? Негазированная только. Маленькую бутылочку мне.

– Шесть пятьдесят. «Суздальская».

– Я, может, ещё к вам загляну.

– Заглядывайте, – продавщица всю кокетничала.

В настоящее время у Юры было чересчур много проблем. В том числе и на женском фронте.

Все они одинаковые! Весь мир – бардак!

³⁵ ГБР – группа быстрого реагирования.

Ковальчук растолковал «гэбээровцам» оперативный замысел. Ждать, сказал, придётся не меньше часа. Он специально реально сказал, чтобы потом парни не дёргали каждую минуту.

А Маштаков пусть побегает, ноги побьёт, это ему не в прокурорском кабинете заседать.

– Задержание кому пойдёт? – делово поинтересовался старший группы быстрого реагирования.

– Да берите себе, нам это в зачёт не идет.

У их отделения один показатель, – чтобы как можно меньше нераскрытых убийств и сто одиннадцатых четвёртых³⁶ оставалось.

Юра курил и размышлял: «Вот выйдет поганка, если за то время, когда я первый раз бегал на телефон, Фадеев успел сделать ноги. Через чердак... дом-то с чердаком. Или через балкон – в соседнюю квартиру. Сломаем дверь, а там пусто. Потом – жалобы, по прокуратурам затаскают».

Но получилось по-другому. Сработал четвёртый, непредусмотренный вариант. Через полчаса у Витальки сдали нервы или, поддав ещё, он просто утратил бдительность. На дежурный, от скуки стук он неожиданно открыл дверь. Моментально его скрутили. Минуту спустя он сидел в машине в наручниках, орал в голос.

Возбуждённые, довольные милиционеры усаживались в «УАЗике».

– Слышь, Вить, тормозни у магазина, – попросил Ковальчук. – Сигарет куплю.

---

³⁶ Статья 111 часть 4 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего.

6

Маштаков ещё в прокуратуре был, санкцию на обыск пробивал, когда Ковальчук позвонил. Следователь Максимов, молодой улыбчивый парень, передал трубку.

– Вас.

– Всё! Взяли Фадеева! Не надо никаких обысков! – голос Ковальчука вырывался за пределы мембраны, Михе даже трубку пришлось от уха подальше убрать.

Постановление (дважды следователем по указанию надзирающего прокурора переделанное) он всё равно у Коваленко санкционировал. Основания-то не отпали. Одежду и обувь Виталькину, в которых тот был во время убийства, надо искать. Да и так, для расширения кругозора, для наступательности стоит в квартире пошерудить. Судимый же оружие имел. Кстати, а недостающую часть двустволки – цевьё – искать не надо, что ли?

– Затупят мрошники, сам съезжу, – заверил Маштаков следователя.

Потом они вдвоём двинули в милицию – с доставленным разбираться.

Фадеева Миха представлял другим, с причёскою. А этот сидел стриженный, с неожиданными ямочками на красной морде.

Оперативники уже успели ему накинуть по сути дела. Старший опер Петрушин угрожающе раскачивался над Виталей, пыхтя сырой сигаретой.

Фадеев находился под общим наркозом. Абсолютно невосприимчивый к фактам и тем более к формальной логике. Он мотал башкой:

– Не-е, ребята, я её не убивал... что хотите делайте...

– А кто? Кто тогда?!

– Московская мафия... приезжали на «Мерседесе»...

Разговор предстоял долгий. Витальке надо было дать полностью протрезветь, чтобы его как следует отходняк заколотил.

Петрушин довольно улыбался:

– Михаил Николаевич, а вон в коридоре и Петров стоит.

Маштаков, когда заходил, не обратил внимания на унылого парня, который маялся перед дверью в сорок девятый кабинет.

– Сам пришел, – добавил Ковальчук, – по записке, которую мы его брату в Крутово оставили. Сегодня наш день.

– А чё он там стоит? – спросил Миха, – Сбежит ведь.

– Не сбежит, – хмыкнул Петрушин. – Он там уже целый час стоит.

– А теперь увидел Фадеева, просёк фишку и сбежит, – не согласился Маштаков. – Заведите в другой кабинет.

Петрова завели во второй кабинет второго межрегионального отделения по раскрытию умышленных убийств, в большой.

Кабинеты соединял общий тамбур.

В большом кабинете лепший друг Михин, старший следователь прокуратуры Саша Кораблёв заканчивал допрашивать вытертого старика в синей байковой олимпийке. Старик по фамилии Бурмистров, держа далеко на отлете протокол своего допроса, шевелил губами. Разбирал написанное.

– Эт-та как эта: умышленно? Не согласен. Я эт-та, по неосторожности, – он оторвался от листка.

Кораблёв, с видимым усилием сдерживая раздражение, стал в максимально доступной юридически неграмотному Бурмистрову интерпретации объяснять разницу двух форм вины – умысла и неосторожности.

Старик слушал, недоверчиво прищурился бесцветный глаз. Он был уверен, что ему ездят по ушам. Бурмистров обвинялся в покушении на убийство. Он был тридцать седьмого года рождения, ранее не судимый. Обстоятельства совершенного им были достаточно забавны. При всей их жутковатости.

Помощник дежурного по УВД Серега Грачёв – здоровенный мужик, хорошо за сто кило весом – во вне рабочее время пошел с дочкой искупаться. Дочке Серёгиной десять лет. День стоял замечательный, как и весь июль. Серега рассекал, полный задора и огня. Могучий, как Шварценеггер или Дольф Лундгрэн. В красных адидасовских штанах и полосатой десантной майке.

В это время старик Бурмистров ничтожный и пьяный ползал на карачках в пыльных придорожных кустах.

Жизнерадостный Серега без всякой задней мысли окликнул его:

– Чего потерял, мужик?!

Не настроенный на оптимистический лад и лёгкий разговор Бурмистров ответил угрюмо:

– А тебе хули за дело?

Воспитанный Серега, услышав бранное слово, ответил адекватно. Послал, короче, неблагодарного хама далеко. И тут же забыл про него. Пошел дальше, насвистывая и сжимая в руке дочкину ладошку.

Но старик Бурмистров оказался злопамятным. Сработало правило, что никого и никогда не следует посылать. Ни далеко, ни близко. Поднявшись с карачек, Бурмистров поплёлся за Серёгой, держа его в поле зрения, но на безопасном отдалении. В кармане у него лежал раскладной нож типа «белка».

Грачёв с дочкой перешли через мост, спустились к насыпи и вышли к длинной и довольно широкой луже. Серёга стал разуваться, чтобы перейти препятствие вброд и на руках перенести дочку. Когда он, наклонившись, развязывал шнурки на кроссовках, коварно подкраившийся сзади Бурмистров, вонзил ему лезвие «белки» в шею, за ухо.

Как показала потом судебно-медицинская экспертиза, раневой канал был глубиной пять сантиметров. Серёгу спасли могучая комплекция, самообладание и хорошая физическая форма.

Резко обернувшись, он сразу въехал в ситуацию. Старик озверело размахивал у него перед носом ножом. Вся дурь с Бурмистрова сразу слетела. Он понял, что с одного удара завалить гиганта не удалось. Ещё через мгновение, проведя прием, Серега обезоружил старика, а вот задержать не сумел. Кровь хлестала из раны, как под напором.

– Убивают! – заорал Бурмистров и проворно, забыв про годы, вскарабкался по насыпи и дал дёру. Но недалеко, только до коллективных садов экскаваторного завода. Там его задержали подъехавшие «пэпээсники». За рекордный отрезок времени раненый Серёга успел тормознуть попутку и доехать до родной дежурной части.

В газете по этому случаю напечатали небольшую заметку под бодрым заголовком «Милиционер не растерялся».

Дело возбудил милицейский следователь по 213-ой части третьей, по хулиганству с применением оружия. Но прокуратура рассудила, что здесь будет покушение на убийство и забрала дело себе.

Сейчас Саша Кораблёв заканчивал следствие. Ранее несудимый Бурмистров за три месяца нахождения под стражей успел поднабраться от бывалых сокамерников ума-разума и не признавал себя виновным в предъявленном обвинении. Только в причинении легкого вреда здоровью, за что по новому УК не предусматривалось даже лишения свободы.

Бурмистров пустился было в длинные косноязычные рассуждения о своем видении данной проблемы, но Кораблёв не позволил. Повысил голос.

– Михаил Иванович, давайте не будем! Всё это уже я слышал десять раз! Хотели бы попу- гать просто, ткнули бы Грачёва в ляжку. Или в плечо! Но не в жизненно же важный орган. Не признаёте, так не признаёте. Все ваши показания я записал, давайте подписывайте. А то не будет вам сейчас никакого свидания. И так иду на нарушения...

Петров со скорбным видом усаживался на свободный стул.

Бережно держался рукой за бок.

– Ну чего, Владимир Алексеевич, ты нам расскажешь за Олькино убийство? – закуривая, спросил у него Маштаков.

Петров смотрел в сторону, в крашеную стену:

– Не знаю.

– Ну-ну, – Миха выпустил ему в лицо струю дыма. – А кто же знает? Я? Или вот Валерий Гербертович знает?

Он кивнул на Петрушина.

Вова достал пачку «Примы» и попросил разрешения закурить. Ему, конечно же, разре- шили. Без курева – какой контакт?

Маштаков даже любезно огня поднёс.

Петров был в отказе... пока. Миха чувствовал, что хватит его ненадолго.

Кораблёв с интересом наблюдал за их компанией. Его злодей Бурмистров, склонив голову, со скоростью заклётого двоечника подписывал протокол.

– Михал Николаич, ты ему про пять тузов расскажи, – улыбался Кораблёв.

– Расскажем. И про пять. И про деся-ать, – вразяжку отвечал Маштаков.

Это было кораблёвское изобретение. В последнее время при допросах подозреваемых Саша, убеждая их в бесперспективности позиции полного отрицания, задвигал, что со след- ствием играть бесполезно. Что при любом раскладе у него на руках будет пять тузов. В общем контексте довод получался наглядным и, что немаловажно, красивым.

За почти шесть лет работы способный Кораблёв научился многому. Миха надеялся, что он не забыл, кто натаскивал его в прокуратуре.

Вскоре Санька со злодеем Бурмистровым освободили кабинет. Обстановка стала более подходящей для дружеского общения. Практически интимной.

В течение следующих пятнадцати минут Маштаков живописал Петрову ужасы его поло- жения, если он будет оставаться в отказе и наоборот – многие преимущества при условии, что поведёт себя Вова умно и расскажет всё чистосердечно. Зачитал ему по кодексу шестьдесят первую статью про смягчающие обстоятельства. Дал в руки УК, чтобы прочитал сам, чтобы не думал, что Миха отсебятину порет.

Вовка взял мятый с полуторванной обложкой кодекс «мрошников» и не просто взял, а спросил при этом:

– Где написано?

И стал, наморщив лоб, читать, шевеля губами. Лёд трогался на глазах. Маштаков прошел в соседний кабинет. Там Ковальчук и Максимов занимались с Фадеевым. Вернее, пытались им заниматься, потому что Фадеев оставался непробиваемым. Его пересадили на низкий диван- чик к шкафу. Он распространял по кабинету зловонные облака перегара.

– Сколько выпил с утра? – спросил его Миха.

Фадеев подумал и выдал с достоинством:

– Бутылку.

– Нормально, – порадовался за человека Маштаков. – Чем не жизнь.

– Теперь долго не попробует, – зло сказал Ковальчук. – лет пятнадцать.

– Да больше! – вторил ему Миха. – Двадцатник! Убийство с особой жестокостью. Област- ная подсудность. У потерпевшей маленький ребенок остался. Общественность подключим.

Виталька хмыкнул. На мокрых губах у него надулся пузырь:

– Не, ребята...

Молодой следователь Максимов, разложив перед собой бумаги, помалкивал. В этой пьесе он еще не имел самостоятельной роли.

– Вовка-то поумнее оказался, – сказал Маштаков Ковальчуку, но исключительно для Фадеева. – Уже пишет явку с повинной.

Ковальчук подхватил с лету:

– Так он и пришел к нам сам. Его ГБР не штурмовала, как Фадеева. Насколько меньше он теперь получит, Михал Николаич?

Лет на пять?

– Да бо-ольше! – махнул рукой Миха и, повернувшись к Максиму, сказал жёстко. – Василий Сергеевич, метать бисер мы тут не будем. Переговоры закончены. Выписывайте, пожалуйста, «сотку» и мы его в камеру уведем! Много чести!

Фадеев не прореагировал на эту страстную речугу. Маштаков вернулся в большой кабинет. Вовка со скорбным видом смотрел в книгу. За это время шестьдесят первую статью УК можно было выучить наизусть. Чтобы потом декламировать в камере.

– Виталька-то гораздо умнее тебя оказался, – с порога сообщил Миха Петрову. – Строчит вовсю. И что интересно, сливает, что инициатор убийства – ты.

Вова ещё мучительнее сморщился. В груди у него клокотало.

– У него туберкулез, Михаил Николаевич, – сообщил Петрушин. – Он сдохнуть хочет в зоне за чужое.

– Какая стадия? – поинтересовался Маштаков.

– Вторая.

– Вот как... активная форма? Херовые у тебя дела, – Миха посочувствовал и сел за дальний стол, чтобы не наглотаться палочек.

Вздыхнув, Петров потянул из пачки очередную сигарету:

– Если бы только туберкулез... У меня ещё инсульт был... Язва ещё...

– Тогда вообще отказываюсь тебя понимать, – Маштаков развел руками. – Сам себя хорошишь. Своими руками. Мы ж всё знаем, как оно было. Вика всей деревне растрепала про ваши подвиги. Люди допрошены. Знаем, что душил Ольгу только Фадеев, а вы только закапывали. Что он тебе за друган такой, чтобы за него на пятнадцать лет садиться? Сейчас каждый за себя должен быть!

Петрушин положил перед Петровым листок бумаги и ручку:

– Давай, Владимир Алексеевич, пиши!

Вовка взялся за ручку. Вопросительно посмотрел на Миху:

– Как писать-то?

Маштаков подсказал форму заявления на имя прокурора. У Петрова был чудовищный почерк, но вполне разборчивый. Над каждым словом он тяжело задумывался. Скрёб лохматый затылок. Одноразовая шариковая ручка тонула в его огромной шершавой лапище.

Родилась первая строка. Изогнувшаяся к концу страницы, как гусеница.

Миха быстро взглянул на Петрушина, подмигнул. Флегматичный опер ухмыльнулся в ответ. Дело практически было в шляпе.

Оставались закрепление и оформительская работа.

Маштаков сходил к себе на третий этаж за пишущей машинкой. К его возвращению Петров завершал свой монументальный труд. Его хватило на полстранички, но главное было материализовано.

Приступили к допросу. К обстоятельному, с выходом из-за печки. С того самого момента, как Виталька, Вика, Вовка и Ольга стали жить под одной крышей, подобно персонажам русской народной сказки «Теремок».

Вовка с Виталей после освобождения перебивались случайными заработками. На вино постоянно не хватало. К моменту знакомства с ними девки занимались проституцией на трассе года по три каждая. Опыт имели солидный, но нуждались в мужской поддержке, в твёрдом плече. После того как компашка устоялась, быстро выработали рабочую технологию. Днём отсыпались впрок. На промысел выходили вечерами, захмелившись. Дальнобойщиков тормозили прямо в деревне, далеко не ходили. Если удавалось договориться, отъезжали метров на несколько за околицу. Вставали на обочине. Девчонки работали по специальности, парни обеспечивали безопасность. Барражировали вокруг притихших фур.

Заработки были разные. В удачные дни девки приносили и по три сотни. В рядовые – по полста. Холостых выходов почти не случалось. В общем, не бедствовали. Через день мотались в Соломинские Дворики шашлыков покушать. Трезветь не успевали, всю дорогу – под балдой.

Олька была моложе Вики. Шесть лет разницы по такой работе – не хрен собачий! И смазливей гораздо, фигуристей. Было за что подержаться. Потребительским спросом поэтому она пользовалась большим. Периодически, правда, вспоминала про оставленного в Вязниках на мать трехлетнего сынишку. Со знакомыми передавала для него небольшие деньги. А в последнее время с похмелья стала заводить одну и ту же песню – про то что завяжет, вернётся домой. В семью...

Фадеева эти настроения забеспокоили. Очень быстро он привык котовать. На правах хозяина дома, великодушно давшего приют, Виталька начал спрашивать с постоялиц для себя куски побольше и пожирнее. Скандалы сделались ежедневными, особенно по пьяному делу.

После дня рождения Фадея, который отмечали душевно, трёхдневным загулом, забыв почти обо всех досадных разногласиях, именинник обнаружил, что подруга наградила его триппером. Не спасли, стало быть, презервативы, из обложек которых была устроена выставка на раме настенного зеркала.

Виталья начал быковать, запросил у Ольки сто рублей на лечение, на уколы и таблетки. Денег, как на грех, у покойницы не оказалось.

Всё произошло очень быстро, под утро. До этого выпили литр самогонки на четверых и пива – прицепом. Почти не закусывали.

Вовка, с его слов, с Викой на кухоньке сидели. Фадеев начал навешивать Ольге с обеих рук в смежной комнате, в которой стоял диван. Олька визжала, потом захрюкала. Вовка на секунду обернулся на это странное хрюканье (он принципиально не вмешивался в чужие дела) и увидел, что Олька задницей елозит по полу, а Виталька, оседлав ее, душит обеими руками за шею. Вовка отвернулся, закрыл глаза прижавшейся к нему Вике. Потом Олька замолчала.

Фадеев с выпученными глазами, потный весь, прошел к столу. Налил себе полстакана. В два глотка выпил, утерся. Налил в тот же стакан поменьше, пальца на два.

– Тяни! – велел Вовке.

Тот не осмелился перечить. Случилась сильная истерика с Вичкой, она ломанулась было на улицу, но парни её обратали.

Вовка пару раз по-семейному смазал подруге по физиономии.

Накапали полстакана успокоительного. Вика, выпив, отошла.

Виталья стал распорядиться. Вместе с Петровым они раздели мертвую Ольку догола. Разожгли печку и спалили всю её амуницию – верхнюю и нижнюю. Потом взяли подматрасник, простыню с кровати покойницы, расстелили на полу и перекатали труп на подстилку. Вдвоем вытащили на огород. Вовка сбегал в сарай за лопатой. Копали по очереди. По пьяни копать как следует было влом, к тому же начинало светать. Забросали кое-как землей и утрамбовали. Вернулись в дом, загудели ещё на сутки.

Потом не усидели-таки на месте. Сорвались. Парни двинули сперва в Крутово, а потом в город. Вика-чечевика – пёс ее знает куда. Вроде в Суздальский район. На малую родину в село Кутуково. Так, по крайней мере, она сказала...

В кабинет зашёл следователь Максимов, послушал немножко Вову и мало-мало не загубил всё дело на корню.

– Очную ставку, Михаил Николаевич, будем проводить между ними? – спросил он.

– Зачем? – удивился Маштаков, делая Максиму страшные глаза.

Тот не понял:

– Так Фадеев же ничего не признает!

Вова Петров недоуменно посмотрел на Максимова, медленно перевёл взгляд на Мишу, соображал. На счастье, туго.

– Какая сейчас очная ставка, Василий Сергеевич? – Маштаков продолжал деланно удивляться. – Фадеев – пьяный в дымину!

Следователь наконец понял, что попал не туда. Покраснел очень заметно, смутился.

Миха активно перегружал Петрова:

– Вот видишь, какие существенные противоречия в ваших показаниях, Владимир Алексеевич, следователь прокуратуры выявил! Виталий ему говорит, что ты тоже душил! Что вместе вы!

Не хочет один отвечать за убийство!

Вовка сильно ткнул в пепельницу только что прикуренную сигарету:

– Врет он всё. Не убивал я.

Чашка упала, но не разбилась. Допрос продолжился.

– Ну и чего ты кроил? – спросил Маштаков повесившего голову Петрова, когда тот подписал во всех полагающихся местах протокол. – Если рассказал правду, ничего у тебя больше заранее необещанного укрывательства не будет. Статья триста шестнадцатая. Максимум два года лишака. До суда под стражей, конечно.

Также покорно Вова подписался под протоколом задержания на семьдесят два часа, который на машинке отшлёпал Максимов. Отказался от предложенного ему бесплатного адвоката.

Попросил сообщить матери, что его закрыли. Чтобы она сделала дачку – туалетные принадлежности там, тетрадь, ручку, конверты, курить побольше.

Миха заглянул в соседний кабинет. Фадеев, свирепо набывчившись, сидел на прежнем своем месте.

– Чего он здесь? – спросил Маштаков у Ковальчука. – Давай вниз его сведём.

– Водили уж, – вздохнул опер. – В ИВС этап отправляют.

Сказали подождать полчаса.

– Ну давайте подождём, – Миха тяжело опустился на стул, вытянул ноги в грязных полуботинках.

Выудил из мятой пачки последнюю сигарету. Свернул в фунтик выкрошившийся до середины кончик. С такой разве накуришься!

Маштаков видел на столе под рукой у Ковальчука только что открытую коробочку «ЛМ», но просить не стал. Не те отношения.

А сам Ковальчук не предложил, хотя наблюдал Михины манипуляции с высыпавшейся сигареткой.

– Михал Николаич, да вы идите, мы с Валерой справимся, – подчёркнуто приязненно предложил Ковальчук.

– Дополнительную информацию в дежурку вы подготовите или мне сделать? – Маштаков не хотел, чтобы его обошли в ориентировке.

– Пишите вы, информация ваша...

Ковальчука в пору было посылать на конкурс «Самый вежливый милиционер года».

Фадеев вдруг бессмысленно заулыбался и надул губами большой пузырь.

7

Заместитель прокурора Коваленко обрызгал водой из пульверизатора цветов, отступил шаг назад и залюбовался растением. Вот где лишнего, лживого ничего нет. Вроде простенько – герань тривиальная или «пеларгония» по научному, а сколько непосредственности в мелких розовых лепестках, в листиках резных. Кроме того, в умных книжках пишут, что герань эта, цветок городской бедноты, оздоравливает воздух в помещении, усталость снимает.

Всё кстати. В его окно солнце заглядывает лишь на пару утренних часов, украдкой. Остальное время в кабинете сумрачно и влажно. Даже летом. Зимой же – колотун страшный, никакие обогреватели и пуловеры, под пиджак надетые, не спасают. Здесь вот и заработал хронический бронхит, который каждый февраль, как по расписанию, укладывает в больничную койку.

Конец месяца здорово измотал Коваленко. Сколько с ментами ни вой (третий год ведёт он эту неравную борьбу), большинство дел всё равно заканчивается следствием и дознанием в последние дни месяца. Пачками несут, невзирая на то, что проверить, через себя пропустить это криминальное чтиво предстоит одному-единственному человеку – ему. И по диагонали читать нельзя, подставы на каждом шагу. Семь дел с начала года суд вернул ему для дополнительного расследования!

На два больше, чем за весь прошлый год. Плюс оправдательный приговор! Правда, здесь налоговая полиция удружила. Бездельники. Всего два дела за год в суд направили, и то по одному оправдашник заполучили.

К концу рабочего дня глаза плохо видели, всё сливалось. Пелена... И прокурор-то в отпуске, весь воз приходится одному тащить. Коваленко откинулся в кресле, руки на затылок заложил, потянулся спиной.

Опять вечером придётся дипломат делами набивать, до полуночи разбирать на кухне каракули и неровные строчки, на раздолбанных машинках напечатанные.

Завтра – крайний срок, надо представление ещё накатать, напрямую на начальника УВД области. Надоел бардак в следствии. Но ведь всё равно сколько ни пиши, сколько ни кидай дела на доп, ни привлекай к ответственности, – к дисциплинарной, к уголовной ли, – ситуацию не переломишь. Как катился мутный вал, так и катится. Процессуальные сроки нарушаются, доказательства теряются, кругом подчистки, исправления, фальсификации. Квалифицировать правильно даже хулиганку не могут. А пишешь на них – обижаются, разными объективными причинами пытаются объяснить – нагрузка большая, работать никто не идёт, одни девчонки с педагогическим да техническим образованием (потому что зарплата мизерная), материальное снабжение отсутствует. Бумагу, ручки, ленточки для машинок следователи покупают на свои.

Всё понятно, товарищи начальники, но в УПК³⁷ подобные причины игнорирования законодательства не заложены, и в УК³⁸ – тоже.

«Так что писал, пишу и буду на вас писать!» – Виктор Петрович помассировал ноющий затылок.

Беспокоило ещё, что прокурор позицию непонятную занимает в этом противостоянии. В разговорах наедине (в последнее время мало они стали общаться, такое впечатление, что избегает его шеф, видно, добрые люди нашептали) он соглашается – надо душить ментов. Но чуть прижмёшь, бегут через голову, сопли размазывают, и прокурор подписывает то, что Коваленко завернул категорически. Пару раз после подобных оплеух подходил, говорил: «Олег Андреевич, не дело меня так опускать перед милицией». А тот – под дурачка: «Слушай, Петрович,

---

³⁷ УПК – уголовно-процессуальный кодекс.

³⁸ УК – уголовный кодекс.

они не сказали мне, что ты отказался подписывать». Пашешь-пашешь, не считаясь с личным временем, и такое отношение.

Как по-разному людям всё достаётся. Одним – тяжким трудом, в котором здоровье и нервы сжигаешь прямо пропорционально наживаемым врагам. Другие легко всё берут, на ходу. Даже не нагибаются.

Прокурор их новый из последней категории. Молодой, тридцать три всего, в органах работает – подумать только – с девяносто четвёртого года; а уже – прокурор третьего в области города с населением (вместе с районом) в сто пятьдесят тысяч! В прокуратуру области перешёл из арбитражного суда, сразу – на должность начальника отдела. Начал сразу с чина «юриста первого класса», с «капитана». Какой волосатости лапу надо иметь, чтобы такими семимильными шагами сигать?

Когда Данилов, прежний межрайпрокурор, в декабре уходил в область, его, Коваленко, кандидатуру даже не рассматривали. А почему? По каким качествам он не подходит, объясните?

Боль в затылке усилилась, тупым нажимом напомнило о себе сердце.

«Не надо себя накачивать. Успокойся».

Заскрипела дверная пружина. Коваленко сбросил руки с головы, приобрёл деловой вид, над раскрытым томом уголовного дела склонился.

– Можно, Виктор Петрович? – заглядывал следователь Максимов. Коваленко отметил в голове: «Что значит в армии не служил. Не – разрешите, а – мо-ожно!» – Что у тебя, Василий? – Тут ерунда получается, Виктор Петрович, – Максимов выглядел растерянным. – Ну давай, давай, рожай. Времени нет. – Убийца этот, Фадеев... убежал из милиции. – Как убежал? Да ты что?! – Оперативники сейчас позвонили. Сказали, что вывели его в коридор на пять минут, пристегнули наручниками к трубе. Потом смотрят – одни наручники висят на батарее, а Фадеева нет. – Ты на него «сотку» выписал? – Коваленко прощёлкивал в голове ситуацию, искал, не смогут ли доброжелатели к нему подобраться через случившуюся плюху. – Да, Виктор Петрович, выписал. И им отдал. Они сказали, сами отведут его в изолятор. – Правильно, конвоировать – не следователя задача. Кому протокол задержания отдал? Кто там был? Максимов задумался, отчего на молодой коже его лба тщила образоваться морщинка. – Я их плохо ещё знаю, Виктор Петрович. Отдал оперативнику, Юра его зовут, он в джинсовом костюме ходит. Ещё там был усатый, в возрасте, и Михаил Николаевич... ну который раньше, говорят, в прокуратуре работал. – Ковальчук, Петрушин и Маштаков, – подытожил заместитель прокурора, – тёплая бражка. И отметил сразу: «А ведь у Маштакова, с учётом его неполного служебного, прокол этот запросто может последним оказаться». Быстро набрал Птицына. – Чего делать будем, Вадим Львович? Специально себя не дистанцировал. Хотя уже просчитал: проблемы исключительно ментовские. Прокуратура тут никаким боком. – Не по телефону, – отозвался Птицын. – Сейчас подъеду, если не возражаете. – Давайте.

Зампрокурора взял у Максимова дело, пролистал, отделив новые бумаги, которые прежде не видел. Сразу ткнул молодого носом.

– Почему Петрова в качестве подозреваемого оперативник допрашивал?

– Я в это время с Фадеевым занимался. Он по отдельному поручению допрашивал.

– Понятно, Василий Сергеевич, что по поручению, – Коваленко поднял указующий перст с коротко, до мяса подстриженным ногтем. – Подозреваемого и обвиняемого допрашивает только следователь! Запомни! Колоть, греть, по душам беседовать, пожалуйста – оперативники. Но допра-ашивать...

Виктор Петрович начал читать допрос Петрова. Что хоть он говорит? Завтра-послезавтра нужно будет решать вопрос с его арестом. Машинально кивал, углубляясь в показания. Молодец всё-таки Маштаков, ничего не упустил, изложил дельно, без двойственных толкований, расписал роль каждого, в том числе и Петрова. Заранее необещанное укрывательство у

него будет железно. Два года назад, когда Маштаков ещё следователем работал, Коваленко всерьёз прикидывал – надо мужика двигать в начальники следственного отдела. Для начала – в замы, естественно. Людмила Гавриловна, при всех её заслугах, материал отработанный. Вчерашний день. Но Маштаков сам всё испортил своим запойным пьянством. Виктору Петровичу и раньше докладывали, что слаб Миша на вино, но не думал он, что всё настолько запущено. Чтобы по неделе напролёт пороть, на работу не ходить!

Смотри-ка, в розыске он прижился, корни пустил. Нет-нет да и услышишь: «Маштаков поднял. Маштаков работал». Труп проститутки тоже по его информации отрыли.

Стукнув крепко в дверь, в кабинет заходил запыхавшийся Птицын. Как будто не на «Волге» служебной приехал, а бегом бежал. Поздоровались.

Замначальника КМ уселся за приставным столом, расстегнул пиджак, ослабил галстук. Быстро взглянул на стоявшего в углу следователя.

– Иди, Василий, занимайся, – Коваленко вернул Максиму документы.

Птицын рассказал подробности. Фадеев ушёл из милиции спокойно. На воротах его остановил часовой, которому Виталя объяснил, что вызывался в сорок девятый кабинет, где его допросили и отпустили. За воротами прикурил сигарету у участкового, знавшего Фадеева как ранее судимого. Ни ухом, ни рылом участковый не допёр, что перед ним убийца, совершающий дерзкий побег.

– Кстати, никакой ответственности за побег он не понесёт, – перебил Коваленко. – По триста тринадцатой³⁹ можно притянуть, только если с санкции прокурора арестован или по приговору суда.

Птицын выстукивал пальцами по столу «Спартак – чемпион». Зампрокурора поморщился, показывая, что его это раздражает. Подполковник сцепил руки в замок.

– До утра надо кровь из носа Фадеева отловить, – сказал Коваленко.

– Нереально. Связей его мы не знаем. К матери он не пойдёт.

А так наружные службы ориентированы, приметы доведены.

– По чьей вине получилось?

– Проводим служебную проверку, – казённо ответил Птицын. Сделав паузу, в которой чувствуется, взвешивал – говорить или нет, добавил: – Предварительно, МРО прокололось.

Заместитель прокурора легко согласился, покивал головой.

– Там, по-моему, давно дисциплины нет.

– Управленческая структура. Наказать я их не могу, а в области их поддерживают, – Птицын растолковывал известные факты.

«Вот поэтому ты на них и валишь сейчас, на управленческую структуру», – Коваленко снял очки, подышал на узенькие стекла.

– Я слышал, там ещё Маштаков ваш занимался?

– Так точно. Но в момент побега его в МРО не было.

– Паршивое у него сейчас положеньеце, – Виктор Петрович вроде даже сочувствовал бывшему коллеге.

– Виктор Петрович, – Птицын смотрел в упор, не мигал, – может, это... «сотку» из дела убрать? Как бы до задержания он ушёл... свидетелем.

Коваленко понимал, какого масштаба неприятности ожидают милиционеров, если он погонит волну. Хорошо, если проколовшиеся мрошники отделаются неполным служебным. Маштаков – точно не жилец в органах. И Птицыну достанется пряников. «Выговорешник» тут верный, а может и «строгач».

Но замнач КМ запросил невозможного.

---

³⁹ Статья 313 УК РФ – побег из-под ареста или из-под стражи.

Аннулирование «сотки» – протокола задержания Фадеева в качестве подозреваемого на трое суток – моментально ставило под удар прокуратуру. Тогда надо уничтожать и протокол допроса Фадеева.

В наглую сделать вид, что Фадеев не задерживался? Но ведь Максимов рассказал, что второй жулик... как его... Петров! – видел дружка в милиции. И матери Фадеева сообщили, что сын её задержан.

Как прикажете объяснять, если труп Фадеева всплывёт вдруг в Клязьме? Со следами пыток на лице и теле...

Это, конечно, крайность, но жизнь штука многогранная. Нет гарантий, что менты докладывают объективно.

Если оставлять протокол допроса Фадеева, у любого проверяющего первый вопрос встанет: почему следователь, допросив подозреваемого в особо тяжком преступлении, в убийстве, не закрыл его, а умотал из милиции, самоустранившись от выполнения своих прямых обязанностей.

Кругом торчали длинные ослиные уши.

– Нет, Вадим Львович, – ответил наконец Коваленко, – на такую авантюру я не пойду. Ищите беглеца. В восемь вечера я пойду проверять ИВС, если Фадеева там не будет, я напишу прямо в КУП⁴⁰ о том, что задержанный отсутствует.

– Понятно, – скупое кивнул Птицын. – Разрешите идти?

– Да, пожалуйста. Материал служебной проверки пусть мне в копиях принесут. С заключением вместе.

Птицын ушёл, в допустимых пределах демонстрируя обиду.

«Пускай надувается. Для всех хорошим при нашей работе не будешь», – Виктор Петрович давно взял это банальное правило на вооружение.

Ещё бы прокурор города его усвоил!

Коваленко уже решил, что пока не будет разматывать историю с побегом. В планируемых им мероприятиях, задуманных для восстановления социальной справедливости, понадобятся соратники. Птицын, бывший начальник РУБОПа, информированный профессионал и комбинатор – представлялся ему возможным партнёром. Тоже, наверное, переживает из-за того, что незаслуженно прозябает на вторых ролях. На него, конечно, побег фадеевский – не крючок; так – заноза, мостик к налаживанию добрососедских отношений.

А вот Маштакова можно подтянуть конкретно. Ходов у него по доске немного осталось. Он будет исполнителем, человеком с «земли».

---

⁴⁰ КУП (КУСП) – книга учета сообщений о преступлениях.

8

В семнадцать часов Птицын собрал в актовом зале, который раньше назывался «ленинской комнатой», личный состав уголовного розыска. Сыщики сходились недовольные. Пятница, «крайний день», у каждого личные планы имелись. Рассаживались группками вдали от президиума на последних рядах, чем умножили раздражение начальника. – А ну, вперёд перешли! – прикрикнул он. – Как школьники прячетесь. Досталось всем. Птицын напомнил, что операцию «Вихрь-Антитеррор», введённую после недавних взрывов жилых домов в Москве на Каширском шоссе, никто не отменял, что завтра – рабочий день до обеда. Одного за другим поднимал старших оперов, ставил задачи, в большинстве своём нереальные. – Маштаков, – спросил и.о. начальника КМ, – чего ты собираешься реально предпринять по грабёжам в районе «Восточной» столовой? Миха встал, опираясь на спинку впереди стоявшего креслица. – Ну это, планируем оперативные мероприятия. С живцом хотим походить. После побега Фадеева и последовавшего за этим жёсткого нагоняя Маштаков был как глушеный, туго соображал. – На когда планируете? – начальник требовал конкретики. Её у Михи не было. Он вяло пожал плечами. – В течение недели. Птицын, и без того смурной, заиграл желваками.

– Не стыдно тебе, Маштаков? Ну так вот. Слушай сюда. Сегодня ночью пойдёте рейдовать. Сколько вас в группе?

– Двое. Я и Рязанцев. Титов – в отпуске.

– Калёнов! – нацелился Птицын на старшего «Южной левой». – Зональники у нас вообще работают по грабёжам? Или всё перевалили на группу по тяжким?

Рома Калёнов – молодой, спортивного вида светлый парень, модно подстриженный, промолчал.

– Сколько человек с зоны будут участвовать в рейде, Роман?

– Двое, товарищ подполковник. Малов у вас отпросился, у него брат сегодня женится.

– Уже четверо, – загнул соответствующее количество пальцев Птицын. – Я договорился с начальником МОБ⁴¹. Будут участковые и автобус. Задачи стандартные, но всё равно напомню, а то что-то вы в последнее время вообще нюх потеряли. В первую очередь нас интересуют молодёжные компании, собирающиеся в том районе в детских садиках, в подъездах, у подъездов на лавочках. Устанавливать, переписывать на месте, наиболее интересных тащить в УВД, провести здесь разведбеседы. Кто ещё интересней – оформлять по «мелкому» для отработки по спецприёмнику. Начало – в двадцать три, отставить – в двадцать два. Работаете до... как управитесь, в общем. Утром выходите попозже, к десяти. Старший мероприятия – Маштаков. Завтра доложить мне лично. Схалтурите, ещё раз поедете. Поняли?

– Так точно.

Миха пошёл к себе в кабинет. Через минуту туда залетел Калёнов, весь на шарнирах.

– Ну обломал, Львович! Собирались с мужиками в «Темп». В волейбольчик постучать, потом пивка попить.

Маштаков кивнул сочувственно, хорошее дело. Сам он твёрдо намеревался вернуться домой пораньше. Обещал почитать Маришке про доктора Айболита.

Договорились встретиться в десять вечера в УВД у дежурки.

С участковым увязывать взялся Миха, как назначенный старшим.

– Оружие будете получать? – зашмыгнул носом Калёнов.

– Рязанцев вооружится, я газулькой обойдусь, – Миха предпочёл лишний раз не напоминать про свою ущербность в этом плане.

---

⁴¹ МОБ – милиция общественной безопасности.

Зональник убежал. Маштаков уставился в грязное окно, равнодушно отметив, что вот и второе лето прошло, а они так и не удосужились помыть стёкла. Накрапывал дождь, шелестела бурая, гофрированная листва тополя, доросшего до их этажа.

У Миши в голове не укладывалось, зачем мрошникам понадобилось выводить Фадеева в коридор и оставлять там без присмотра. Сидели бы каждый со своим жуликом по разным кабинетам, ждали бы спокойно, когда этап уйдёт.

«Меня бы позвали... Так нет, Ковальчук сказал, что они сами справятся».

Маштаков стащил слюду с пачки «Балканской звезды», разорвал упаковку, выбил сигарету.

«Ковальчук, сука, не признаёт, что отпустил меня. Написал в рапорте, что не было такого разговора. Что я ушёл, не попрощавшись, позабыв немой футляр⁴²... Не забудут они мне никак Пшеничного. Как будто я заставлял его чужие деньги брать!»

Миша сильно затягивался, морщился. Сигарета попалась горькая.

С другой стороны Львович правильно наехал, что какого хрена он послушался Ковальчука. Кто такой Ковальчук? За начальника отделения в МРО сейчас Петрушин, с ним надо было решать. А потом, своей головы, что ли, нет за плечами? Первый раз замужем? Правильно ввалил трендюлей Львович. Если бы ещё на этом всё закончилось... Прокуратура в стороне не останется, не преминет по кумполу долбануть. Как наверху ещё посмотрят?

С учётом его, Михиного, рабоче-крестьянского происхождения.

Бли-ин... А сколько сил и средств придётся затратить на то, чтобы задержать Фадеева. Вот она – артель «напрасный труд».

Был реально в руках преступник, не какой-нибудь карманник, не грабитель даже. Убийца! Душегуб! И теперь с полным раскладом всего, что у следствия на руках имеется, наслушавшись страстей про перспективу двадцатилетнего срока – на свободе... Да он Вику, главную свидетельницу, вперёд милиции разыщет и грохнет! Доигрались по полной программе. Икнулась привычка к халявному подходу.

Как сказал Ковальчук? «Сегодня – наш день!» Вот уж действительно как в воду дунул...

Дома Маштаков маленько отвлёкся. Вынес мусор, наточил на бруске ножи. Давно он прочитал где-то, что какой в доме нож, такой и хозяин. Наблюдая, как жена выразительно и безуспешно пытается закрутить на кухне кран, Миша зарёкся, что завтра после обеда он его «уделает». Оставалось только вспомнить, куда он засунул разводной ключ.

Татьяна известие о том, что он уйдёт в ночь рейдовать, восприняла индифферентно. Это не означало, что она поверила.

Когда они на кухне пили чай, Маштакову накатило вдруг рассказать про свои беды, про убийцу, сделавшего ноги из отдела. Про то, что к старым проблемам у него, по ходу дела, добавились новые, ещё мохначе. Потом решил, что Тане всё равно неинтересно будет, подумает ещё, что он на жалость давит, подлизывается.

Жена, сложив в мойку грязную посуду, включила телевизор.

По первой программе шло «Поле чудес». На шею похожего на бодрого моржа Якубовича разбитная тётя вешала ожерелье из бубликов. А в руки вложила поднос, на котором стоял нарядный заварной чайник.

– Экспонаты для музея «Поля чудес»! – возопил лицедей Якубович.

«Меня бы назначил кто смотрителем этого музея», – ухмыльнулся Миша, проходя с сигареткой на балкон.

В рейд по тылам противника двинули почти вовремя. Маштаков искренне подивился пунктуальности всех участвующих.

---

⁴² Строчка из песни «Музыкант» К. Никольского.

Андрейка Рязанцев уселся впереди, рядом с водителем «Пази-ка». Автобус был с механического завода.

– Помогают шефы, Юрий Анатольич? – спросил Миха у участкового Муравьева.

Майор отреагировал живо, подпрыгнул аж на сиденьи.

– Ага! Ты знаешь, за голову берутся. Опорный пункт отремонтировали. Дружину возродили.

– Если ли толк от дружины? – Маштаков, как большинство профессионалов, скептически относился к добровольным образованиям.

– Я тебе скажу, есть. Ты послушай, послушай, – горячился Муравьев, хотя Миха и не пытался его перебивать. – Вот по вечерам подучётников обхожу, с собой двоих мужиков беру поздоровее. Трое – не один, согласен? И чуть чего их – в свидетели, в понятые. Ага. Женщины мне «отказные» материалы подшивают, описи пишут, планы работы на неделю.

Автобус тряхнуло на ухабе, на нос майору съехала фуражка, он замолчал. В жёлтом конусе дальнего света фар мелькнула длинная вывеска. «Рособщепит. Столовая №...»

– Приехали! – жизнерадостно воскликнул Рязанцев. – Вон, приткнись у торца пятиэтажки.

Дверь автобуса, закрипев, сложилась в гармошку.

– Пошли, что ли? – Маштаков потрепал за плечо Калёнова.

Тот умудрился задремать по дороге. Судя по исходившему от него родному запаху, он наведалься-таки в спорткомплекс «Темп». Играл ли он там в волейбол – вопрос... но вот пива попил – это точно.

– Чё холодно так?! – возмутился Калёнов, выйдя на улицу.

Оперативник с его зоны, оказавшийся стажёром по имени Серёга, держал в руке длинный китайский фонарик.

Участковый повёл их в детский садик.

– Там на веранде они на постоянку собираются. Пьют, курят, трахаются. Заведующая на меня начальству пожаловалась – ничего не делаю, ага. Ладно, говорит, бутылки каждое утро, так ещё гондоны детишки находят. Осторожно, мужики, тут яма...

Веранду нашли по приземистому чёрному силуэту и багровым точкам сигарет. Они то вспыхивали, то слабели, сообразно затяжкам.

– Посвети, – велел Калёнов.

Стажёр включил фонарик. Мутное прыгающее пятно вырвало из темноты кампанию. Человек шесть-семь пацанов и девчонок, которые сидели друг у дружки на коленях. На той же лавочке в углу обнаружилась ополовиненная пластмассовая «полторашка», стакан, поломанная буханка чёрного, яблоки.

– Спокойно, мы из милиции, – сказал Маштаков. – Предъявите, пожалуйста, ваши документы.

– Какие документы, ты чё? – загораживаясь рукой от света, возмутился крепыш в надетой задом наперёд бейсболке.

– Удостоверяющие вашу личность.

Миха обглядывал насторожившуюся публику. Ему не понравился крайний парень в спортивных штанах с белыми лампасами. Парень шепнул что-то на ухо сидевшей у него на руках девчонке, и та сразу сползла на пол. Пацан подтянул к скамье ноги, проверил шнурки на кроссовках.

– Раз документов нету, будьте любезны в отдел, личности ваши будем устанавливать, – рассудительно объяснил майор Муравьев.

Он лет пять работал старшим участковым на Восточке, его узнали.

– Юрий Анатольевич, – к перилам подошла белобрысая девчонка в короткой юбке, – что мы такого сделали? Кому мешаем?

– Ага, Назарова! Вспомнила, как меня по имени-отчеству величают. А на прошлой неделе, когда я вас один проводывал, куда вы меня послали? – участковый не скрывал радости от наклёвывавшегося торжества справедливости.

Невзирая на то, что размеры её можно было увидеть только в микроскоп.

Свет фонаря слабел, на глазах садилась батарея.

– Чего сделали?! – вмешался Маштаков. – А распитие спиртных напитков в общественном месте? Здесь же детишки гуляют.

Стажёр выключил фонарь. И сразу из угла, где сидел не понравившийся Михе парень, мелькнули белые лампасы.

– Держи его, Рома! – хрипло крикнул Маштаков.

И сам прыгнул туда. Но Калёнов уже завернул парню руку, высоко, до самого затылка.

– Ты чё дёргаешься, ублюдок! С тобой же, ара, по-хорошему.

По дороге до автобуса всё-таки один сбежал. Не тот, который в бейсболке козырьком назад, а третий, его Миха вообще не разглядел.

Задержанных изъявил желание покараулить Калёнов, но Маштаков рассудил, что не стоит его, поддатого, оставлять одного. Слишком рьяно он кинулся руки крутить. Вон как пацан пере-морщился, ругается сквозь зубы. Подруга ему плечо массирует.

Как пить дать, на жалобу нарвёмся. Отписаться-то отпишемся, злостное неповиновение сотруднику при исполнении и так далее, но опять лишние проблемы.

– Сергей пусть здесь побудет.

Миха забрал у стажёра фонарик.

Милиционеры пошли по улице. Маштаков остановился на углу, огляделся. Двадцать шестого августа на этом месте ограбили гражданина Филимонова. Тот даже не понял, откуда взялись грабители. «Как из-под земли!» Хотя и не слишком был пьян. У напарника случилась радость, сынок родился. «Две бутылки всего, товарищ капитан, на пятерых выпили. Ей-богу!»

Миха озирался. Откуда они могли выскочить как из-под земли? Пройти вдоль дома за кустами? А что, вполне. Но тогда им заблаговременно не видно, кто идёт. Вдруг – катит кодла покруче?

Через два дома от них горел фонарь, единственный на всю долгую Восточную улицу. Под ним в кругу неоновых световых пятен был хорошо различим силуэт молодой женщины. Миха разглядел даже подробности – деловой костюм, сумка на плече, стрижка, открытая шея. Нерешительно потоптавшись под фонарём, женщина повернула и растворилась в темноте.

«Нас испугалась».

На лавочке у последнего подъезда пятнадцатого дома сидели два парня. Оба вроде трезвые, курили, разговаривали негромко. Обоим лет по двадцать, на вид после армии, если служили, конечно. У одного с собой оказался пропуск на завод.

– Да, мы из этого дома, – парень выглядел уверенно.

Рязанцев в блокнот переписал их данные.

Участковый Муравьёв не преминул попрофилактировать.

– Зачем вы, ребята, на лавочку с ногами залезли? Ага. Нормальные ребята, а с грязными ногами. Ведь тут люди потом сядут жопами в чистых штанах...

Парни сразу поднялись, стали прощаться.

– Завтра после работы, Костя, приходи...

Все подъезды в пятнадцатом доме оказались пустыми. Из распахнутого окна на втором этаже гремел Михаил Круг.

– Владимирский централ, ветер северный!

Звяканье посуды перебивали нетрезвые голоса, мужские, женские. Хохот, – он же ржач. Муравьёв отвернул обшлаг куртки.

– Пятнадцать минут двенадцатого. Положено тишину соблюдать. Поднимемся, Михаил Николаевич, сделаем замечание.

Спать людям мешают.

Участковый, служака из старых, максимально старался использовать возможности рейда.

– Какие проблемы, та-ащ майор? Второй этаж, не высоко.

Маштаков потрогал через ветровку закреплённый в самодельной поясной кобуре газовый пистолет. Вещь, по большому счёту, бесполезную. На пьяных слезоточивый газ не действует.

В экстремальной ситуации резиновая дубинка сгодится куда эффективней.

Отдыхавшую компанию урезонили на удивление легко. Хозяева закрыли окошко, убавили громкость магнитофона.

– Извините за беспокойство! – прощаясь, участковый по-уставному приложил ладонь к козырьку фуражки.

У следующего по нечётной стороне, семнадцатого дома подошли к другой группе, тоже нетрезвой. Эти были старше. По тому как сидели двое, – на корточках, по тому как они курили, Миха определил – судимые. Он включил фонарик, засветивший неожиданно ярко.

Четверо битых жизнью мужиков, две потасканные женщины. Увидев среди приближавшихся людей одного в форме, они сразу поняли – по их души.

– Старший участковый инспектор майор милиции Муравьёв.

Ваши документы, граждане.

– Натольич, какие документы ночью? – худой мужик, по виду туберкулёзник, разлепил тонкие фиолетовые губы, жутковато улыбнулся. Показал металлические фиксы. – Кореш откинулся. Отметили у меня маленько. Нельзя?

– Можно, Лёша, можно. Ты знаешь, я лишнего не спрошу.

Справочка у кореша в наличии?

– А как же? – «откинувшийся», угреватый и тощий, отлип от женщины. – Пожалуйста. Кому?

Маштаков, стоявший ближе других, взял у него из руки продолговатую бумажку голубого цвета, с фотографией. Справку об освобождении.

Сличил фото с оригиналом. Одно лицо. Только взгляд на фотке был затравленный, в себя, а сейчас – поддатый – парень благостно косил.

За что судим? О, серьёзно, статья сто сорок шестая часть вторая УК РСФСР. Квалифицированный разбой. Срок девять лет. Начало срока... Окончание... Условно-досрочно вышел.

– Сколько оставил? – у Михи не было желания производить в уме арифметические операции.

– Год и два месяца.

– Не забывай о них. Чуть чего, знаешь?!

– Знаю, начальник.

Фиксатый Лёха слетал домой за паспортом. У четверых документов не оказалось.

– Проедемте в отдел, граждане.

По показаниям потерпевших получалось, что их грабили молодые пацаны. Малолетки! Эти мужики были явно старше. Но судимые, гуляют по ночам в интересующем районе... Оперативный интерес они, безусловно, тоже представляли.

Лёха, помня о законах гостеприимства, искренне беспокоился.

– Я тоже поеду. Натольич, только давай сговоримся, чтоб не по беспределу. Мы завтра Серого провозать сбирались, на горьковский поезд... Мне в понедельник на работу первый день.

Давай без всяких там задержаний. Я вижу, у уголовного розыска интерес. Давайте по-людски.

Маштаков глянул на него с интересом, потом на Калёнова.

Не его человек? Рома смотрел зло, не отреагировал. По дороге в автобус он свернул в кусты.

– Отлить надо.

В начале первого добрались до УВД. Постовой с лязгом отодвинул металлическую загородку. Автоматически закрывающиеся ворота не работали с момента их установления. Судимых и их подруг оставили внизу у дежурной части. Молодежь растащили по трём кабинетам.

Калёнову Миха сказал, чтобы тот девчонками занимался.

Парня в белых лампасах, который до сих пор растирал вывернутую руку, забрал участковый. К себе Маштаков поднял того, что носил бейсболку задом наперёд.

Парень развалился на стуле, закинул ногу на ногу, чуть не на стол взгромоздил.

– Сядь нормально, шпан! – Рязанцев обидным ударом по затылку сшиб с него фуражку. – Головной убор съими!

Доставленный сел прилично. Миха положил перед собой бланк объяснения.

– Имя, фамилия, отчество?

– Ну Помыкалов Дмитрий Сергеевич.

– Давай, Дима, без «ну». Ты – не в конюшне, я – не запряжённый! Год рождения? Место жительства?

Помыкалов называл. Выходило, что он совершеннолетний, восемнадцать исполнилось в марте. Жил в малосемейке с матерью. После окончания «тэухи» не работал, потому что осенью собирался в армию. Имел условную судимость за хулиганку, правда, погашенную.

Разговор не давал результатов.

– Всегда здесь гуляем... а чё такого? Нельзя что ли? Не слышал я ни про какие грабежи... На фиг мне всё это сдалось. Ну с Мерином гуляем, с Надей Назаровой, Олей Климовой, с Рындюхой... Кто убежал? Не знаю, он первый раз к нам прибился...

Макс сказал его зовут. Да правду я говорю... Нечего мне думать...

Сидевший на углу стола Андрейка Рязанцев, оказывается, давно отчаянно семафорил Маштакову глазами на Помыкалова.

Чего такое? Миха протёр глаза. Как ни крепился, а в сон всё равно вело. Присмотрелся и ничего не понял.

Тогда Рязанцев на клочке бумаги начирикал, передал ему.

«Ботинки похожие с последнего грабежа», – презируя знаки препинания, написал Андрейка.

А ведь точно! Чёрного цвета, на шнурках, а подошва – серая, литая. Молодец, Андрейка. Вот они – молодые мозги. Это ещё, конечно, ничего не значит. Ботинки это ж не штучная работа. Ширпотреб. У меня вот тоже похожие, только без шнурков.

– Ну чего, Дмитрий, послушал я твои басни и вижу, что ты не искренен, – Миха закурил, хоть и не хотел. – Посидишь «по-мелкому»... суточек пять... Поду-умаешь...

– За что по-мелкому? Я ничего не сделал!

– Как ничего? Распитие спиртного в общественных местах.

Раз! Нецензурная брань там же. Два! Неповиновение законным требованиям сотрудникам милиции. Мало? Пиши, Андрей, рапорт, как оно всё было на самом деле...

Маштаков по внутреннему телефону позвонил дежурному, спросил, есть ли свободный участковый, чтобы протокол на хулигана составить. В принципе он и сам это мог сделать, хотя розыску и не шла в зачёт административная практика. Но всё должно выглядеть естественно. Протокол, составленный оперативником, мог породить у судьи ненужные сомнения.

Остальные в этой компании оказались несовершеннолетними, поместить их в спецприёмник для отработки законной возможности не было. У одной из девчонок объявились родители, мать позвонила в дежурную часть. Возмушалась действиями милиции, грозила жалобой прокурору.

– Да хоть президенту жалуйтесь, – невозмутимо отвечал по телефону дежурный Медведев, красивый русский майор. – По ночам дети должны дома сидеть, а не самогонку пить в детских садиках по верандам. Приезжайте, забирайте вашу дочку. Нет, обратно привозить мы её не обязаны. Как на чём? Такси берите...

– Инспектора ОППН⁴³ у тебя нет? – спросил Миха.

– До двенадцати дежурила, отпустил я её.

– По уму освидетельствовать бы малолеток у нарколога. Тогда, это самое, у родителей административная ответственность будет. За невыполнение обязанностей по воспитанию. Вам такие «палки» не нужны, не интересны?

– Нам всякие «палки» интересны, Михаил Николаевич, если время есть. У вас там участковый освободелся? Не Муравьёв, а тот, которого я тебе отрядил? Сейчас он и займётся.

Маштаков завёл к себе фиксатого Лёху. Разрешил курить.

– Я вас знаю, вы раньше в прокуратуре работали, – сказал Лёха.

– Было такое.

– По моему брательнику дело вели. По убийству.

– Фамилия такая же? Филатов? В каком году?

– Не, мы сводные с ним. Он – Мешалкин. Год девяносто второй, что ли... По пьянке он соседа зарезал...

Миха помнил смутно. Это было одно из последних дел, расследованных им перед повышением в замы. Ничем оно не запомнилось, банальная бытовуха.

– Вы тогда по-человечески к нему отнеслись. Свиданку дали с матерью. Когда он сидел, она умерла, – Лёха скрипнул фиксами.

– Где он сейчас, брательник? – спросил Маштаков, проявляя видимый интерес.

Разговор не должен был затухнуть.

– Сиди-ит снова. За цветмет.

– Ты сам давно на воле?

– Пятый месяц. Тоже по УДО⁴⁴ вышел. Отпустите нас, гражданин начальник... а то я в блудную попадаю. Пригласил парня, а его замели... Он не из последних по нашим меркам. Мы к этим грабёжам никаким боком. Я в долгу не останусь.

Миха внимательно посмотрел на него. Фиксатый выдержал взгляд, только глаза сузил.

– Ты где сидел?

– Последний раз в Терентьево, на «шестёрке». У Кафтанова Иван Иваныча за меня можете спросить.

Проработавший почти пятнадцать лет начальником оперчасти в учреждении ОТ-1\6 Кафтанов был личностью легендарной.

Теперь всё стало на свои места.

– Запиши телефон, – Маштаков подвинул листок бумаги, карандаш.

– Говорите, я запомню.

Времени было два часа, когда управились. Бумаги – объяснения, справки – собрал Рязанцев.

– Водила нас развезёт? Не уехал? – забеспокоился Миха.

На Эстакаду ему предстояло добираться всех дальше.

– Что ты? Он на всю ночную смену с нами. Ждём-от! – успокоил участковый Муравьёв.

Хотя никого рядом не было, весь длинный коридор – пустой, ночь глухая на дворе, он потянулся к михиному уху.

---

⁴³ ОППН – отдел по предупреждению преступлений среди несовершеннолетних.

⁴⁴ УДО – условно-досрочное освобождение.

– Пойдём, Николаич, по соточке? За удачный рейд? Качественно как порейдовали. Пойдёт теперь волна по микрорайону. Моя милиция меня бережёт!

– Да я это... да мне это... – Маштаков заёрзал.

Хотелось ему выпить, стресс с побегом снять, растворить мысли о грядущих неприятностях, но боялся он. А вдруг понесёт?

– Пошли-пошли, Николаич. Не боись. Там одна бутылка.

Сальцо домашнее, супруга самолично солила, лучок, – участковый подталкивал Миху к лестнице.

– Ладно, только быстро давайте. Завтра – рабочий день.

– У всех, у всех, Николаич, завтра – рабочий день. Даже не завтра, сегодня!

В кабинете у Калёнова было накрыто. На расстеленной скатерти-самобранке – газете «Спорт-экспресс» – лежали толсто поструганные пластинки сала, две луковицы, тоже порезанные, соль в спичечном коробке, чёрный хлеб. Два стакашка стояли и кружка с отбитой ручкой. С видом фокусника Амаяка Акопяна участковый достал из угла бутылку без этикетки с прозрачным содержимым. Как только он отвинтил пробку, по кабинету расплылся духман сивухи.

– Гонишь, значит, Анатолич, потихоньку?

– Для себя, Рома, исключительно для себя. Попробуйте, мужики, лучше всякой водки. На калгановом корню. Ага. Тройной очистки. Через угольный фильтр пропускал!

Тары не хватило, пили в два захода, соблюдая принцип старшинства. Первыми за стаканы взялись Муравьёв, Миха и Калёнов.

– За удачный рейд, мужики! За взаимодействие!

Самогон был крепкий, даже Маштаков закашлялся.

– Сколько в нём градусов, Юр?

– Сколько градусов – не скажу, спиртометром не исследовал. На горячность вот испытания проводил. Горит синим пламенем.

Участковый степенно закусывал. Сало его тоже оказалось отменным, сочным, в меру острым. Михе в нём попалась долька чеснока.

Налили молодым.

– Давайте, хлопцы! За вас, за молодёжь! Трудно сейчас в милиции начинать. Не ломайтесь!

Парни выпили. Непривычный к крепкому стажёр проглотил с трудом, давился.

«Ничего, если в розыске работать хочет, пить научится», – благостно думал Маштаков.

Ему уже захорошело, он курил, пускал к потолку сиреневые зыбучие кольца.

В три часа ночи он отпирал входную дверь, стараясь не шуметь. Чай пить не стал, умылся, разделся и прокрался в кровать, нагретую женой. Потревоженная Таня зачмокала во сне губами, стала переворачиваться на другой бок. Миха прижался к ней сзади. Привычно скользнул рукой по гладкому бедру, сосбаривая, приподнимая край ночнушки. Достигнул соединения ног, шелковистых волос... Жена завозилась, перехватила его кисть, отняла с заветного места. – Не хочу! Отстань!

9

Остаток ночи до семи утра виделись Михе вокзалы, полустанки, составы железнодорожные, извилистая колея, грохот колёс. Он ехал почему-то из Ростова. Запала в голову вывеска на вокзале «Ростов-товарная»... Отстал от поезда без денег, без документов...

Проснувшись, он отыскал на журнальном столе в ворохе газет «Сонник эпохи водолея». Жена в последнее время стала большой любительницей подобной ерунды. По соннику вышло, что ему предстояло выгодное путешествие.

«Вот ересь! Путешествие ещё может быть. Пошлют в командировку или арестованного этапировать. Но выгодным оно всяко не будет».

Девчонки ещё спали, Маштаков ходил на цыпочках. Времени у него было в обрез, и он решил сэкономить на бритве. На кухне жена пекла блины, стоял чад, трещало подсолнечное масло на сковородке.

– Ты бы хоть форточку открыла! Не продохнёшь! – Миха демонстративно зажал нос.

Позавтракав первыми блинами, тяжёлыми, насквозь пропитанными маслом, теми, которые комом, Миха оделся и побежал. Он, конечно, ничего не перепутал и не забыл, что Птицын разрешил рейдовавшим подойти попозже, к десяти часам.

Надо ему было с утра поймать одного Петра!

По дороге на Малеевку оперативник рассуждал, что вот, оказывается, может он пить культурно. Выпил вчера сто граммчиков и в люлю. Спал хоть и немного, но хорошо, и с утра голова почти светлая.

– Опа! – перепрыгнул через подвернувшуюся лужу.

Дверь в нужную ему квартиру была закрыта. Звонок, понятное дело, не работал, и Маштаков все кулаки оббил, пока не услышал внутри шаркающие стариковские шаги. Лязгнуло несколько замков, дверь отворилась.

– О, Николаич! – обрадовался хозяин.

Долговязый, испитой, беззубый, он радушно распахнул дверь настежь. На впалой груди у него синел наколотый крест, на левом плече – витой эсэсовский погон.

– Сколько щас времени, Николаич? Утро щас иль вечер? – хозяин подсмыкнул мятые семейные трусы.

– Утро, Витя, погожее сентябрьское утро. Молодое бабье лето на дворе.

Миха закрыл за собой дверь, направился в кухню.

– Николаич, да ты в залу проходи! На кухне у меня бардак! – кричал из угловой комнатки хозяин.

Он прыгал на одной ноге, попадая в штанину.

– Одеваться-то как, Николаич, по рабочему, что ль?

Маштаков примерялся в «зале» где присесть, чтобы не испачкаться. С запущенной обстановкой в стиле семидесятых, с репродукциями из журнала «Огонёк» на стенах дисгармонировал импортный телевизор «Филипс».

– Ух ты! – Миха взял пульт дистанционного управления, щёлкнул, по первой программе шёл чёрно-белый довоенный фильм с Любовью Орловой. – Откуда дровишки, Витя? Хату подломил?

– Николаич, ты меня знаешь, – Витя высунул голову из спальни. – Я твёрдо встал на путь исправления!

Пластмассовой гребёнкой, такой же беззубой, как и сам, перед зеркальцем расчёсывал он свалявшиеся патлы.

– Аркашка с четвертого подъезда на той неделе за пятьсот рублей продал. Голимый алкоголь! Как считаешь, Николаич, выгодно я сторговал?

- Выгодно, – кивнул Маштаков. – Откуда у тебя пятьсот дукатов, трезвенник?
- Валька пенсию получила, – в Витином голосе явственно читалась незаслуженная обида.
- Ладно, ладно, не плачь. Где Валюха? Дрыхнет ещё?
- Да нет, Николаич, мы поругались, она к матери ушла. Всё на нервах... Ну я тут и забухал

через это дело...

– Помиритесь, – Миха наконец решился присесть на край дивана, отодвинул ногой переполненную бычками майонезную банку. Хозяин нёс с кухни бутылку, в которой плескалось на четверть, два мутных стакана и сосиску в целлулоиде. – Миш, я похмелюсь с твоего благословения. Поддержишь? – А я тебе пивка взял, подлечить, – Маштаков вынул из внутреннего кармана ветровки купленную по дороге бутылку «Янтарного». – Не, я самогонку не буду. Пива тогда. Ключом он скovyрнул пробку, долго выбирал, куда её определить, осторожно положил на изгрызенный подлокотник дивана. Витёк набуровил себе полстакана, чокнулся, вылил в беззубый рот. Миха смотрел на него, содрогался. – Сосиску хочешь? Молочная, – хозяин сдирал с розового морщенного цилиндрика целлофановую облатку. – Ну как хочешь. Опер сделал пару крупных глотков, поставил бутылку на пол, закурил. – Поработать надо, Витя, по камере. – За доброе слово или за сребреники? – За деньги, Витя, за настоящие деньги. Подбросили по «девятке», рассчитаемся на сей раз чин по чину. – ИВС или спецприёмник? – Витя вылил в стакан остатки самогона. – Спецприёмник, на пять суток рассчитывай. – Это хуже... Клопы там, я те скажу, Николаич, во какие! Мутанты! С советские три копейки! Вы бы там хоть эту, как её... дезинфекцию, что ли, провели! СЭС бы вызвали. Кого работаем? – Да пацан один, восемнадцать лет. По уличным грабёжам проходит. С Восточки. – С Восточки? Как фамилия фигуранта? Витя отправил в нутро содержимое стакана. Сложил губы, вытянул вперёд, как гуттаперчевые; подняв, забавно прижал их к носу. – Хорош-шо! Побежала силушка по жилушкам! – Помыкалов Димка. – Ух ты! Часом, не Серёги Помыкалова, покойника, сынишка? – Сергеич ему отчество. Живёт с матерью.

– Значит, Серёгин. Мы с Серёгой по малолетке в одном отряде трубили. Судимый?

– Судимый, но не сидел, – Маштаков ещё несколько раз отхлебнул из бутылки «Янтарного».

В голове у него поулеглось. А то с утра как проснулся, долбило: «Фадеев! Фадеев! Побег! Уволят!»

– Он без вывода будет сидеть? – агент привычно примеривался к предстоящей задаче.

– Как и ты, в третьей камере.

– На курево, на чай, Николаич, займёшь до получки? Я тебе ключи дам, ты телевизор к себе в кабинет отвези. Как бы Валька его не пропила.

– Базару нет. После обеда смогаюсь на дежурке.

Витёк собирался недолго. На все три замка закрыв входную дверь, латаную-перелатаную, в фанерных заплатках, он вдруг взглянул на Маштакова трезво.

– Николаич, у меня ещё к тебе будет серьёзная просьба. Можно сказать, последняя. Выполнишь?

Миха посмотрел удивленно: «Что за дела?»

– Ну?

– Нет, ты забожись, что выполнишь.

– Век на лодке не кататься, – Маштаков ногтем большого пальца поддел передний верхний зуб, щёлкнул, быстро провёл им поперёк горла.

– Николаич, – голос Витёка почти звенел прорывающейся горькой слезой, – ты, когда баб ко мне на хату водить будешь, ты моего супружеского ложа, я умоляю тебя, не оскверняй! Оттоманкой⁴⁵ воспользуйся!

⁴⁵ Оттоманка – широкий и низкий мягкий диван без спинки (устар.)

– Клоун! – Миха ладонью крепко хлопнул его по спине.

Витёк хохотал, сотрясаясь тощим телом.

– Как я тебя! Уел! Николаич! Ха-ха!

– Ну ладно, артист-пародист, – Маштаков сам сдерживался, чтобы не засмеяться, подколол его агент действительно изящно. – Я на троллейбусе поеду, а ты давай через полчаса подгребай. На воротах скажешь, что ко мне. Я предупрежу.

В кабинете Миха первым делом открыл форточку, она повисла на верхней петле. После вечера и ночи следовало проветрить, кабинет был прокурен насквозь. Вытряхнул в корзину обе пепельницы, настоящую и запасную, приспособленную из жестяной баночки из-под оливок. Это Тит из себя аристократа строил, когда за отпуск проставлялся. Впаривал коллегам, как хорошо оливками этими заедать водку, медицинский спиртовой дух, дескать, они махом поглощают. «Абсорбируют!» – многозначительно вздымал вверх палец Лёшка. Миха попробовал оливки, трава травяная.

Потом он отомкнул сейф и нашёл там картонную папочку с завязками. Достал оттуда наполовину исписанный листок.

Листок назывался «заявление». В нём гражданка Кравцова Ирина Всеволодовна просила начальника милиции привлечь к установленной законом ответственности незнакомого ей гражданина, на вид лет пятидесяти, не имеющего нескольких зубов в верхней челюсти, который сегодня в утреннее время на проспекте Ленина в городе Остроге приставал к ней, обзывал грубой нецензурной бранью, пытался схватить за интимные места.

Такие заявления у Маштакова имелись в ассортименте.

Он подобрал ручку с чёрной пастой и, подгадывая наклон, поставил внизу листа дату «3 сентября 1999 года».

Теперь следовало составить протокол на правонарушителя, посягнувшего на гр-ку Кравцову. На некоего Сидельникова В. И., 1956 г.р.

До пятидесяти лет, которые намерила с Михиных слов никогда не видевшая Сидельникова Ира, Витьку было ещё долго.

С утра заступила смена Андреича. Миха побежал вниз, в дежурку.

– Надо протокольчик на одного хулигана составить, Андрей Андреич, я не могу, ты понимаешь. Вот заява, сам он сейчас подкатит. Только пооперативней бы, Андреич, надо успеть до того, как судья придёт «мелких»⁴⁶ рассматривать. Кто, кстати, сегодня из судей дежурит?

– Сейчас посмотрим, Миш, сейчас посмотрим, дорогой... Ну лежали же все списки, все графики в папке под рукой... где они, гадство?! А-а-а, вот... какое сегодня? Третье уже? Вот, судья Глазов. Он звонил, Миш, звонил... к десяти обещал приехать.

– Полчаса ещё есть. Как обстановка, Андреич?

– Тьфу-тьфу-тьфу, Миш... Пока ты не пришёл, спокойно было... Подвал, семейная... мелочёвка пока. Сейчас помощник оформит твоего Сидельникова в два счёта. Маштаков пошёл на КПП, встречать своего человека. Что-то он задерживался. Не добавил бы по дороге, а то в спецприёмник не примут, поедет через вытрезвитель, а это новые проблемы, новые люди, время... Миха закурил с часовым и задумался. Интересно, а как в цивилизованных странах агентуру подводят к объекту разработки, если тот сидит? Неужели тоже обставляются сами, доморощенно, индивидуальную смекалку проявляют? Агент может появиться в камере только на основании тех же документов, что и подозреваемый. В данном случае – нужно постановление судьи об административном аресте, а к нему необходим соответствующий материал. Витёк был согласен с задержанием, шёл на это сознательно, детали его не интересовали. Однозначно, что свободы он лишился законно. Но элементы фальсификации всё равно оставались. Судья, в частности, использовался в «тёмную», он уверен был, что карает мелкого хулигана, реально

---

⁴⁶ «Мелкие» – лица, привлечённые к административной ответственности (проф. сленг).

совершившего правонарушение. Какой выход? Дать оперативникам право помещать своих людей по каким-нибудь внутренним бумагам? Но так они спалются в момент. Те же дежурные милиционеры не по злему умыслу, а от небольшого ума спалят. Не-ет, без документов прикрытия, притом убедительных, нельзя. Из-за угла вывернулась долговязая фигура гражданина Сидельникова. Судя по тому, что он был экипирован в телогрейку, он куда-то заскочил в пути следования. – К тётке зашёл, телагу взял, – шепнул Витёк на ухо оперу. – А то все бока на голых досках отлежишь. – Проходите за мной, гражданин, – строго сказал Маштаков. С судьей ему сегодня повезло. Стас Глазов не был его приятелем, хотя четыре года они проучились в университете в одной группе и около года вместе в прокуратуре отработали. Но он не откажет. Не пошлёт, как многие другие, возомнившие себя небожителями. Ровно в десять с улицы Ворошилова вывернула красная «девятка» федерального судьи Глазова. Скромный Стас не стал заезжать на территорию двора УВД, куда въезд всему транспорту, кроме служебного, был воспрещён. Запрет пробуждал у большинства судейских и прокурорских работников, имевших авто, острое желание заехать внутрь, под знак. Дабы продемонстрировать свою исключительность. Стас припарковался на стоянке у КПП.

– Здорово, Мишк! – обрадовался он Маштакову. – Ты чего по выходным работаешь?

– Начальство заставляет...

Рукопожатье у спортсменистого Глазова было жёсткое. Мишу всегда поражала его наивность. Кто ещё, много лет плотно взаимодействуя с милицией, будет изумляться, что менты, оказывается, работают по выходным и праздникам? Причём, в отличие от судей, безвозмездно.

Станислав же свет Владиславович подсчитает свои дежурства (а за год их поболее десятка наберётся) и перед отпуском предъявит председателю суда. Тот ему эти десять суточек к отпуску пристегнёт. Гуляй, не хочу.

– Стас, тут такое дело.

Маштаков объяснил суть проблемы. Что Помыкалов подозревается по нескольким уличным грабёжам, девяносто процентов это он (надо было вселить в судью уверенность того, что его решение будет справедливым), но по «сотке» задержать его пока нельзя, прямых доказательств не достаточно, надо его подработать. Парень он дерзкий, ранее судимый, ночью кидался на милиционеров, чуть не с ножом. Материал на него хороший.

Много не надо, пяти суток хватит.

– Пять суток? – с сомнением дёрнул подбородком Глазов.

Он слыл в городском суде либералом.

– И ещё один есть, тоже судимый, нигде не работает, пьянь, – махнул рукой Миха, – Сидельников его фамилия. К женщине одной нормальной пристал на улице. Напугал. Ему бы тоже суточек пять впендюрить для профилактики. Он согласен.

– Ну сейчас посмотрим, Миш.

Стас направился в сторону спецприёмника. Маштаков хотел было с ним сходить, но потом передумал. Ни к чему стоять над душой. Судьи, они щепетильные очень, капризные, сделает ещё наоборот.

Тут Миха спохватился: «Эх, чёрт, надо же в десять было Птицыну доложить о результатах рейда!»

Через ступеньку помчался он вверх по лестнице.

– Опаздываешь, – не преминул упрекнуть его замначальника КМ.

– С семи утра на ногах, товарищ подполковник. Камеру заряжал, – объяснил Маштаков.

В кабинете находился ещё начальник розыска Борзов, за приставным столиком сидел. Миха тоже присел, рассказал всё по порядку.

– Надо ботинки изъять срочно, – подпрыгнул на стуле Борзов. – И потерпевшему предъявить для опознания.

– Сейчас со следователем решим. К потерпевшему придётся в больницу ехать, он в нейротравме ещё. Вчера, по крайней мере, был. Машина понадобится, Вадим Львович.

– Какие проблемы? Мою возьмёте, – сказал Птицын.

– Сразу допросим Помыкалова по ботинкам. Когда купил, где. Пошлю сегодня же Рязанцева к его матери, пусть её допросит, в том числе и по ботинкам. Интересная группа!

– Дай-то бог! – Замнач КМ дробно застучал пальцами по столу. – Источник нормальный под ним?

– Известный вам... – Миха назвал фамилию.

Птицын поморщился:

– Больно они разные по возрасту. Что их сблизит? Парень может не пойти на контакт.

– Источник хорошо знал покойного отца Помыкалова, они сидели вместе. По-моему, нормальный повод для знакомства.

– Посмотрим. Работайте.

Вадим Львович быстро зыркнул налево на Маштакова, потом так же быстро перевёл взгляд на начальника розыска. Пошевелил ноздрями.

– Не пойму, от которого из вас наносит?

Миха чувствовал, что жарко краснеет.

«Проклятое пиво. Выпил на пять копеек кружку светлого, а запаху – на всю округу».

– На день рождения к другу вчера ходил, – покаялся Борзов. – С прошлого года не виделись.

– Ты сегодня ответственный от руководства, Александр Александрович, не забывай, – строго сказал Птицын. – Никаких мне оперативных замыслов насчёт того чтоб захмелиться!

Маштаков отправился на поиски следователя Озерова, в производстве которого находился последний грабёж на «Восточке», где потерпевшим проходил кровельщик Федорчук. Оказалось, что Озеров сегодня дежурил в опергруппе первым составом и как раз собирался на выезд. Муж с женой, пенсионеры, пришли в слезах, заявили кражу из подвала. Картошку у них украли и все заготовки – солёности, варенье.

Озеров вылез из-под стола с коробкой, в которой лежали чистые бланки процессуальных документов. Лицо у следователя было красное, глаза налитые, к кончику носа пристала паутина.

– Последняя нычка, – объявил он Михе, водружая коробку на стол.

Пришлось Маштакову, как нечаянному свидетелю его богатства, за молчание отжалеть понемножку разных протоколов.

Осмотров, допросов свидетелей, выемок и обысков. Тех, в которых нуждались оперативники, отдельные поручения следствия выполняя.

Миха поведал, какие существенные подвижки произошли по грабежу Федорчука.

– Флаг вам в руки! – заявил Озеров. – Изымай у этого... как ты говоришь?..

– Помыкалова.

– Во, у Помыкалова этого изымай ботинки, постановление о выемке я сделаю, как с кражи вернусь. За остальное потом помаркитаним.

– Может, сразу сделаешь постановление? Одна минута же.

– Умный какой! Чтоб меня Андреич убил?! Меня одного ждут. Ну давай, давай выходи, законник...

Над столом у следователя Озерова висел плакат: «Отсутствие у вас судимости это не ваша заслуга, а наша недоработка!»

Часа два как минимум займёт у опергруппы документирование рядовой кражи. Осмотр места происшествия, поквартирный обход, отработка ближайших притонов. А если преступление на раскрытие пойдёт, то дольше гораздо – до вечера следак провозится.

В коридоре Маштаков столкнулся с корреспонденткой «Уездного обозрения» Вероникой Голянкиной. Вечно в дело и не в дело улыбающаяся, искренне воображающая себя секс-символом, худая, остроносая Голянкина вела в газете криминальную линию. Знала Маштакова ещё с прокуратуры.

– Михаил Николаевич, – обрадовано запищала она, – какие подробности вы можете сообщить для нашей газеты о побеге убийцы женщины на трассе?

– Никакие, – откровенно недружелюбно буркнул Миха.

– Почему так? По моей информации, вы принимали активное участие в раскрытии этого убийства.

Взгляд Голянкиной был деланно наивен. Накрашенный ротик ожидающе приоткрыт.

– Обратитесь в прокуратуру. Дело у них в производстве, – Маштаков продолжил движение по намеченному маршруту в свой кабинет.

Он точно знал, что в межрайонной прокуратуре с корреспонденткой «Обозрения» разговаривать не будут. Газетка за пять лет своего существования успела испортить отношения со всеми в городе. Делая себе имидж на конфликте, на псевдопринципиальности. Ставя на обывателя, любящего жареное. Миху воротило от того, что они мнили себя выше остальных. У них имелось две методы – ругать и вещать. Как директорам надлежит управлять заводами, как мэру рулить городом. Как ментам надо жуликов ловить, прокуратуре – дела расследовать и обвинение поддерживать, а судьям – судить.

И все-то у них воров поголовно...

В прежние времена (пока не раскусил) Маштаков по работе общался с Голянкиной, она ему откровенно глазки строила, но у него ума хватило не пойти на связь с шелкопёркой. Не в его вкусе она была, Миха не воспринимал женщин subtilных, гаврошистых. Разве только – в поддатом виде, когда планка требовательности у него падала, когда он становился всеядным. Но по пьянке, хвала бороде пророка, Голянкина ему не попала.

Не раз Маштаков беседовал с ней серьёзно, понять пытался.

Ноль по фазе. За копейку маму родную не пожалеют, пропишут!

Последний опус Вероникин посвящался дежурной части. Под заголовком – «Дежурные “глухари”». На целую страницу она расписывала как грубо, как бездушно работает дежурка, что делать там нечего, сидят сканворды разгадывают. В качестве примера приводила жалобу одной гражданки, может, сама и выдумала эту жалобу. А может, и нет. Маштаков никогда не идеализировал систему, во всех спорах соглашался, что органы у нас плохо работают, но других-то нет. Попробуй отработай сутки в дежурке! 24 часа! Крыша поедет! Без конца – заявки, обращения, телефоны не умолкают, всю дорогу со всех сторон сыплются вводные. Начальство достаёт, своё и областное. Постоянная нерешаемая головоломка про волка, козу и капусту. Или как на грош наменять пятаков... Как перекрыть все заявки? Выработавшие свой ресурс машины то и дело ломаются, бензина при нормальной работе только до обеда хватает. Постоянный стресс.

Сам Маштаков только за миллион согласился бы здесь работать.

В дежурке шкуру надо иметь слоנוвьёю и канаты вместо нервов.

Андреич тогда, прочитав статейку, раздухарился.

– Миш, чтоб эта манда кобыля в моё дежурство ещё раз зашла в УВД! Пинком под зад, аля улю гони гусей!

Больше всего ветерана возмутила картинка. На ней ушастый милиционер сидел со спущенными до колен штанами на толчке, а дядя в шляпе, заглянувший в туалет, возмущался: «Опять мусор в унитазе!».

– Я ей, кобыле, сделаю «мусора»!

Маштаков поддакивал подполковнику. Не стал сыпать ему соль на раны, говорить, что Вероника официальную аккредитацию в УВД имеет, лишить которой можно только через суд.

Кабинет их был открыт, в нём Рязанцев пытался привести в действие компьютер. На экране монитора высвечивалась тусклая табличка с цифрами и надпись про какой-то «еггор».

Андрейка ругался.

– Николаич, ты у нас спецшколу закончил, прочитай, что тут написано.

Миха прищурился.

– Хрен поймёшь. Сбой какой-то произошёл. Эф-один надо нажать.

– Нажимал, там такая же абракадабра.

– Ладно, Андрюха, оставь в покое умную машину, пока совсем не сломал. Иди, подними Помыкалова, будем обувь изымать. Потом к мамке его сгоняешь, допросишь и ботинки ему на сменку привезешь. Да, будешь в спецприёмнике, глянь по журналу, в одной ли он камере с Сидельниковым неким?

– Когда ты успел, Николаич? – Андрейка оторвался от монитора.

– Учись, молодой, пока дядя Миша жив. Пока не сожрали его окончательно с потрохами.

Рязанцев ушёл, а Маштаков открыл встроенный шкаф и в горе разного хлама стал подыскивать злодею какую-нибудь временную обувь. Не ходить же ему босиком... Голимое нарушение конституционных прав! Запало Михе в голову, что видел он в шкафу шлёпанцы без задников, какие в больнице посетителям выдают.

Глухо забрунжал телефон. Маштаков поднял трубку.

– Привет, Николаич? Трудисься? – на проводе был Саша Кораблёв. – Как делиши?

– У нас какие дела, Сань? Все дела у вас в прокуратуре, – Миха рад был потрепаться с приятелем.

– Когда по изнасилованию Гудковой будем работать, Миш?

Через неделю срок по делу, а в деле – хоть шаром покати.

– Давай выберем день. Тебе как, Сань, реально кого-то надо отработать или...?

В мембране было слышно, как Кораблёв щёлкнул зажигалкой, прикуривая.

– Да там глухо, как в танке. Давай хоть буханку набьём. В области выдерут за такое дело.

– Нет проблем, – Маштаков улыбнулся, последнее время все менты говорили в таких случаях «нет проблем», кино американского насмотрелись.

– Сам как, Николаич?

– На букву «хэ», Сань... Слышал про косяк с побегом?

– А ты тут каким боком? Это ж мрошники прощёлкали?

– Потом расскажу, не по телефону, – Михе не хотелось беречь поджившее, за работой забылся вроде.

– Ла-адно. Николаич, ты пиво-то пьёшь, я запомнил? Давай попьём сегодня пивка. Голова болит. Рыбки возьмём.

– Заманчивое предложение, Сань, – Маштаков чувствовал, что вот-вот поведётся, но из последних сил упирался. – Дел дома много.

– Дома? – деланно изумился Кораблёв. – Тебя домой ещё пускают?

– А тебе всё хиханьки...

В кабинет входили смурной Помыкалов с заложенными за спину руками и энергичный Андрейка Рязанцев, щёлкавший браслетами наручников.

– Сань, тут люди подошли, я перезвоню. Ты на работе будешь? Давай! – Миха положил трубку, отодвинул аппарат.

Повернувшись к задержанному, внимательно посмотрел ему в лицо. С Помыкалова за ночь спесь поспала. Во-первых, он протрезвел и смотрел теперь на вещи реально. Во-вторых, менты доказали ему свои возможности.

– Ну что, орёл, понял, что я слов на ветер не бросаю? Сколько тебе дали? Пять?

– Трое суток, – угрюмо ответил Помыкалов.

– Трое? – переспросил Маштаков и почесал в затылке.

Сторонник компромиссов Стас Глазов прислушался к пожеланиям опера, но принципы свои судейские соблюл. И на том спасибо огромное, Станислав Владиславович! Поклон земной!

«Это когда ж у него срок истекает? Вчера задержали, в камеру посадили нынче ночью, в два что ли... Во вторник, в два ночи истекает. Сегодня, завтра, понедельник. Один рабочий день получается и тот понедельник. А в понедельник – дела не делаются. Придётся подналечь в выходные».

– Ну пять и три – разница не принципиальная, – Миха закурил, не предлагая задержанному. – Тепло в камере?

– Хо-олодно...

– А ты как думал? Просто так можно Хоттабыча на хрен посылать? Дим, у нас тут с коллегой вопрос к тебе возник.

Рязанцев сверлил Помыкалова взглядом.

– Какой ещё вопрос?

– Где ты, Дима, приобрёл колёса такие клёвые? Шузы!

Помыкалов, флегматичный от природы, отреагировал вяло.

Но реакция прошла, плеснулась в глазах.

– Чего у тебя ручонки-то затряслись, Дмитрий? – Рязанцев наклонился, сильно схватил Помыкалова за кисть.

– Ничего не и затряслись, – парень пытался высвободить руку.

Маштаков приблизился с другой стороны. Злобный, со сжатыми в щели глазами, с губой подкушенной.

– Быстро снимай ботинки! Ставь на стол! Откуда они у тебя?! Где взял?!

– Купил на рынке, – Помыкалов приходил в себя, обретал уверенность. – Два месяца назад. Ой, больно!

– За сколько? – Рязанцев ещё чуть-чуть вывернул ему кисть.

– Не помню. За шестьсот, что ли. Больно, говорю...

– Отпусти, Андрей, – Маштаков решил, что для первой беседы достаточно.

Колоть Помыкалова было пока не на чем, и парень это понимал, парень неглупый, наследственность у него по части криминологии хорошая. А накинуть ему надо по полной программе.

– Так вот, Дмитрий Сергеевич! – будничным тоном сообщил Миха. – Колёса эти – с преступления. Конкретно, с грабежа на улице Восточной. Слышал про такую улицу? А-а, так ты живёшь там... ну-ну... Где ты был в ночь на первое сентября? Вспоминай, память у тебя молодая, это недавно было...

Помыкалов молчал, по щеке у него ползла слеза, губы дрожали.

Маштаков снова закурил, внушая себе: «Ты чего, Мишка, такие же вот гоблины поза-вчера тебе чуть в троллейбусе голову не раскололи за невинное замечание. Это он, он работягу нашего грабанул. В нейротравму отправил! Ишь, глазёнки забегали. А если не он, так ему полезно будет. Запомнит, что на всякую силу есть другая, которая до слёз довести может. Урод!»

10

Впечатляющую картину праздничного стола завершила бутылка настоящего «мартини», водружённая Ирккой в самый центр.

Сделав шаг назад, она придирчиво осмотрела результат своих стараний. Вроде ничего не забыла. Холодные закуски – балычок, масляная рыбка, ветчина, сырокопчёная колбаска, французский сыр в дырках. Вошедшая в моду острая корейская морковка, маслины, солёные чёрные грузди, правда, не свойские, а покупные, импортные. В духовке доходил цыплёнок, на противне готов был сложный гарнир, – отварной картофель (в прошлый раз Миша жаловался, что от жареного и от фри у него поджелудочная болеет), тушёная капуста. В холодильнике под морозилкой настывала литровая бутылка «Гжелки». Пару банок пива (поправить милому дружку с утра здоровье) она спрятала во встроенном шкафу под подоконником. Зеленоватые витые свечи в канделябре, салфеточки... Вспомнит ли Миша, что за день сегодня? Наверяд ли... А ведь семь лет назад, подумать страшно – семь! – они познакомились. Совершенно случайно. Она тогда ещё первый раз замужем была, за Кирюшкой, который уже с катушек съехал капитально, каждый день приползал на бровях, на работе держался на сопливой ниточке, и вдобавок руку стал на неё поднимать. Ужас! К столбу фонарному ревновал. После очередной такой ссоры Ира с подружкой лучшей, со Светиком, с которой тогда дела коммерческие крутили, в Польшу катались, шмотками торговали, намылились в кафе. Тоску девичью развеять. Сидели они в «Ладе», тогда там ещё прилично было, только после капитального ремонта. Это сейчас в «Ладе» – гадюшник. Выпили девушки бутылочку водочки, покушали, поплясали, жизнь на поправку пошла. Миша ей сначала категорически не понравился. Они тогда отдыхали в том же заведении с приятелем Сашей Веткиным, который до сих пор в прокуратуре работает, а ведь тоже выпивает, только нос куда не надо не сует и язык на привязи держит, не в пример Мишке. Пришли в кафуху они заметно датые, догоняться пришли. Долго по меню ползали, а заказали скромно. Светик, высматривавшая по залу свободных мужиков, локтём её, помнится, тронула, а она, Ирка, губу оттопырила: «Вахлаки». Миша был в джемпере под горло (в кофте, как он всегда говорит) и в широких брюках, друг его – в клетчатом пиджаке, в джинсах. Ира подумала, это какие-нибудь захудалые инженеры с механического завода. Она ни разу до этого не видела живых прокурорских работников. Мужики заметили, что Светик на них косилась. Миша с сигаретой подкатил с понтом прикурить, хотя до этого своими спичками пользовался. – Вы позволите?

– Пожалуйста, – Ира с полным безразличием переложила на край стола одноразовую зажигалку.

Ей подумалось ещё: «Очень оригинальный способ знакомиться. Что дальше? Мы с вами где-то, девушка, виделись, скажет?»

– Девчонки, можно вас за наш столик пригласить? – спросил Миха.

– Это ещё зачем? – стрельнула глазками Светик.

Левую сторону лица, которую Миша не видел, она состроила в гримаску. Выщипанную бровь вопросительно вскинула, обращаясь к Ирке.

– Вы, я вижу, скучаете. Мы, честно говоря, тоже.

Миша улыбался. Хорошо так улыбался, естественно. У него оказался приятный грудной голос, богатый обертонами. Ира автоматически примерилась к нему. Не слишком маленький? Вряд ли, выше ста семидесяти пяти.

Миша, дожидаясь решения, покуривал. Его качнуло, – как он ни скрывал, а опьянел уже изрядно.

Светик, которая и тогда решающий голос имела, недаром сейчас она хозяйка, а Ира – работница наёмная, продавщица – предложила вдруг:

– Давайте вы к нам. У нас место лучше, не на ходу.

– Вопросов нет, девчонки.

Познакомились, выпили, станцевали пару медляков, лёд тронулся. Разговоры шли банальные, ознакомительные, про погоду, про кухню ресторанный. В танце Миша вёл себя деликатно, не лапал, но и на пионерское расстояние не отдалялся. Как по клавишам пробежался пальцами по застёжкам лифчика и ещё неожиданно, в такт музыке, в повороте сделал шаг вперёд, выставив колено, которое вошло между её ногами, на мгновение низа живота коснулось. Ира глаза вскинула. Лицо партнёра оставалось естественным.

Парни ввали, дескать, коммерсанты они. Как будто Ира со Светиком только сейчас из яйца вылупились.

Пошли провожаться. Хорошо провожались, с песнями, пива по дороге зацепили. В подъезде Иркином у батареи принялись целоваться. Ира помнит, как она словно очумела через десять минут яростного петтинга. Трусики со свёрнутыми колготками у неё уже на щиколотках мотались, стреноживая, а требовательная рука Мишкина исследовала её естество. Накрыло с головой бабу!

Но тогда в подъезде она не дала, она не шлюха ресторанный, которую в первый вечер трахнуть можно. Миша отвалил взвинченный, завёлся он до предела. Понятное дело, мужик, да ещё хорошо на грудь принявший. Перед расставаньем обменялись телефонами.

Потом за делами коммерческими и семейными проблемами она запомнила про новое знакомство. Но позвонила ему первой. На работу, конечно. Миша обрадовался, предложил встретиться. На вопрос, почему сам не удосужился звякнуть, отговорился занятостью.

Встретились вечерком, в кафе посидели, пили только сухое. Миша в тот раз очень аккуратно выпивал. Был он другой – в новом костюме, при галстук, красивый, как артист Збруев.

Неожиданно для себя Ира разоткровенничалась, принялась на жизнь жаловаться. В курилке, пройму платья спустив, продемонстрировала цветные кровоподтёки на плечах, у основания груди. Миша тогда ничего не сказал, только по руке гладил. Когда провожал, Ира с надеждой готовилась, что пристанет. В паху у неё жало, но он только поцеловал целомудренно.

На следующий день за Кирюшкой участковый пришёл. По их микрорайону участковый, Муравьёв. Обычно не дождёшься его неделю, а тут сам прискакал. Увёл с собой Кирюшку – и с концами. К вечеру она запсиховала, муж всё-таки, ребёнку – родной отец. В милицию стала названивать. Там сказали, что дали гражданину Кравцову пятнадцать суток за мелкое хулиганство.

Она не поняла сразу, что это Мишиных рук дело. Смутные соображенья возникли, правда. Вчера синяки ему показывала, а на следующий день...

Пока Кирилл на сутках сидел, Миша звонил ей несколько раз домой, интересовался однообразно, как жизнь молодая. Услышав про мужа, удивился вроде. Сказал равнодушно: «Может, поумнеет».

Кирюша и вправду маленько, на месяц, что ли, притих. Почти не пил. Возвращался с работы, ужинал один и заваливался на диван, смотрел всё подряд по телику.

Ира отважилась, спросила его, за что забирали.

Кирюша надул щёки, молчал, потом всё-таки сказал:

– На убийство двух человек, мать, кололи. И в тот же вечер Светик позвонила. Ира уж спать ложилась, с мужем вместе, решив, что пожалеть его следует. Светик затараторила, что случайно разузнала, где работают их новые знакомые. – Догадайся с трёх раз! – Светик как всегда тащила от интриги. А у Ирки сил в игры играть не было. – Ну и где? – В прокуратуре! Светик трещала, кто и когда ей про это рассказал, Ира ей поддакивала машинально, а сама думала, что теперь открылась тайна, как муж её на «сутках» оказался. И помнится, такое тёплое чувство к Мише в груди разлилось. Вот ведь, чужой человек, никто, а её беду так близко к сердцу принял. И виду не подал, сделал и сделал. И не получил от этого для себя ничего.

Хотя запросто мог, например, в гости напроситься. Знал, что квартира свободная и Кирюшка неожиданно из ментуры не заявится. Светик попросила её, чтобы она через своего Мишу разузнала телефон его друга Александра. Теперь, когда пронюхала проныра Светик, где мужики работают, вахлаками они ей уже не казались. Позвонив на следующий день Мише на работу, Ира поинтересовалась, как прокуратура родная поживает. Он ответил просто: – А чего ей делается? Первый раз они встретились по-настоящему у Светика на квартире. Светик, хоть и подруга лучшая, но из торгашеских своих принципов бутылку шампанского содрала за хату. А-а-а, не жалко. Ире давно не было так хорошо. Миша оказался нежным, но неискушённым, он не ожидал от неё такого первобытного напора. Она тогда знала, что у него семья, ребёнок. Он обиделся на вырвавшуюся у неё фразу. – Зачем ты так рано женился? Ира опустошённая лежала в смятой постели. Простыни – она, разумеется, своё постельное принесла – были перекручены в жгуты. Хотелось пить и хотелось ещё. Миша курил, она потянула его.

– Иди ко мне!

С ним она открыла в себе желание к оральному сексу. Причём абсолютно искренне, без понуждения. Чтобы до самого конца. Выпивала его до последней капли. И для Мишки это оказалось новым. Что женщина может минет брать без отвращения, без горловых спазмов, не отстраняется судорожно, когда понимает, что у него подходит к краю.

После нескольких встреч у Иры оформилась мысль – увести Мишу от жены да и жить с ним поживать, добра наживать. Пьёт мужик умеренно (тогда он ещё не уходил в загулы), с высшим образованием, при уважаемой должности. Шутка ли, заместитель прокурора города! В двадцать семь лет. Все его знают. В газетах то и дело поминают. «Как сообщил нам заместитель прокурора М. Маштаков, следствие выдвинуло несколько версий данного убийства...»

Но каждый раз, когда Ирка на тему их отношений разговор заводила, он сердился, обрывал сразу. Говорил, что дочь очень любит и никогда не оставит, и чтобы Ирка его жены не касалась, не её это дело. Не её так не её, Ира не спорила, чтобы не злить мужика. Рассуждала так, что время не стоит на месте, всё меняется.

С Кириллом она под Новый, девяносто третий год развелась, он к матери жить перебрался, на квартиру не претендовал. Царствие ему небесное, в девяносто пятом сгорел от пьянки своей.

Потом история с бандитами приключалась. Она, дурёха, займы дала Ленке Свистуновой, рядом с ней на рынке торговали. Немало дала, даже по тогдашним меркам. Пять тысяч баксов. Даже до всяких «дефолтов» сумма была серьёзная. Ленка сперва завтраками кормила, потом огрызаться стала, торговлю свернула, по телефону не отвечала. Ира со Светиком нашли её, пригрозили, что в милицию заявят, расписки у них были в наличии.

В феврале месяце это было, в субботу, торговля заканчивалась. Намёрзлись они тогда, напрыгались, а наторговали всего ничего. Подошли к их прилавку двое бритых, здоровых, в коротких курточках. Дождались, когда никого рядом не будет. Один, – морда шершавая, нос перебитый, – взял посмотреть сапоги женские зимние. Хорошие сапоги, португальские. Девятьсот рэ они тогда стоили. И р-раз, по голенищу ножом – крест-накрест. Из ладони у него лезвие выскочило, на пружине.

Ира завизжала, а Светик, голова бедовая, на него кинулась.

Второй бандюк её, как пушинку, отшвырнул.

– Вы чё, биксы, на человека наезжаете? – второй в киоск наполовину залез. – Проблемы себе ищите? Считайте, что нашли. Если продолжения не хотите, от бабы отстаньте. А нам за хлопоты завтра принесёте штуку «бакишек». Въезжаете?

Когда истерика у Светика прошла, они товар сгребли, в камеру хранения сдали, побежали Мише звонить. Он, к счастью, на работе оказался. Выслушал внимательно, сразу заинтересовался, про приметы бандитов подробно расспрашивал.

– Помочь могу только официально, – сказал. – Заявление писать будете?

А они: «Мы на всё согласные, заступаться за нас всё одно некому!»

Светика тогдашний сожитель, Мартьяныч, ни рыба ни мясо был, а она, Ирка, вообще в одиночестве прозябала.

Миша сразу закрутил машину. Позвонил какому-то Вадиму Львовичу, – теперь она знает, что это большой милицейский чин, сейчас он снова в город из областного центра вернулся.

В ту пору Вадим Львович командовал «шестым» отделом, который по бандитским делам специализировался. Светику с Ирой в милиции, на третьем этаже показали фотоальбомы и видео. Урод с перебитым носом был и там, и там. Когда они на него указали, милиционеры и Миша запереглядывались. Не скрывая интереса.

– Молотков Борис. Второй, наверное, брательник его, Костя.

Светик напряглась. Фамилию такую – Молотков – она слышала на рынке.

– Может, мы зря связываемся? С крутыми?

Оперативники насели со всех сторон.

– Да вы чего, девчонки, закроем эту мразь в два счёта! Надолго! Никто вас не тронет! Охрану обеспечим.

Мужики молодые, здоровые, говорливые... как устоять!

На следующий день после передачи «меченых» денег (деньги их со Светиком, разумеется, вернули только через месяц, после всех формальностей), бандитов повязали. Совсем как в кино показывают, в «Шестьсот секунд», наглыми харями – в сугроб, собаками расписанный. Сколько страху тогда они натерпелись!

Она даже сына Лёвушку из садика вывела, к матери в деревню увезла от греха. Никто к ним, однако, не сунулся, только на суде косились такие же бандюки. Но там вокруг оперативники из «шестого» отдела были и ещё собровцы из Андреевска – в камуфляже, в масках. В суд их со Светиком привозили на машине и увозили так же. Ха, один молодой оперок, Паша, всё в гости к ней напрашивался, настойчиво так. Под предлогом обеспечения безопасности. Хороший мальчишечка, свежий, смугленький.

Ире он глянулся, но пригласить его боялась. Мишки боялась, потому как виды на него имела серьёзные. Но ему тогда всё некогда было, не звонил неделями.

Всего два раза у неё с этим Пашей и получилось, – физиология, она своего требует.

В итоге дали бандитам за вымогательство по пять лет, а Ленке Свистуновой как подстрекательнице – три условно. Свистунова, стервозина, ещё когда следствие шло, деньги им со Светиком вернула, смягчение себе перед судом зарабатывала.

А потом у Миши чёрная полоса началась. Нет, он и раньше много на грудь мог принять. Но на следующий день брал себя в руки, выхаживался, шёл на работу. А тут забил на всё. День, два, три пьёт. Как начинает с утра с пива, так за день несколько раз до соплей наберётся, потом протрезвеет немножко и снова здорово: «Ира, сбегай в лавку. Возьми маленькую и пива». Это, конечно, хорошо, что он ночевал у неё, но ей мужик требовался нормальный, а не Кирюша номер два. Потом на пьяную лавочку у него на сексе крыша съехала. Неведомо что хотел. Стыдно вспомнить, чего и выделявали... ни с одним мужиком она ни до, ни после на подобное не отваживалась. А всё потому что шибко умный, слишком книжек много читает. И пил он не весело, как другие, а отчаянно, как будто последний день Помпеи встречал.

На почве пьянки прогнала она его. Миша ушёл, – оказалось потом, что не домой направился, а дальше куролесить. Беда с ним вышла, порезали его в одной непонятной компании, жив остался чудом. Шрам с тех пор на боку имеет ужасный. У Иры каждый раз, когда она шрам этот увидит, пальчиками потрогает, в животе леденеет, ноги подкашиваются.

Скандал разразился. Миша не признавался, что да как с ним вышло. А человек он не последний в городе, начальство его терзает. В итоге разобрались и попросили Мишу по ответственному из прокуратуры. Он сразу согласился, значит, сильно в пушку у него было рыло.

Болтали в городе, что, дескать, на чужую женщину он тогда позарился против её воли, за что и получил.

«Господи! – взмолилась тогда Ирка. – Ну чего ему, идиоту, не хватало? Всё ведь позволяла! Кроме анала».

Как давно это было...

Потом их отношения то умирали, то вспыхивали вдруг, как птица Феникс. Она второй раз замужем успела побывать. Венчалась, думала – венчанная грешить не сумеет. На какое-то время действительно помогло. Сколько раз Мишка звонил, уговаривал: давай встретимся. Она – ни в какую. Потом Рома, муж второй, испортился, гулять стал, и она в отместку с Мишей, старым другом, который борозды не испортит, Роме рога наставила. А в прошлом году Рома к другой бабе от неё ушёл с концами. Ладно бы к молодой, а то к её ровеснице и тоже с ребёнком.

У Миши за прошедшие годы жена ещё одну девчонку умудрилась родить. Ира понимала прекрасно, что делается это исключительно для того, чтобы мужика в семье удержать. Он теперь в милиции работал, всё так же бандитов ловил, только получать стал меньше гораздо, кабинет имел позачуханней, а вот бухать стал больше.

Ира предлагала ему кодироваться, он ни в какую. Потом один раз, когда припёрло сильно, после загула очередного согласился вроде. Она его со знакомыми реаниматорами свела, они уколы от алкоголизма делали, в Москву возили запойных, на три года давали гарантию. Сначала согласился Мишка, а потом послал всех – и её, и реаниматоров. «За кого вы меня держите? Какой я вам алкоголик?!»

На время он расправлял крылья, по струнке ходил, держал себя, но потом неминуемо срывался в штопор, в крутое пике.

Приезжал пьяный, сраный, без копейки в кармане. «Ира, заплати за тачку». В койке всё доказать пытался какой он мужик... и её, и себя мучил.

На нём свет клином, разумеется, все эти годы долгие не сходился. Однажды живём, как сказала бы покойная волгореченская бабушка Марфуня. Встречались на пути жизненном мужики, но или случайно происходила встреча, после праздника какого-нибудь разгульного, или женатые попадались, которым новенького захотелось попробовать. Серьёзного ничего не завязывалось.

С Мишкой хоть поговорить было о чём. Он и посоветовать мог, и помочь всегда вызывался. Редко, правда, стало получаться у него с помощью в последнее время.

Два года уж Ира как с коммерческой деятельностью завязала, свидетельство сдала в администрацию. Торгует в сменах у Светика в магазине на проспекте. Светик теперь, как это, бизнес-вумен. Четыре штуки свои Ира имеет. Немного, конечно. Но на жизнь ей хватает. Даже в кабачок иногда зарулить можно. Лёвушке уже тринадцать исполнилось, большой совсем, он у бабушки живёт и учится там же, в деревне, ему нравится. Но она, Ирка, строго каждую неделю к нему ездит. Вот сегодня расслабится с Мишей, а с утра на «восьмичасовом» автобусе в Соломино покатит. Выходной у неё завтра.

– Сколько в'емени? – глянула на часы.

Половина пятого... Мишка пораньше обещался с работы сбежать. Подвести не должен, звонил перед обедом, подтвердил, что всё в силе остаётся, сказал, что начальству серьёзную причину выдумал, дома тоже заранее обставился.

Понятное дело, после истории с трупом плечевой, благодаря Ирке из земли выкопанным, Миша теперь её должником сделался. Небось, начальник поощрит его за раскрытие убийства.

Повышение, может, дадут. Премию точно должны подкинуть, сотенок хоть пять, у них в милиции на денежки скупы. Догадается, наверное, с премии ей цветочков купить, шампанского бутылочку?

– Да где он, сте'вец, п'опал?

11

Димка Помыкалов длинно на пол сплюнул. Пусть менты сосут у пьяного ёжика! Ни в жисть он им, козлам, не поверит. Нашлись благодетели.

И то, что он «явку» написал, ничего ещё не значит. Один эпизод он, раз обложили со всех сторон, на себя берёт, но только на себя, пацанов не сдаст. Групповая статья тяжелее, да и вкладывать западло.

Это и дядя Витя Зефир, новый знакомый, который здорово его в спецприёмнике поддержал, затвердил. «Последнее дело, Диман, корешей вваливать!» Надо же, оказалось, что дядька этот с отцом кентовался по малолетке. Много он про отца порассказал, тот, оказывается, правильный был.

А корешкам дядя Витя сказал, надо срочно малявку загнать.

Предупредить об опасности надвигающейся, чтобы на дно залегли, чтобы шмотки, на которых погореть могут, скинули.

Куда и как могут залечь на дно Воха, Белик и Ленка, Диман не представлял, но маляву им отписал. Написал, чтобы пацаны не стремились, они тут не при делах, а Ленка чтобы часы, которые купили на бабки, что у последнего алконавта вытрясли, подальше заховала.

Малявку дядя Витя передал на волю через верного человека. У него вообще всё здесь было схвачено. Курево, чай индийский со слоном. Димана он угощал как равного.

«Трое суток промурыжит тебя следак, а потом выпустит, – объяснял дядя Витя. – Один эпизод. Судимость у тебя погашенная, единственный сын у матери, восемнадцать только-только стукнуло, опять же. Сейчас местов в СИЗО⁴⁷ нету, гуманизация, ети её мать, кругом. Менты теперь беспредельничать, как раньше, не должны, а бродягам – послабление от властей, от президента. А там и глядишь, Диман, и под амнистию попадёшь. Нынче что ни год, то амнистия!»

Блин, жалко всё равно, что засыпался. Углядел глазастый опер ботинки. Думал ведь тогда, что не надо их оставлять, да не в чем было совсем ходить. Коры развалились, а эти подошли размер в размер, почти не ношенные, прошитые. Оpozнал терпила колёса. Оказалось, прошивать он их в мастерскую носил.

Да ещё мать подвела, не сообразила, что послать надо было подальше мусоров, дядя Витя просветил, что не имеют они теперь права родственников допрашивать, не по Конституции это.

От простоты душевной сказала мать ментам, мол, на днях появились у Димки ботинки, где взял он их – не знает она, денег не давала.

И опера вконец достали! То борзый молодой наезжает, перчатки наденет боксёрские, поставит напротив себя, заставит в стойку стать. И давай изображать, что бить сейчас будет.

Димка дёргается, всё ждёт, что в солнечное ударит или в печень, а опер танцует вокруг него. Потом херак, неожиданно сверху – по кумполу. Вполсилы стукнет, а голова от удара уже гудит и кружится. И следов не остаётся. Молодой уйдёт, старый – ему на смену. Этот, с мордой помятой, пропитой, скользкий, без мыла в душу лезет. То про мать рассказывает, как ей плохо одной, то судьбу его Димкину будущую начнёт в цветах и красках рисовать – срок, зона, петушиный куток в «шестёрке»...

И так всё воскресенья. Дома, что ли, им делать нечего?

Ну не-ет, один эпизод получили – подавитесь! Больше не дождётесь, псы.

Не всё менты знают, только про четыре случая выспрашивают. А так, если бабки подбить, за лето с десятков алкашей они обули. И у себя на «Восточке», и к Центру ходили.

---

⁴⁷ СИЗО – следственный изолятор.

Бляха-муха, у Белика майка с одного гоп-стопа осталась, фирменная. Белик её от крови отстирал и таскал всё лето.

Забыл, бляха, в малявке за эту майку отписать! Догадаются ли сами захватить её подальше?

Следователь, – молодой, худой и ушастый, – вроде ничего. И задерживать не хотел, опера уламывали его. Диман, когда в коридоре у кабинета стоял, через дверь слышал. Не, нормальный следак, долго не мурыжил. Записал, чё он говорил, не переспрашивал. Не то что опера.

«Чё ты нам лепишь, что один грабил, когда потерпевший чётко говорит про троих!»

А Диман им в ответ: «А я почём знаю? Он пьяный был, может, у него в глазах троилось?»

Следак и адвоката предложил, и про права по книжке прочитал, УПК называется. Оказывается он, Диман, вообще по пятьдесят первой статье Конституции молчать может, и ничего ему за это не будет. От адвоката он, правда, отказался. Чтобы хорошего нанять, у матери денег нет, а от бесплатного – дядя Витя сказал – толку не будет.

Ништяк, прорвёмся!

И всё-таки не по себе. И всё-таки колбасит. Перевели вот теперь в ИВС, в изолятор временного содержания, тюрьму нашу местную.

ИВС в подвале милиции располагается. Менты тут совсем другие. В спецприёмнике один был, старый уже, не злой, всё ему по барабану. А тут как Димана завели, налетели трое как вороны. Руки – на стену! Распорядок дня в рамке заставили читать. Потом раздеться догола велели. Обыскали, даже в очко заглянули. Потом по коридору повели. «Стоять! Лицом к стене!»

Дверь в камеру полностью не открывается, боком только можно в неё зайти. Камера маленькая, нара в ней деревянная, как эстрада, и унитаз справа от входа.

На нарах, когда заводили, спал на полосатом матрасе мужик или парень, не разберёшь, он с головой накрытый. У стены по настилу на газетах было разложено его имущество. Зубная паста «Жемчуг», мыло розовое в мыльнице, помазок, станок пластмассовый. Жратва – варенье, белый хлеб, сало, вермишель одноразовая «Анаком», ещё чего-то. Несколько пачек «Примы».

Диман сглотнул густую слюну. Как жратву увидел, сразу хавать захотелось. А если не выпустят через трое суток?

На двери – кормушка, сейчас она закрыта. Тяжёлый дух в камере, спёртый, полной грудью не вздохнёшь. От параша воняет, вода в ней журчит постоянно. Под потолком в проволочном наморднике – слабая, ватт на сорок, лампочка.

– Начальник, к один-один подойди! – закричал рядом хрипатый голос.

Из глубины коридора ему отозвались.

– Жди!

Лечь что ли? Диман потрогал доски. Твёрдые, щелястые, рёбра на них поломаешь. Нет, надо дожидаться, когда сокамерник проснётся, чтобы познакомиться с ним по-людски, поговорить.

Не положено так – пришел и сразу спать заваливаться. Будет выглядеть, что он ныкается.

Следак сказал – передача ему не положена. Что он пока как подозреваемый на семьдесят два часа задержан. Да, курить у него есть, дядя Витя почти целую пачку ему в руку сунул, когда вызвали с вещами. Знали уже тогда, что не нагонят, что в ИВС опустят.

Закурить, поди, можно? Диман сигареты вытащил, ан опять облом. Ни одной спичинки в коробке целой, одни горелые. У соседа вон, на верхней пачке «Примы» спички лежат, но без разрешения чужого ничего в камере нельзя брать. Это правило он знает.

Чтобы скоротать время, Диман начал думать о Ленке, будет ли она ждать его, если посадят всё-таки. Не дай боже, наставит рога! Срок-то, он не резиновый, пожалеет Ленка, если чё...

В коридоре залязгало железно, металлические колёса покатались медленно по каменному полу, голоса загомонили. Ужин?

Как по сигналу, сокамерник сел на нарах. Телогрейку, которой укрывался, сбросил.

– Уф! – приходя в себя, заспанное лицо ладонью потёр. – Привидится же такое?

На пальцах у него – синие, в точках и в звёздах перстни.

Наконец он Димана заметил, стальной фиксой цыкнул.

– Привет, зёма. Обзовись, кто такой?

– Помыкалов я, Диман, с «Восточки».

– Кто по масти? Не пидор?!

– Я – первый раз...

12

Во вторник Маштаков вышел на работу «тяжёлый». Еле успел к оперативке, хорошо Ирка вызвала такси. Поправиться пивом он отказался, хотя подмывало. Растворил в кипятке таблетку «Алкозельцера». Тупо смотрел на бурю пузырьков в стакане воды. Рекламируемое зелье помогло мало, в машине чуть не стошнило.

Из актового зала Миха вышел первым, чтобы не попасть на глаза начальству. В кабинете плюхнулся за стол, впал в ступор.

Вошедший следом Рязанцев сразу угадал состояние своего старшего.

– Кофейку сварганить, Николаич?

– Валяй.

Надо было позвонить жене на работу, сказать, что всё в порядке, живой. Накануне, обставившись тем, что пойдет в засаду сбежавшего убийцу ловить, он предупреждал, что возможно на всю ночь. Видел – Таня поверила мало. Для звонка требовалось ещё подгадать, когда у неё перемена между уроками. Мозги не шевелились.

Что значит возраст. Раньше всю ночь пили, спали пару часов и шли на работу как новые. А в стройотряде? После таких ли пьянок вдвоём с Колей «шаланду» красного кирпича прямо из печей загрузили. И не навалом кидали, а – в укладку!

А тут – под хорошую закуску за много часов выпил ну пятьсот, наверное, граммов. Ирка тоже водку пила. Зря, конечно, мешал с вермутом этим, с «Мартини». Потом, правда, полночи урчал над Ирккой, обязательную программу выполнял. В ванную ещё полезли, молодость жеребьячью вспомнили.

Глядя в стол, Миха вспомнил, как классно было в горячей воде, в пышной ароматной пене – по шейку. Напротив него, подняв колени, сидела Ирка, изрядно к тому времени пьяненькая. Большим пальцем ноги под водой Миха пытался проникнуть в неё, мягкую, распарившуюся. Ирка деланно отгаликивала, хохотала, водой брызгалась. Рядом с ванной на табурете стояли рюмочки с водкой, в тарелке – нарезанный лимон.

– Ап! – Ирка вдруг набрала воздуха и нырнула.

Приём этот был из отработанных. Миха блаженно зажмурился. Наощупь руками поймал Ирку за затылок, притянул к себе...

Маштаков похлопал себя по карманам. С сомнением вытащил сигарету. Закурить всё же не решился, сказывались последствия алкогольной и табачной интоксикации.

«А может, честнее и лучше для всех, если я к Ирке уйду? Сколько она агитировала».

Может, от этого шага всегда останавливала мысль, что она слаба на передок? Связи Иркины, в том числе и здесь, в отделе, не являлись для него секретом. Но она баба свободная, отчитываться ей не перед кем. Заполучив его, пусть не в мужья, в сожители, она на сто процентов изменит свое поведение. Как она своему второму, Роме, верность хранила.

Ирка, когда надо, в лепёшку расшибётся. Гляди, какое пиршество забабахала в честь пресветлого праздника – седьмой годовщины их тёплых отношений. Даже масляная рыба была...

Но как девчонок кинуть одних, без отца? У Михи сердце цепенело, лишь только он представлял такую перспективу. Хотя умные люди говорят, что гораздо хуже для детей, когда они видят, что родители живут плохо, в непрекращающемся конфликте, по неделям обходятся в общении несколькими фразами.

Дашка уже большая, в шестом классе, много понимает. Смотрит исподлобья, когда он возвращается никакой. В семейном противостоянии она однозначно на стороне матери. Два-три года пройдет, и Маришка перейдёт в тот же стан, он останется один на льдине. Ломом подпоясанный.

Заботливый Рязанцев поставил перед Михой чашку с дымящимся чёрным содержимым. Полагающегося запаха почти не было, кофе оперативники покупали соответственно доходам.

– Похлебай, Николаич, горяченького.

– Спасибо, Андрюша.

Маштаков осторожно начал отхлёбывать из чашки и всё-таки не уберётся, обжёт язык.

– Тут «Космонавт» твой, Николаич, через дежурного с утра уже на связь выходил. Беспокоится шибко.

– Чего, на орбиту хочет выйти?

– Наверное.

Миха знал, что надо было решать проблему с агентом, который со вчерашнего вечера сидел в спецприёмнике вхолостую. Федеральный судья Глазов нарезал ему вместо пяти семь суток.

Одна фраза в заявлении гр-ки Кравцовой И. В. судью насторожила.

– Это как – «пытался схватить за интимные места»? За какие это места вы хотели незнакомую женщину схватить?

А пьяненький Витёк, секретный агент «Космонавт», возьми да и ляпни непонятливому популярным русским народным языком.

Досрочно выпустить его из спецприёмника можно только с ведома первых руководителей УВД. Начальник МОБ Коробов исключался. Он испытывал к Маштакову, говоря языком протокола, давние личные неприязненные отношения. Полагал, что прокурорское прошлое опера не имеет сроков давности. Щемил при каждом удобном случае. Если захочет, может решить этот вопрос и Львович. Он сейчас и.о. начальника КМ. Но прагматичный Львович, конечно, скажет, пускай агент и дальше сидит, фигуранта для разработки к нему на раз подкинем, какие проблемы. Мало ли, у нас преступлений нераскрытых?

Маштаков выдвинул верхний ящик стола и достал оттуда мятый клочок бумаги. Разгладил его ладонью. Это была «малявка», написанная дураком Помыкаловым по наущению Витька. Вить-ком же и переданная курирующему оперу.

Приобщать к уголовному делу записку по понятным соображениям было нельзя. Человека спалишь в два счёта. Передавать по назначению тоже надобности нет. Она просто затеряется во времени и в пространстве.

Но допрежь роль свою сыграет!

Вырисовался абрис устойчивой молодёжной преступной группы. Указанные в «малявке» погремухи «Воха» и «Белик» легко отгадывались. По всему, это были Вохминцев Владимир, тот которому Рома Калёнов руку загнул, и Беликов Сергей, по всей видимости (хотя его никто и не назвал) сбежавший, пока компашку вели к автобусу. По учётам ОППН Беликов входил в эту группу, не раз доставлялись вместе в милицию за разные подвиги.

Ленка, соответственно – Елена Назарова, та, что в очень короткой юбке была.

Покойный Борис Кузьмич Новиков сказал бы, лицезрея такую красоту, неподражаемым своим фальцетом: «Весь сникерс – наружу!»

С неё, пожалуй, и начнём. С часиков, которые Помыкалов советует ей скинуть. С этих часиков и потянем.

– Под Помыкаловым сейчас чей человек, калёновский?

– Его.

После дозы эрзац-кофе Маштаков немного ожил. Время близилось к десяти. За окном задувал ветер, срывал последние морщенные листья с тополя, они коротко стукались в грязное окно. Цвет туч пугал своей безысходностью.

– Ну чё, Андрей, надо Ленку Назарову подтянуть в отдел. Угадай с трёх раз: кто за ней поедет?

– Михал Николаич, есть ещё способ, гораздо продуктивнее, – Рязанцев тащился от своей находчивости.

– Слушаю тебя внимательно.

– Назарова в шестнадцатой «тэухе» учится. Номер группы известен. Сейчас позвоню в учительскую, её к телефону позвонят.

Она ж Помыкалова подруга. Скажу, пусть сигарет ему принесет.

Через полчаса здесь будет.

– Толково, – кивнул Миха. – Это в том случае, если она не прогуливает.

А сам обреченно подумал: «Мне тоже пора позвонить в учительскую».

В дверь заглянула пропитая, в сивой щетине ряха. Возвестила сипло:

– У меня в пятьдесят четвёртый кабинет повестка.

Отработку по «глухарям» лиц ранее судимых, ведущих антиобщественный образ жизни, никто не отменял. Работящий Андрейка навывывал их на две недели вперёд.

Рязанцев говорил по телефону. Похоже, ему подфартило, Ленка оказалась на занятиях, где постигала профессию штукатура-маляра.

– ...Да пачек пять купи... Тебе лучше знать, какие он курит...

Ну если хочешь, и поесть захвати... Пирожков каких-нибудь... Да не бойся ты, потом сделаете ему путную передачку... Только поторапливайся, сегодня до двенадцати принимают!

Андрейка азартно подмигнул Маштакову, тот показал ему «фак».

– Дык это, не здесь, что ли, пятьдесят четвёртый кабинет? – пришелец настаивал на внимании к себе.

Рязанцев бросил трубку, потёр руки, упруго переместился к дверям, выдернул у гостя повестку.

– Эт кто у нас? Головкин Владимир Константинович? Заходи, Владимир Константинович...

Головкин занёс в кабинет кучевое облако, настоящее на страшном сивушном угаре, смраде маринованного пота, многомесячной грязи и мочи.

– У-уп, – давя вскинувшийся к горлу спазм, Миха ринулся в коридор.

Органы, отвечающие за восприятие, всегда резко активизировались у него с похмелья. Из туалета он двинул во двор. Свежего воздуха перехватить, а потом заглянуть в спецприёмник к томившемуся в неволе орлу молодому.

На улице встречал ветер. Дождь мелкий, въедливый сыпал.

Всё, конец пришёл бабьему лету!

Ответив на приветствие вылезавшего из тёмно-зелёной «шестёрки» с тонированными стеклами начальника РУБОПа Давыдова, Маштаков под дождичком побежал к спецприёмнику.

А кто это в красивом костюме вылезает с командирского места РУБОПовской «шестёрки»? Кажется, опер из областной службы собственной безопасности.

Передёрнуло Миху сильнее, чем от отвратных погодных условий и аромата званого гостя Головкина.

«Дай бог, чтобы не по мою душу!»

В спецприёмнике дежурил маленького роста, большеголовый сержант, из новых. Он даже изучил удостоверение Маштакова. Не сразу понял его намерения. В смысле, чтобы он погулял, пока опер поговорит с задержанным Сидельниковым.

Витёк ему обрадовался. Но с первых слов начал выказывать обиду.

– Ты чё, Николаич, меня забыл? Сижу с чурбанами, которые даже по-русски говорить не умеют.

– Чего ты так разволновался? – Миха отстранился от Витька, имевшего привычку в разговоре сокращать дистанцию до минимальной.

От чужих ушей, надо понимать.

– Ты сидишь, а денежки идут. Как относишься к тому, чтобы ещё поработать?

– Все семь суток?! – агент рванул на груди ворот ветхой клетчатой рубахи. – Николаич, ты больше меня по таким стрёмным материалам не сажай. Как будто я баб на улицах за манду хватаю! Судья на меня окрысился! Прикинул, наверное, как к евонной жене таким макарон подкатят.

– Ладно-ладно, – согласился Маштаков.

Он сам понял, что переборщил. То, что это была Иркина самодеятельность, ответственности с него не снимало. На будущее захочет Ира посублимировать, пускай свои сексуальные фантазии в «Спид-инфо» посылает!

Витёк соглашался остаться до конца согласованных с ним заранее пяти суток, то есть до девяти ноль-ноль четверга. И ни минутой больше.

– Вызову «скорую», Николаич, и свалю на больничку с прободной язвой. Ты меня знаешь!

– Знаю, Вить. Договорились.

Миха поднялся со стула, но Витёк снова придвинулся к нему.

– Николаич, ты «малышку» следаку не отдавай. А то мне вилы голимые. Молодые, они – безбашенные...

– Обижа-аешь, Вить!

Возвращаясь обратно в кабинет, Маштаков подумал: «Дать крюка, что ли, к “мрошникам”, с Ковальчуком поговорить по душам? Юрий Палыч, Юра, ёлы-палы, негоже так делать! Каждый баран за свою ногу висеть должен».

Но потом Миха представил, что тех будет двое-трое, они займут почти всё свободное место в помещении, задавят количественно, у них будет превосходство в энергетике. С учётом того, что он ещё не восстановился после вчерашнего.

К своему кабинету Маштаков подошёл одновременно с подругой задержанного Помыкалова, примчавшейся по звонку Рязанцева. Сегодня она была в красных брючках. Тугая задница её напоминала туза червонной масти.

Миха любезно приотворил девице дверь.

– Прощу!

Ленка инстинктивно улыбнулась в ответ. Получилось жалковато. На затылке у неё мотнулся стянутый резинкой хвостик.

Рязанцев вывинчивал шпингалет, не открывавшийся со дня покраски рамы. Хотел проветрить после душистого посетителя.

На столе бренчал крышкой кстати вскипевший электрочайник.

– Кофейку выпьешь с нами, Лен?

Маштаков продолжал удерживать с девчонкой привычно взятый приятельский тон. Демонстрируя понимание чужой проблемы.

– Присаживайся вон на стул. Не, на этот опасно, давай его сюда.

Переставляя стулья, они на секунду коснулись руками.

Андрейка выставлял из нижнего ящика чашки. Выглядели они непрезентабельно, в подозрительных коричневых потёках, залапанные.

– Сбегаю сполосну, Николаич.

– Давай, Андрюша.

Ленка озиралась по сторонам. Когда читала титовские слоганы на стене, шевелила губами. «Дай дураку хрен стеклянный – он и его разобьёт, и руки порежет». Заулыбалась понимающе. Внешне не выглядело, что она убита горем из-за задержания приятеля.

Под палёный растворимый «Нескафе» закурили. Говорили за Димана. Ленка впаривала какой он клёвый пацан, что его подставили. Оперативники соглашались: нормальный парень.

На тему подставы внимания не обращали.

– У тебя с ним серьёзно? – Маштаков интересовался вроде как на правах старшего брата.

– Я с ним полгода гуляю! – горделиво ответила Ленка.

– У-у-у! – понимающе прогудел Маштаков.

Ленка вдруг, опомнившись, посмотрела на часы.

– А передача? Почти двенадцать уже! Не примут...

– Мы договоримся, – махнул рукой Рязанцев.

Несмотря на стрёмную ситуацию, Ленке было интересно.

В уголовном розыске она до этого не бывала. Только в ОППН, в «детской комнате». Но там с ними занимались женщины-инспектора. Срисованные один в один со школьных училок и «тэ-ушных» мастачек.

Эти мужики были интересные. И крепкий молодой Андрей в модной жилетке, и бывалый Николаич, от которого пахло перегаром и хорошим одеколоном.

Маштаков перегнулся через стол.

– Часики у тебя интересные. Дай посмотреть.

Ленка сняла с руки большие часы с красным зажимом-браслетом.

– Диман подарил? – старший опер вертел в руках часы, разглядывал. – Мейд ин Корея.

Девушка думала как ответить. Ничего опасного не почувствовала.

– Угу.

– С каких денег купил, конечно, рассказывал? – взгляд серых глаз Маштакова казался невинным.

Утробно, на одной низкой непрерывной ноте зазвонил телефон. Миха приподнял и положил трубку. Важно было не дать девчонке сосредоточиться.

– Нет, не рассказывал, – она лихорадочно соображала, откуда её ожидает подвох.

– А куплены, Ленок, эти часики на денежки, которые вы на последнем грабеже взяли. В ночь на первое сентября. Оттуда же колёса Димкины, – Маштаков не спрашивал, утверждал.

– Чё глазами замельтешила?! – вскочил Рязанцев.

Ноздри у него яростно раздувались, он страшно скрипнул зубами. Впечатление, что за этим последует пощечина, было полным.

Ленка зажмурилась, зажалась.

– погоди, Андрей! – приподнялся и Маштаков. – Девчонку попутали. Подумаешь, часики.

Миха положил руку на плечо Ленке. Потом снова присел. Открыл папочку, полистал в ней бумаги. Найдя нужное, стал размеренно читать:

– «...После того как я забрал у мужчины все сигареты, он разозлился и стал ругаться. Тогда я, Воха и Белик начали избивать его руками и ногами. Мужчина упал...» Ну это пропустим, не суть важно. «...Забрав у мужчины деньги, часы и ботинки, мы убежали в подъезд. Туда же вскоре прибежала моя подруга Назарова Елена, которая стояла на атаке, то есть следила за обстановкой...» Гляди, Димкина рука? Знаешь его подпись, ну?!

Маштаков придвинул Ленке отпечатанный на машинке протокол, внизу последнего листка которого шла корявая надпись:

«С моих слов записано верно и мною прочитано». Предложение это было написано знакомой Димкиной рукой, и подпись стояла явно его.

– Понимаешь?

Из текста Ленка успела ухватить, что приятель её действительно рассказывал ментам про нападение на мужика. Понятное дело, полностью прочесть ей никто не разрешил.

– Ещё вот с этим ознакомься. Статья сто шестьдесят первая, часть вторая!⁴⁸ – Рязанцев хлопнул по столу, под носом у девицы комментированным Уголовным Кодексом. – Сколько здесь написано? Нет, ты вслух прочитай! Вслух!

– От трёх до семи, – на глаза у Ленки навернулись слёзы.

– Ты пойми, что ты – пацанка ещё, а мы свою работу делаем много лет. Против тебя сейчас целая система, – убеждал Маштаков.

Ленка охотно приняла предложенную сигарету. Прикурив, сказала неродным голосом:

– А если я тоже вам всё расскажу?

Оперативники остались равнодушными внешне. Маштаков пожал плечами.

– Ну давай, расскажи не под запись. А там вместе подумаем, чем тебе помочь.

Процесс пошёл. Оставалось только как отец перестройки говорил: «Начать и углубить!» Не сталкивавшиеся раньше с правосудием малолетки обычно кололись легко и рассказывали обо всех своих подвигах. По молодости происходящее казалось им игрой. Часто совершенным бравировали.

Миха машинально потрогал подбородок. В который раз поражаясь, какой он гладкий – не то что после электробритвы.

Утром заботливая Ирка презентовала ему новенький бритвенный одноразовый станок, предназначенный для женских нужд, в том числе и для интимных. «Жилетт-Венус», называется.

«Эх, был бы я блатным, и не дай бог про такой косяк провели бродяги! В момент бы перешёл в категорию опущенных.

Доводы, что станок нулёвый, не прокатили бы».

Примочки блатных всегда поражали Маштакова своей ортодоксальностью.

---

⁴⁸ Статья 161 часть 2 УК РФ предусматривает ответственность за квалифицированный грабёж.

13

– Реализация запланирована на завтра, – такой фразой закруглил свой короткий доклад начальник территориального отдела РУБОПа Давыдов.

Зампрокурора Коваленко просмотрел записи, которые он делал по ходу изложения.

– Я не понял, за что конкретно он хочет взять? Дело прекращено законно. Этот, как его, Боровков ваш не имел технической возможности избежать наезда. Я это дело помню, в конце прошлой недели проверял, когда карточки подписывал.

– Но ведь Боровков об этом не знает. Он думает, что его посадят за ДТП с трупом, – у оперативника из областного подразделения собственной безопасности был вкрадчивый, обволакивающий голос.

Коваленко пропустил мимо ушей его имя-отчество, когда тот представлялся. Обращаться же по фамилии было неудобно.

«Хм, фамилия у него интересная – “Французов”! Второй раз в жизни такую слышу. Мальчик в школе у нас в параллельном классе учился – Коля Французов».

Офицер из службы собственной безопасности, – «гестапо», как нарекли эту контору сами менты, – говорил банальные вещи.

Заместитель прокурора смотрел глубже, пытался квалифицировать, отграничить от мошенничества, от самоуправства – составов, заранее для оперативников неприемлемых. Да и для прокуратуры тоже.

В актив всем шла только королева должностных преступлений – взятка!

Под огромным «рубоповцем» жалобно простонал стул.

Взгляд Давыдова был обманчиво наивен. При первом контакте маска простака не имела осечек.

Информация несомненно исходила из недр подразделения по оргпреступности. «Гестапо» подключили из-за нежелания одним работать против действующего коллеги.

Коваленко отметил, что сам никогда не думал о том, что Проскурин берёт. Старший следователь, майор. В следствии отработал года четыре, в органы пришёл из армии, капитаном, в период ельцинских сокращений вооруженных сил. Специализировался на расследовании дорожно-транспортных преступлений. В отличие от общеуголовных дел, где в большинстве привлекались люмпены, по дорожным люди проходили денежные.

И хотя за неосторожные преступления никого не «сажали», от решения следователя напрямую зависела судьба дальнейших материальных претензий.

Иногда – измерявшихся десятками тысяч! Коваленко прикинул как-то, сравнивая с исками по убийствам. Оказалось, суды взыскивали по делам о ДТП гораздо большие суммы. Железки стоили дороже человеческой жизни.

По «дэтэпэшным» делам всегда было много жалоб. Что не свидетельствовало о недобросовестности следователя. Так люди боролись с предстоящими денежными тратами.

Проскурин, как и большинство милицейских следаков, работал с колоссальной перенагрузкой. В его производстве одновременно крутилось не меньше десятка дел. А во время отсутствия второго следователя, ведущего ту же линию – вдвое больше.

Большинство фигурантов по делам были неместные, через район проходила трасса республиканского значения, много аварий происходило там. Чтобы собрать всех на следственный эксперимент, данные которого закладывались в постановление о назначении автотехнической экспертизы, надо было обладать талантом организатора.

Следователь постоянно находился в состоянии стресса. Со всех сторон его концентрически давили процессуальные сроки, начальство, требующее скорейшего выхода, прокуратура и суд, цепляющиеся к каждой букве, к каждой запятой.

Рабочий день следователя редко был короче десяти часов.

Работа в выходные давно стала правилом. Всё это государство компенсировало заработной платой в четыре тысячи рублей.

С гражданина Боровкова, совершившего ДТП со смертельным исходом, по словам оперативников, Проскурин намеревался взять десять «штук». Две с половиной своих зарплаты.

«Или одну мою», – прикинул заместитель прокурора.

У него и в мыслях не было оправдывать взяточника тяжёлым материальным положением.

«Хочешь много зарабатывать, иди в коммерцию!»

В современной России при приёме в органы возможность на достойную оплату исключалась априори.

– Завтра он последний день перед отпуском работает, Виктор Петрович, – решил добавить начальник РУБОПа. – Он уже билеты на поезд купил. На родину к себе собрался, на Украину.

Предназначение денег сомнений не вызывало.

Следователь прокуратуры обоснованно завершит потом постановление о привлечении в качестве обвиняемого фразой:

«Полученные в качестве взятки деньги намеревался использовать в личных целях».

Перешли к техническим деталям. Неопасавшийся, по всей видимости, подвоха Проскурин назначил встречу Боровкову через дорогу от здания УВД, за газетным киоском. Это объяснялось его занятостью по работе даже в крайний перед отпуском день.

Место для наблюдения и задержания получалось идеальным.

– Следователь кто будет, Виктор Петрович? – васильковые глаза «рубоповца» оставались безмятежными. – Кораблёв?

Опытный Саша Кораблёв был, конечно, лучшей кандидатурой для такого дела. Хваткий, контактный, циничный, он имел хорошую сработанность с оперативными службами, в том числе и с «шестым» отделом. Но расследованное дело с так называемой коррупционной окраской не пройдёт незамеченным в областной прокуратуре. Если Проскурина удастся хлопнуть с поличным, остальное окажется делом техники. Даже если он будет молчать, что крайне маловероятно. Когда берут с деньгами и сразу массивно наваливаются на тепленького, фигурант в девяти случаях из десяти колется до задницы.

И в области скажут: «Саша Кораблёв работал, понятно!» Ни одна собака не вспомнит о Коваленко, стоявшем у истоков многоходового мероприятия по разоблачению оборотня в погонах.

Виктора Петровича беспокоило то, что Кораблёва слишком возносили в последнее время. Новый прокурор города явно выделял его. Кораблёв был готовый заместитель, стоял в резерве на выдвижение. Но если Кораблёва поставят замом – его, Коваленко, тогда куда денут? Зашлют на повышение в сельский район? В ссылку, со смутной перспективой вылезти оттуда к пенсии?

– Нет, у Кораблёва нагрузка большая по другим делам, – зампрокурора снял с рукава пиджака светлую пушинку. – Дело будет в производстве следователя Максимова.

– Не знаю такого, – признался начальник РУБОПа.

– Его недавно к нам перевели. Толковый парень.

– Справится ли? – Давыдов в корректной форме выразил несогласие с решением Коваленко.

– Я ему помогу.

Проводив оперативников, Коваленко задумался о другом.

Планируемая операция по взятию с поличным взяточника Проскурина являлась венцом возможностей провинциальных спецслужб.

«Хлопнем, “палку” выставим, отчитаемся, всё чин по чину.

Полгода потом можно будет как с флагом ходить. И при этом в упор не видеть, что под носом творится».

Мысли об образе жизни нового прокурора сделались неотвязными, выгрызали сердце.

«Навороченная иномарка, сотовый телефон крутой. В только что полученной улучшенной планировке «трёшке» евроремонт делает. В отпуск с семьей не в Сочи махнул, в Анталию! Откуда дровишки? Откуда?!»

Начав работать в девяностом году, незадолго перед развалом СССР, Коваленко застал ветеранов, которые рассказывали, что совсем недавно сотрудникам прокуратуры запрещалось иметь в собственности личные автомобили. Во избежание заглазного людского трёпа. Потому что купить машину на зарплату в сто восемьдесят рублей «грязными» было невозможно.

«Я ничего не говорю, сейчас, если ещё жена более-менее получает, можно машинёнку взять. Иномарку подержанную или нормальную отечественную. Но не за двадцать же четыре тысячи “баксов”?!»

Виктор Петрович прислушался к себе: «Может, просто жаба меня душит, а? Из-за того что он умеет жить; без году неделя в городе, а все у него в друзьях. Я же скоро пять лет как в Остроге обретаюсь, а почти никого не знаю. Перемещаюсь по проторенному маршруту: дом – работа, работа – дом».

Начальника РУБОПа как вероятного соратника Коваленко после недолгих раздумий отверг. Его уровень – местные бандиты и доморощенные коррупционеры ранга Проскурина. Несмотря на внушительные габариты и авторитет, Давыдов не рискнёт разрабатывать прокурора города без санкций областного начальства. Получение же санкций обязательно высветит инициатора.

Неделю назад эту щекотливую тему Виктор Петрович прокатал с местным фээсбэшником. Встретились вечером вне службы, отъехали на бережок Клязьмы. Оперативник откупорил себе бутылку «Балтики». Коваленко не предложил, все знали, что тот больше трёх лет не берёт в рот ни капли.

Русло реки в этом месте петляло, напротив зеленел островок, поросший диким ивняком. Километрах в двух выше по течению ясно виднелась конструкция железнодорожного моста.

Отсюда она казалась повисшей в воздухе, игрушечной.

Заместитель прокурора наметил для себя манеру разговора шутивную. Но сразу съехал с неё, заговорил яростно.

Яковлев, оперуполномоченный по особо важным делам по должности, капитан по званию, имевший солидный для современных органов госбезопасности стаж работы в пять лет, забыл про пиво.

Проблема высвечивалась перспективная и весьма заманчивая (на контакт инициативно шёл второй человек в прокуратуре), но в одиночку опер её, понятное дело, решить не мог.

Личное мнение он выразил, иначе собеседник мог напрячься или вовсе охладеть. Оно вполне совпадало с тезисами Коваленко.

– Если ты поставлен охранять закон, надзирать за ним, работай честно, не превращай должность свою во благо личное, в доходное место! Такая должность... её как крест тяжкий нести нужно.

На вопрос как можно разрулить эту ситуацию фээсбэшник ответил ожидаемо. Правда, облёк в шутивную форму.

– На это я один пойтить не могу. Мне надо посоветоваться с шефом!⁴⁹

Оба поулыбались над хохмой из старой классической комедии.

– Сейчас такое не снимают!

...От мыслей отвлёк стук в дверь. Визгливо застонала пружина.

---

⁴⁹ Цитата из кинофильма «Бриллиантовая рука».

Пожаловал милицейский следователь Озеров. Час назад он звонил, спрашивал, можно ли будет подойти с арестом. Вместе со следователем попросил разрешения войти опер из группы по «тяжким» Маштаков.

Виктор Петрович оживился внутренне.

«Одно к одному. И не надо вызывать, под проверку маскироваться».

Следователь Озеров, молодой, разгильдяистого вида, с оттопыренными ушами, через пень колоду доложил суть дела.

По уличному грабежу взяли парня. Восемнадцать лет, нигде не работает, не учится, ранее судимый за хулиганство, состоял на учёте в ОППН. Вину признал частично. Не согласился, что действовал в группе с «неустановленными лицами», брал всё на себя.

Заместитель прокурора выборочно пролистал листы дела, подшитого в трёпаную, рабочую корку. С доказательствами, вроде, обстояло нормально. Потерпевший изъятые у злодея ботинки опознал как свои. Обвиняемый признался. Вчера, пока он не остыл, с ним провели так называемый «показ». Вывозили на место преступления, где он повторил свои показания при понятых.

Даже под видео!

Коваленко с удивлением взглянул на Озерова. Применение видеозаписи прибавляло следователю головной боли.

– Судимость погашена у него, – веско заметил заместитель прокурора. – Юридически он не судим.

В последнее время сверху насаждалась тенденция сокращения арестов на стадии предварительного следствия. Под давлением неправильно информируемой общественности, под прессингом юродивых правозащитников начальство требовало забраться на ёлку, не замаравшись. Лживый анекдот про мужика, посаженного на пять лет за кражу мешка картошки, обошёл все центральные газеты. При этом не уточнялось, сколько раз мужик этот был судим. Пять? Десять?! За что? Имел ли он постоянное место жительства? Как характеризовался? Может быть, вся округа вздохнула с облегчением, когда его на время убрали. Накануне последних выборов спустили разнарядку на их район – немедленно освободить из-под стражи семь человек. По телефону продиктовали данные конкретных персоналий. Федеральные власти не забывали об электорате, томящемся в следственных изоляторах. По закону запрет избирать наступал лишь после вступившего в силу приговора суда. Прокурор, по своему обыкновению, в крайний день умотал из города по шкурным делам. Проблема свалилась на голову Коваленко. Логика областного руководства, ткнувшего пальцем в приглянувшиеся фамилии, была непостижима. Один – насильник, другой два месяца находился в розыске, третья сидела за сбыт наркотиков, четвёртый – цыган, которого в степи только пуля догонит, пятый... Скрепя сердце, и.о. прокурора Коваленко согласился тогда с освобождением одного. За что потом был публично выдран на оперативном совещании при заместителе прокурора области. На месяц его лишили процентной надбавки за сложность и напряжённость. – Виктор Петрович, разрешите несколько слов? – обратился Маштаков. Присутствие оперативника при аресте преследовало понятные интересы. Сейчас он озвучит доводы об обязательности заключения под стражу, о необходимости его разработки в условиях ИВС и СИЗО, о перспективах выхода на новые эпизоды преступной деятельности фигуранта. Маштаков достал из целлулоидной папочки листок, с обеих сторон заполненный рукописным текстом. Уважительно привстав, передал в руки Коваленко. Это было заявление на имя городского прокурора от гр-ки Назаровой Елены Сергеевны.

«Почему на его имя? Каким боком он тут приложился? Ау, Олег Андреевич, отзовитесь!»

В заявлении гражданка Назарова с невероятными орфографическими ошибками перечисляла нападения, в которых участвовали её приятели Помыкалов, Вохминцев и Беликов.

– Девять эпизодов грабежей, Виктор Петрович! Плюс четыре кражи из сараев, – убежденно говорил оперативник. – Помыкалов «понизу»⁵⁰ тоже почти всё рассказывает. Выпускать его нельзя.

– Заводите, – дал отмашку Коваленко.

Маштаков резко поднялся, стукнул стулом.

Через полминуты обвиняемый стоял перед заместителем прокурора.

– Подальше встань, вот сюда! – Маштаков указывал в угол.

«По себе, очевидно, помнит, как неудобно, когда доставленный нависает сверху. Кабинет-то его бывший», – промелькнуло у Коваленко.

Димка Помыкалов стоял, набычившись. На его круглой, подстриженной по рэперской моде под машинку голове торчал грязный чубчик.

– Расстегните наручники, – сказал зампрокурора.

Второй оперативник, также исполнявший роль конвоира, молодой, крепкий, в чёрной кожаной жилетке, завозился с заевшим замком.

– Стой спокойно, – тихо велел он Помыкалову.

– Представьтесь, пожалуйста, – предложил Коваленко, когда руки задержанного были разомкнуты.

Помыкалов назвался. Требование расстегнуть браслеты, обращение на «вы» породило мысль, что прокурор за него.

Он сбивчиво начал говорить, что он только один раз по дурусти побил пьяного, а когда тот упал, решил снять с него ботинки.

Больше такого с ним никогда не повторится. Он может каждый день приходиться отмечаться в милицию. Деньги и часы у пьяного он не брал. Следователю сказал так, потому что заставили оперативники.

– К вам применялись незаконные методы дознания? – Коваленко по очереди посмотрел на обоих оперов, стоявших ошую⁵¹ и одесную⁵² от обвиняемого.

Маштаков поглядывал на Помыкалова с иронией. Молодой оперативник был индифферентен. Помыкалов не понял смысла вопроса. Зампрокурора повторил попроще.

– Вас что, били, пытали?

– Били, – с запинкой решился обвиняемый.

– Кто?

Помыкалов вновь забылся. Почувствовал, как опера горячо дышат ему в затылок.

– У вас есть телесные повреждения?

– Нету.

– Вы имеете право обратиться с письменным заявлением, – отработано разъяснял Коваленко. – По которому будет проведена прокурорская проверка в порядке статьи сто девятой УПК РСФСР⁵³. Выведите его. Пусть в коридоре подождёт.

Опера убрали обвиняемого из кабинета.

Санкционировав арест, зампрокурора как бы между делом сказал собиравшемуся на выход следователю:

– Пусть Маштаков зайдёт один.

– С вещами? – Озеров понятиливо ослабил, выказав лошадиные зубы.

Причина вызова на ковёр опера, на действия которого только что поступила жалоба, была истолкована соответственно.

---

⁵⁰ «Понизу» – в ходе внутрикамерной разработки (проф. сленг).

⁵¹ Ошую – по левую руку (устар.).

⁵² Одесную – по правую руку (устар.).

⁵³ Статья 109 УПК РСФСР предусматривала порядок проведения доследственной

Коваленко не отреагировал. Хотя следовало одёрнуть Озерова.

«Что за фамильярность? Я кто этому мальчишке? Ровня?»

Маштаков зашёл с приятным выражением.

– Спасибо, Виктор Петрович.

Заместитель прокурора сперва не сообразил, за что его благодарят.

Потом скупно улыбнулся.

проверки для установления в сообщении признаков преступления.

– Вы как будто за личное одолжение благодарите. Рабочий вопрос... мы же с вами одно дело делаем. Присядьте на пару минут.

Опер поддёрнул брюки, опустил на стул. Коваленко разглядывал его.

«Говорят, он до сих пор здорово пьёт».

Одурловатость лица Маштакова и тёмные полукружья под глазами подтверждали слухи.

В то же время одет он был опрятно, хорошо подстрижен, чисто выбрит. Глядел ясным взором.

– Я внимательно изучил материалы служебной проверки по факту побега Фадеева. Руководство УВД не установило в ваших действиях существенных нарушений. Но это ещё ничего не значит.

Коваленко замолк, давая возможность собеседнику переварить услышанное и при желании ответить.

Опер оказался скор на язык.

– Я понимаю, Виктор Петрович. Всё зависит от того, как вы решите.

Коваленко поёжился, собираясь с поступком. Ощущение очень походило на внутреннее содроганье, перед тем как ласточкой нырнуть с крутояра в незнакомый водоём. Реально рискуя сломать шею. На всю жизнь остаться инвалидом.

– Не в моих принципах ходить вокруг да около, Михаил Николаевич. Предлагаю вам небольшую сделку, – Коваленко пожевал губами, он не любил тавтологий. – Я закрываю глаза на эту нехорошую историю с побегом, а вы... от вас потребуется пустяк. Понаблюдать за одним домом. Сделать несколько снимков. Возможно, снять на видео.

Маштаков озадачился. Нечто подобное он заподозрил, когда заместитель прокурора обратился к нему по имени-отчеству. Предложение показалось Михе неравнозначным. Зампрокурора, спуская на тормозах головотяпство милиционеров, приведшее к побегу убийцы, оставлял Маштакова работать в органах. В свою очередь, от Михи он требовал такую вроде безделицу – понаблюдать за объектом. Сделать работу, ставшую привычной за два с лишним года работы в уголовном розыске. Закавыка, очевидно, таилась в объекте оперативной установки.

И ещё – ставить подобные задачи было не в компетенции прокуратуры.

«Что-то тут личное. Типа, жену свою решил пропасти».

– Можете на меня рассчитывать, – Маштаков смотрел открыто.

В конце концов, не на иностранную же разведку ему предлагают работать.

Коваленко ответил пристальным взглядом поверх очков в стальной оправе.

– Вы понимаете, что рассказывать об этом не следует даже непосредственному начальству?

– Понимаю, – Михя проявил такт, отвёл глаза. – Разрешите идти?

– Давайте.

«Вроде пока всё правильно делаю», – решил зампрокурора, прокрутив в голове все “за” и “против”».

14

Вечером Маштаков навестил своё любимое заведение – бар «Магнат» на Урицкого.

После работы он заглянул домой, отдал жене получку. Практически всю, отложив в «подкожные» только две сотни, больше не выкраивалось. И так без надбавок, которых он был лишён, и за вычетом прогулянных дней получилось всего две тысячи триста пятьдесят рублей.

– Домой тебя ждать? – в обычной манере, как бы между делом, поинтересовалась Татьяна.

Деньги, хоть и небольшие, возымели свое меркантильное значение, жена выглядела приветливей, чем обычно.

– Может, не пойдёшь никуда? – попросила она. – Я курочку приготовлю. Девчонки по тебе соскучились.

Миха, обувавший в крохотной прихожей ботинки, замешкался. Потом резко встал, притопнул ногой.

– У меня встреча деловая, Танюш. Да я недолго.

Жена отвернулась и быстро ушла на кухню. Без паузы загремели кастрюли.

Бар «Магнат» располагался в квартале от Михиной «хрущёвской» пятиэтажки. В половине седьмого вечера заведение почти пустовало. – Нин, привет! Как бизнес? – с порога Маштаков приветствовал барменшу. Он был здесь почти родным. Барменша Нина, стриженная искусственная блондинка, глазастая, хорошо за тридцать лет, вполне фигуристая ещё, обрадовалась его приходу. – Приветик, Миша! Ты нас забыл совсем. Маштаков подошёл к стойке, опёрся на неё, поймал женщину за кисть, поцеловал в запястье. – Выглядишь, Нин, как всегда на пять баллов. – Ты что, у меня руки мокрые... Барменша поставила на стойку два высоких бокала. Третий стала усиленно протирать перекинутым через плечо полотенцем. Улыбалась смущённо. «Надо же, – подумалось Михе, – они как кошки. Погладил – и сразу урчат». – Чего будешь? Как всегда? – Нет, как всегда не хочу. Налей пивка кружечку. Ну и сухариков каких-нибудь дай. Сколько у меня долгов накопилось? Не исчерпан ещё кредит доверия? – Ты же знаешь, когда он будет исчерпан, я тебя выкуплю, – смеялась Нина, подставляя наклонённую кружку под янтарную струю из крана. Маштаков вытащил из кармана брюк полсотни, положил на стойку. – Сдачу сминусуй из моих долгов. Символическое погашение части долга носило у Михи характер ритуала. Этим он доказывал себе, что он не прилипала, что не халявной выпивки ради он сюда ходит. Хотя хозяин бара, местный магнат Жора Сметанюк всегда корил его: – Что уж, я не в состоянии угостить старинного друга, корифея правоохранительных органов? Друзьями они не были, хотя знали давно, с восемьдесят первого года, когда оба учились в филиале местного политеха. Маштаков, промучившись год, бросил институт, ушёл в армию.

Жора и тогда был Жорой. Сын обеспеченных родителей, папа – полковник, военпред на механическом заводе. Первым на курсе Жора заявился в институт в фирменных джинсах «Леви Страус». У него водились деньжата, по мелочи он фарцевал дисками, импортными сигаретами. Девчонки вокруг него, плейбоя, хороводом вились. Худого невзрачного Маштакова Жора признавал тогда только из-за дерзких его полублатных приятелей по секции бокса, проникавших на институтские дискотеки. Коммерция давалась Жоре трудно. Правда, в последнее время он поунял свои имперские амбиции, жизнь пообломала. Освоил закон зимовки: «Будь проще, и к тебе потянутся люди». Бар приносил Жоре мало доходов. Ресторанный бизнес вообще дело проблемное. Закупка, готовка, обслуживание, клиент специфический, попросту пьяный, непредсказуемый, каждый вечер почти наносящий материальный ущерб. Табун проверяльщиков. СЭС, пожарные, архитекторы, менты! Каждому за хорошее отношение надо что-то дать. Не считая бандитов, которые были опаснее государственных мытарей, их условности должностных обязанностей не стреноживали. Но и с бандитами Жора в конце концов утряс.

Кивая на постоянно торчавших в баре ментов, комбинатор создал иллюзию опекающей его красной крыши. На общак отстёгивал эпизодически и скудно. Год назад к Жоре повадились двое отморозков. Один из них запал на Нину. Сядет у стойки, курит, щурится и задвигает ей разные гадости на сексуальные темы. Типа, представь, киска, как я тебе ножки раздвину... До настоящих истерик Нинку доводил, она увольняться всерьёз хотела. А это Жориному магнатовскому бизнесу – край, Нина весь бар на себе тащила. В Жоре южная, наполовину семитская кровь закипела. Когда парни в очередной раз заявили, он вызвал их в коридор, орать стал. Второй, не сексуально озабоченный, сделал к топавшему ногами Жоре короткий шаг. Выдернул из фирменных штанов комерса подол рубахи. И к вывалившемуся студенистому брюху приставил острое жало выкидухи. – Ты чё визжишь, жирный? – спросил тихо.

Жора попятился от ножа и от страшных глаз отморозка – белых, без зрачков. Еле отбрехался он тогда, угощал парней за счёт заведения. В следующий раз озабоченный подкараулил, когда Нина в туалете уединилась. Сломал запор на двери. Сцена получилась дикая. Нинка с завернутой сверху юбкой визжала на унитазах, как резаная. Люди сбежались, позорище... На следующее утро Жора прилетел к Маштакову на работу. Захлёбываясь ненормативной лексикой, вывалил проблемы. – А чего, Георгий, молчал? – упрекнул находившийся здесь же Титов. – Не к кому обратиться? Ждёшь, когда тётку трахнут, а тебе шкуру продырявят? – Маштаков на правах старинного знакомца был более резок. Сметанюк сидел, потупившись, со всем соглашался. В тот вечер опера провели в баре зачистку. Титов, камээс-рукопашник, никогда не упускал возможности попрактиковаться в силовых задержаниях. Конфликт грамотно спровоцировал небогатырского вида Маштаков. Локтем он опрокинул кружку с пивом у сидевшего у стойки озабоченного. – Чё ты делаешь, паскуда? – воскликнул тот, отлепляя от коленей насквозь промокшие брюки. Свидетели (хозяин ООО «Магнат» Сметанюк Г. А., бармен-администратор Добровольская Н. С., повар Кувезина Р. П.) подтвердили потом, как беспричинно гражданин, находившийся в состоянии алкогольного опьянения, напал на оперуполномоченного капитана Маштакова, замахнулся на него кружкой, пытался ударить по голове. При этом ругался грубой нецензурной бранью. Миха провёл правый кросс, а левой врезал парню по печени. Озабоченный пошёл по бару вприсядку под задорный припев «Последней электрички» Алены Апиной. Второй, в короткой кожанке, бросился на Маштакова. В руке его сухо щёлкнул выкидной нож. Стоявший в стороне как бы не при делах Титов резко ударил парня левой рукой по плечу, а правым предплечьем – по гортани. Сразу Лёшка скрутил противнику запястье, заставив выронить нож, и взял в замок его горло. Неторопливо сдавил правым предплечьем гортань.

– Ну чё, друг, нормально, да? – Тит чуть подзапыхался.

Уткнувшийся зажатой головой в подмышку опера отморозок в ответ сумел только просипеть невнятно. Согласно наставлению по рукопашному бою для зелёных беретов, Тит реально мог задушить противника при подобном захвате.

А в дверь, топоча, забегало ещё трое сыщиков.

У того, что вздумал дёргаться, нашли чек⁵⁴ героина, ножик его без всяких натягов потянул на двести двадцать вторую статью⁵⁵.

Парень, ко всему прочему, оказался ещё и «условником», имел в активе два на два с половиной за кражу. В общем, его укатали на трояк реально.

Второй, сексуально озабоченный, ранее не судимый, залётный гражданин Копытов получил десять суток за мелкое хулиганство в общественном месте. В специальном приёмнике при УВД г. Острога ему провели курс сексуальной коррекции.

Маштаков тогда засомневался:

⁵⁴ Чек – вощеная бумажка с любой дозой героина (жарг.).

⁵⁵ Статья 222 УК РФ до 2004 года предусматривала уголовную ответственность за ношение холодного оружия.

– Стоит ли впадать в крайности?

– Миха, они по-другому не понимают, – убедил его Титов, не отягчённый высшим образованием. – Завтра ему моя Люсь-ка понравится или твоя Танюха.

Копытов вышел из спецприёмника дырявым⁵⁶. Сразу слинял из города, больше им не смердело.

На радостях Жора устроил грандиозное гулянье для воинов-освободителей. Закрыв бар на спецобслуживание. Упились до хорошего, в такси уставших оперов загружали штабелями.

С пьяных глаз магнат Сметанюк не сумел сдать бар на сигнализацию, и Михе пришлось оставаться с Нинкой охранять материальные ценности. В подсобке на топчане женщина безуспешно промучалась с Маштаковым до утра, но так ничего от него, перебравшего, не доби- лась.

С Ниной у него получились дружеские отношения, он к ней больше не подкатывал. Она закончила филфак, до тридцати лет учила детишек русскому языку и литературе, потом муж бывший сманил её в коммерцию, где можно было хоть на кусок хлеба с маслом себе и дочке заработать.

У Михи с Ниной обнаружились общие интересы. Она тоже любила прозу Довлатова. Открыла для Маштакова хорошего писателя Сергея Каледина. Уважала Высоцкого, специально для Михи держала в баре несколько кассет Владимира Семёновича.

Наизусть знала много стихов Цветаевой, Мандельштама. Услышав, что Маштаков со школы увлечен историей Белого движения и изучает его, принесла ему сборничек стихов эми- грантского поэта Арсения Несмелова, в прошлом колчаковского офицера.

Миха, помнится, прочитал и обалдел от простоты и пронзительности.

*...Переодевшись и обрив усы,
Мазнув у глаз две тёмных полосы,
Он бросился к любовнице на дачу.
Там сосчитал он деньги и патроны,
Над дачей каркали осенние вороны,
И вычистил заржавленный «Веблей».
Потом зевнул, задумавшись устало,
И женщине напудренной и вялой
Толкнул стакан и приказал: «Налей!»*

Наметанным глазом Маштаков, конечно, определил, что Нина спит с хозяином. В совре- менном мире это стало почти обязательной составляющей неофициальной части контракта наёмной работницы-женщины.

И по противоречивому своему характеру Миха (хоть и не его дело было, зарёкся он, что не будет связываться с Нинкой) заревновал её к жиртресту Жоре. Один раз, поддатый, даже хотел морду ему набить. Потом извинялся, правда.

Маштаков цедил пиво, сухарики ржаные грыз. Когда дошёл до половины кружки, почув- ствовал лёгкое ослабление головного зажима. Пора было закуривать.

– Как «Янтарное»? – поинтересовалась Нина.

Пиво по правде показалось Михе пустоватым, но видя, что мнущиеся у стойки мужики наострили уши, он солидно крякнул:

– Классное. Свежак!

Обслужив работяг, Нина вышла в зал и положила на стол перед Маштаковым сложенную вчетверо газету.

---

⁵⁶ Дырявый – лицо, в отношении которого совершен акт мужеложства.

– Тут про тебя какой-то Н. Прохоров написал.

Говоря это, сметливая Нина нагнулась, голос понизила. Ни к чему, чтобы посторонние слышали. А то в разговор влезут, тоже прочесть захотят. Без надобности узнают, что Миха – милиционер.

Маштаков развернул газетку и на второй странице узрел крупным шрифтом набранный заголовок:

«УБИЙЦА – СРЕДИ НАС!»

«31 августа 1999 года в деревне Соломино нашего района обнаружен закопанный на большой глубине труп зверски убитой молоденькой девушки. Могила была тщательно замаскирована. Вскоре убийца, ранее неоднократно судимый рецидивист оказался в руках милиции. Однако благодаря «профессиональным» действиям наших горе-«пинкертонов» убийце удалось бежать. С вопросами, как удалось преступнику выбраться из тщательно охраняемого здания милиции, пройти через многочисленные кордоны и посты, мы обратились к начальнику УВД. Однако, сославшись на занятость, полковник Е. Сомов отказался беседовать с нашим корреспондентом, развенчивая свои прежние заверения, что он открыт для прессы. В результате проведённого журналистского расследования удалось узнать, что к этой неприглядной истории имеет непосредственное отношение оперуполномоченный капитан М. Маштаков. При нашем обращении капитан, очевидно, беря пример со своего непосредственного начальника, также изобразил из себя глухонемого, не пролив света на происшедшее. Уважаемые горожане, задумайтесь, способны ли городские власти, в том числе и милицейские, контролировать ситуацию и обеспечить безопасность вашу и ваших близких?» Н. Прохоров

Миха залпом допил пиво.

«Вот ведь сука Голянкина! Нахватается вершков и лепит! Что ни слово, то лжа! Бывалая плечевая проститутка – молоденькая девушка? Закопана на большой глубине? И могила, оказывается, тщательно замаскирована? Фадеев Виталька – ранее неоднократно судимый рецидивист? Да он ведь только раз судим. А в побеге *убийца* виноват, значит, только я?»

Маштаков подошёл к стойке, стукнул свёрнутой в трубку газетой.

– Нинуль, налей полста.

Барменша поставила перед ним рюмку водки, бутерброд с красной рыбой на пластмассовую тарелочку положила.

– Не бери в голову, Миш. Зря я, наверное, тебе эту ерунду подсунула. Прости, не подумала.

– А-а-а...

Миха опрокинул рюмку, водка, проходя положенным маршрутом, царапнула гортань, скользнула вниз по пищеводу. Согрела, усиливая тренировочное опьянение от принятой ранее кружки «Янтарного».

– Закусывай, – Нина подвинула тарелочку с бутербродом.

– Ага, – Маштаков крупно откусил, забывая сочным солёным вкусом присутствие медицины во рту, – Нинуль, ты мне газетку эту презентуй, *будь ласка*. При встрече забью Прохорову в глотку. Или ещё куда, где потуже.

– Да бери. Я только программу из неё выну.

Нина занялась посетителями, бар постепенно заполнялся, знакомых не было. Миха посмотрел на часы. Друг его Вадик Соколов, дядя Вадя, забивший деловую стрелку, опаздывал на пятнадцать минут.

Маштаков курил в углу, ненавязчиво присутствующих разглядывал. По привычке и от нечего делать.

За соседним столиком двое работяг, пришедших до него, сусонили пиво, кружке по четвертой уж, наверное. Нинка только что в обеих руках унесла с их стола пустую посуду. На газете дядьки разорвали здорового вяленого леща. Поедали его грамотно, вчистую, даже пузыри на спичке поджарили. Под пиво они выпили маленькую⁵⁷, практично принесённую с собой. Нина, если люди были нормальные, не наглые и не притаскивали ящик, на амбразуру не бросалась.

Разговор меж мужиками шёл степенный. По ходу дела, один собирался женить сына.

– Девчонка вроде-ка скромная... в институте заочном учится...

За ними отдыхала весёлая компания. Двое незнакомых прилпатнённых парней. Один с зубами «жёлтого металла», шумный, с масляным красивым лицом солировал, сыпал анекдотами. На двух парней – три девки, пятый стул от другого стола они заняли. Девчонки, чувствуется, свои в доску, курят, анекдоты матерные встречают хохотом. Второй пузырь водки в спринтерском темпе добивают. Отдыхают культурно, кроме «Шуйской» на столе – шампанское, сок. Горячего заказали.

Нина крикнула в окошко на кухню:

– Рая, две «свинины деликатесные», три гриля!

Хорошие посетители. Если, конечно, выпив, непотребства какого не учинят.

Скупой Жора экономил на охране. Миха сто раз ему советовал – найми вышибалу. Хотя бы на три часа: с девяти, когда градус у народа поднимается и до закрытия. Но Жора предпочитает сам закрывать бар. Для пущей уверенности он приобрёл газовый баллончик и электрошокер.

Дядя Вадя появился, когда Маштаков собрался заказать ещё сто.

С порога он забасил, оправдываясь:

– Ёхарный бабай, шаровая у меня полетела! Пока на галстук хорошие люди до гаража дотащили, пока помылся, переделся.

Нинон, привет! Сахарного песку мешок не возьмёшь? У меня самый дешёвый в городе.

– Какой песок, Вадик? Сезон заготовок уже тю-тю, – барменша засмеялась, отчего её усталое, с избытком косметики лицо похорошело.

Дядя Вадя, как и Миха, завсегдатай «Магната». Не заглядывая в карточку меню, он делово осведомился:

– Цыплята из Освенцима или из Майданека?! Ива-ановские?

Ждать долго? А побыстрее если? Два гриля нам с Николаичем сделай. Хорошей водочки бутылочку. «Вальс-бостон». Только, умоляю, холодной. По салатику... Николаич, какого тебе салату заказать?! Оливье? Нинон, Николаичу – классического «оливье», а мне – классического «овощного». Пивка по паре пока...

И к пиву бутербродиков штук шесть разных, с рыбкой, с сыром там. Да, ещё пачку «Золотой Явы».

Маштаков с Вадиком проучились десять лет в одном классе. Почти всю дорогу были – не разлей вода. В элитной школе с преподаванием ряда предметов на английском языке числились в самых отпетых. Родители не могли придти к единому мнению, кто из мальчишек на кого плохо влияет. Вместе занимались боксом в «Вымпеле» у Варабина Валерия Ивановича. Рычагастый и духарной Вадик считался более перспективным, но дальше третьего разряда оба не пошли, надоело. Переманили другие возрастные увлечения – улица, девчонки, рублёвое плодово-ягодное винишко, танцы в экскаваторном парке... Многие педагоги предрекали им кривую стезю, а классная руководительница, математичка Бернацкая, конкретно – уголовную. Пока Миха год насиловал себя в политехническом институте, Вадик одолел «тэуху» по

---

⁵⁷ «Маленькая» – бутылка водки емкостью 0,25 л.

престижной в ту пору специальности «оператор станков с ЧПУ». На том его университеты закончились. Сейчас он, особенно вдетый, часто жалеет: «Дипломчик бы не помешал». В один призыв пошли в советскую армию. Тогда мыслей не было, чтобы закосить. Пришла повестка, шапку в охапку и бегом на призывной пункт. Обоих судьба закинула далеко от родной средней полосы. Вадик попал в Чехословакию, в ЦГВ⁵⁸, служил водилой в разведроту. Маштаков улетел в другую сторону. Южный Казахстан, Джамбульская область, ПГТ⁵⁹ «Гвардейский». Начиная в учебке, в зенитном полку. Через полгода уехал в войска в Свердловск, ныне – Екатеринбург. Чудом избежал Афгана, куда их учебная часть поставляла кое-как обученную рабоче-крестьянскую кадру. Дембельнулись парни одновременно. Гудели на радостях! Казалось, весь мир под ногами. Потом пути-дороги разошлись. Миху родители второй раз надумели поступать учиться в институт. Не получилось в техническом, иди в гуманитарный, на юрфак в Иваново. Как-то, перечитывая роман Катаева «Зимний ветер», Маштаков обсмеялся над одной сценой. Главный герой Петя Бачей, офицер из вольноопределяющихся, лежит в госпитале, раненый в ногу. Лежит у себя дома в Одессе. Дело происходит в первую мировую войну, уже при Керенском. Его проведывает тетушка, которая интересуется, чем племянник намерен заниматься после войны. Петя отвечает, что пойдёт учиться в университет.

«На какой факультет?» – продолжает допрос тетя.

«Не знаю. На юридический, наверное», – говорит племянник.

Тетя в ужасе закатывает глаза. До Пети в этот момент доходит, что на юридическом учатся одни бездельники, не способные больше ни к чему.

После юрфака Миха вернулся по распределению в родной город. Стажёром в межрайонную прокуратуру. Вадик в ту пору работал на заводе, слесарил. Он потом уйму мест поменял, даже в армию по контракту вербовался, в Таджикистан ездил, в двести первую дивизию.

Ныне дядя Вадя – индивидуальный предприниматель без образования юридического лица. У него две торговые точки, на «Первомайском» рынке и здесь, на Эстакаде. Он торгует сахаром-песком и мукой. Маштаков с большим скепсисом относится к его коммерческим проектам, Вадик не торгош по натуре своей, но год вот уже он барахтается и не тонет. «Жигуль» подержанный, восемьдесят какого-то лохматого года взял. «Хрущёвку» с доплатой обменял на «брежневку». И выпить-закусить всегда ему хватает с другом лучшим на пару.

Вадик за один присос вылил в себя кружку пива. Перевёл дух, на усах его съежилась пена. – Хорошо!

Он истово взялся за вторую кружку. По старинной привычке пил с того края, где ручка. Знающие люди ещё в парнях ему растолковали, что так безопасней из соображений гигиены, остальные де в этом месте не прикладываются.

Маштаков цедил с опаской, завтра – на работу. Дядя Вадя вкратце растолковал ему суть проблемы.

Он собрался ехать в Рязанскую область закупать муку. Сразу солидную партию, на ползимы. С этой целью арендовал «Камаз» с большой фурой – «шалыгу». Миха ему был нужен в качестве сопровождающего.

– Ты представляешь, Миш, двадцать раз останавливали, без байды... двадцать раз, когда за сахаром в Белгород ездил. На каждом посту! И начинается мурыжево... Документы на машину, путёвку, накладные... Груз к осмотру... Ёхарный бабай, семь мешков, Миша, по дороге гаишникам подарил. На шесть тыщ почти!

Миша, я жену Рокфеллера не трахаю, ты знаешь... Ты чего смурной какой? Чего не пьёшь-то? Случилось чего?

Маштаков моргнул приятелю обоими глазами, опустил нос в кружку.

⁵⁸ ЦГВ – центральная группа войск.

⁵⁹ ПГТ – посёлок городского типа.

«Вот и сон в руку. Вот и выгодное путешествие».

За работу Вадик кладёт две штуки плюс суточные. Условия выгодные, надо соглашаться.

Схема, конечно, умопомрачительная – мент сопровождает коммерсанта, дабы защитить его от своих своекорыстных собратьев. Дожили, блин!

«Дашке куртку купим и сапоги. Большая, а ходит как оборванка. И Танюхе – непременно. Всё жалуется, не в чем ей выйти. Только надо обставиться грамотно. Сейчас времена такие, кругом война с коррупционерами как раз такого крупного калибра как я. За коммерческую езду в форме в чужой регион, чуть чего, по голове не погладят. Начальству такие финты известны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.